

A stack of white papers with a magnifying glass and a quill pen on a dark wooden surface. The magnifying glass is on the left, and the quill pen is on the right. The text is centered on the top paper.

Инна Чеп

**Особые
обстоятельства**

Ну что может случиться такого оригинального в маленьком провинциальном городке, где все друг друга знают? Поссорятся две семьи. Неудачно влюбится юный аристократ. Пойдет наследник рода не по стопам отцов. Опять напьется и свалится в канаву сын наместника. Все те же сплетни, все те же сплетники, порой ничего и не меняется за десять-пятнадцать лет. О чем говорить?

Разве что о нескольких ритуально-магических убийствах, совершенных в черте города неизвестным лицом? И лицо это ходит по тем же улицам, что и жертвы, ест и пьет в тех же пивных и чайных, мило здоровается с родственниками своих жертв — и выискивает новую. Найдет? Или присланный из столицы сыщик сможет поймать преступника раньше?

Особые обстоятельства

Глава 1. Начало

Мир, он — ярче. Ярче, чем ему казалось раньше. Мир расцвечен красками, запахами, звуками, ощущениями. Он может быть холодным и горячим, горьким и сладким, громким и тихим, гладким и шершавым... Абсолютно разный. Абсолютно свой. Абсолютно чужой. Словно бы выталкивающий его в небытие. Запрещающий перекраивать свою ткань. Отвергающий любое его действие. Кто-то когда-то сказал, что жизнь — борьба. Тогда стоит бороться до последнего.

Тьма. Она имеет свой цвет, вкус, она может быть холодной и теплой, или заполненной болью, как сейчас. Но из нее можно выскрести, выцарапать, вырвать свое сознание, стоит только открыть глаза.

Хочется сказать: "Поднимите мне веки," — но горло пересохло, и из него не вырывается даже хрипа.

Опять переделка. В какую он попал на этот раз?

Тело медленно осознает себя. Рука. Оказывается, она у него есть. И болит. Спина. Спина, кажется, вообще сплошной синяк. Рот. Губы потрескались, на них запеклась кровь. Если сделать усилие и донести руку до лица, обнаружиться, что оно все в засохшей корке крови. Глаза? Нет, глаза на месте. Пальцы сигнализируют: под веками есть глазные яблоки. Значит, надо просто поднять веки.

Это удастся не сразу. Но удастся. Сначала приходится долго моргать в попытке избавиться от оранжевых пятен. Потом щуриться, привыкая к свету — на улице рассвет, и первые лучи солнца, заглядывающие в окно, кажутся изошрённой пыткой. Но вот слезы перестают течь и можно рассмотреть комнату.

Пыльная. Видимо, помещение было заброшено до вчерашнего дня. Маленькая. Похожа на скромный будуар стесненной в средствах дамы. Трюмо с разбитым зеркалом, разломанный на части стул, софа, накрытая белым полотном, словно хозяева уехали на время и рассчитывали ещё вернуться... Это... Это все...

Ни о чем ему не говорило.

Совсем.

Абсолютно.

Как он здесь оказался? Неизвестно.

Зачем он сюда пришел? Неясно.

Что это за место и где оно находится? Нет информации.

Почему он...

А...

А кто — он?

Да и "он" ли?

Руки слушались плохо, но человек всё-таки определил, что он — это именно "он". И обрадовался, что что-то помнит. Сел, опираясь на стену, стал подробнее осматривать помещение. Это казалось очень привычным: внимательно что-то осматривать, искать элементы, которые могут натолкнуть на какие-то выводы. Хорошо. Очень хорошо. По крайней мере, не помня имени, он сохранил навыки и, возможно, знания. Это главное в его деле.

В каком деле?

Пока не важно. Важно, что, во-первых, комната выглядит заброшенной, а значит, сюда пришли для конкретной цели и вероятно специально выбирали дом, в котором давно никто не живёт. А во-вторых, помещение производит впечатление, словно его встряхнули. А так как это, конечно, не возможно, то... магическая волна? Если посмотреть, как разбиты-разбросаны вещи, нет, это не следы борьбы. Либо боролись не люди. А...

Кто?

Зачем?

Как он здесь оказался? По доброй воле? По принуждению? По службе?

Службе? Кому он служит? Как? Где?

Нет, это потом. Сейчас — комната.

Главное в этой комнате — у нее есть покосившаяся дверь. Значит, она куда-то ведет. И треснувшее зеркало. Значит, можно увидеть себя. Надо только встать и подойти к нему. Надо!

Рассветные лучи, заглядывающие в узкое окно, равнодушно наблюдали за попытками мужчины встать. Это удалось ему только раза с пятого. Идя, придерживаясь за стену, до трюмо, он то и дело поглядывал на окно. Стремительно светлело. Плохо. Ему надо быстрее уходить. Он не знал, почему, но знал — надо.

Треснувшее зеркало отразило мужское лицо, местами действительно покрытое спекшейся кровью. Он разбил нос? Нет, вроде тот был сломан давно. Губы? Да, губы разбиты. Порез на руке. Может, кровь с руки? Схватился за лицо и оставил след. А почему хватался? Что увидел?

Вопросы потом, время поджигает.

Глаза странные, светло-карие, медовые практически. Даже больше жёлтые, чем карие. Это его вечная проблема. Но девушкам иногда нравится. Пожалуй, только глаза.

Горечь осела где-то в подсознании. Потом, все потом. Сейчас другое.

Нос кривой, сломанный когда-то. Может, не один раз.

Лицо обыкновенное, чуть вытянутое.

Губы разбиты.

Брови густые.

Ямочка на подбородке.

Чуть топорщившиеся уши прикрыты соломенными волосами разной длины, словно его стриг не цирюльник, а первый встречный бродяга. Волосы неприятно колют шею — недавно отрастил? Или недавно обрезаю и ещё не привык?

Небольшая щетина.

Вид в целом какой-то безвременной: можно дать и тридцать лет, и пятьдесят. Средний рост, среднее телосложение.

Одежда обычная. Брюки, рубашка, жилет, сюртук. Он почему-то знал, что выглядит немного старомодно, но предпочитал привычную одежду модным веяниям. Сюртук гражданский, но он знал, что носил и другой, рабочий. Но гражданский ему всегда нравился больше.

Хорошо, очень хорошо. Память никуда не делась, просто спряталась. Ничего, он упорный, он ее заставит работать.

"— Упорный или упоротый? — смеётся парень в невообразимо глупой одежде. В одном ухе у него серьга, и можно было бы решить, что он откуда-нибудь с юга материка, но и

там такое не носят. Парень чужой, и слова у него — чужие, и все в нем — не от мира сего..."

Он отвернулся от зеркала. Зеркала, видимо, чем-то его раздражали: рассматривая собственный облик, он чувствовал дискомфорт. Следующий этап — личные вещи. Среди них о чем не говорящей мелочи типа платка без монограммы, в карманах нашлись часы на серебряной цепочке с вензелем "ДД", карандаш с грифелем, маленькая книжка с, казалось бы, бессмысленными записями, а главное — документы и сопроводительное письмо на имя Димитрия Кривза. Уполномоченного явиться в городок Зелеград для помощи местной полиции в расследовании мистических происшествий, имевших место быть здесь в последнее время слишком часто. Также в карманах обнаружилась мятая бумажка с названием гостиницы, ключ, и огрызок билета на поезд.

Итак, ситуация стала проясняться. Вероятно, он и есть Димитрий Кривз. Сыщик из столицы, прибывший в небольшой городок с целью помочь местным властям в запутанном расследовании. Это многое объясняет: то, как он привычно осматривал помещение в поисках подсказок, то, как легко он воспринял свое положение "не пойми где". Чувствовалось, что в разъездах он бывает часто.

"— И ничем хорошим это ни разу не заканчивалось! — фыркнул женский голосок из-за соседнего стола... У нее каштановые волосы — толстая коса и..."

Воспоминание рассыпалось пеплом, как пришло из ниоткуда, так в никуда и кануло — обрывок жизни, без начала и конца.

Димитрий поморщился от головной боли. Мимолётный слепок прошлого, размытый, совершенно ни о чем не говоривший, усугубил и без того неприятное самочувствие мужчины. Сыщик посмотрел в окно — почти рассвело. Он окинул комнату последним взглядом, не нашел больше ничего интересного и резко толкнул дверь в соседнее помещение, одновременно отскакивая под защиту стен.

Тишина.

Выждав немного на всякий случай, он осторожно выглянул в дверной проем. Что ж, можно не прятаться, живых здесь нет.

Небольшая комната, видимо, была когда-то спальней, но сейчас из мебели в ней остались лишь старое кресло в углу да стол у окна. Отодвигали специально — освобождали место для... Димитрий зашагал вокруг рисунка, внимательно всматриваясь в нарисованные линии. Для ритуала? Часть знаков была стёрта, поверх других были проведены лишние линии. Где-то натекла кровь, размывая и контур, и символы. Димитрий достал свою книжку с записями, карандаш и стал быстро перерисовывать то немногое, что смогло сохраниться после неудачного ритуала. Неудачность его не подлежала сомнению: три трупа появились здесь не сами по себе. Нет, пришли, конечно, своими ногами, но вряд ли рассчитывали здесь остаться в качестве мертвецов.

Кривз подошёл ближе. У окна, под столом лежала женщина. Немолодая, прилично одетая. Скорее всего служанка богатого дома. Возможно, старшая над слугами. Платье из добротной ткани, аккуратное, по сезону, на ногах сапожки — без украшений, но и без следов починки. Глаза закрыты, рот, наоборот, раскрыт в крике, иных следов насильственной смерти нет — ни крови, ни повреждений. Даже скрюченные пальцы вцепились в

собственную шаль, а не в кого-то. Второй труп — старик. Благообразный дедок лежал у стены, не совсем понятно, его туда отбросило посторонней силой или там он стоял во время ритуала, а потом просто повалился на пол. Под головой засохшее пятно крови, но опять же: он ударился так неудачно о пол или имела место другая причина повреждений? Дмитрий внимательно обошел тело, но переворачивать его не решился, не стоило оставлять здесь следов своего пребывания.

Одет дед был по провинциальным меркам чуть старомодно, но не дешево. Окрашенные чернилами пальцы и валяющиеся рядом с телом треснувшие очки давали возможность предположить, что он занимался интеллектуальным трудом. На писаря старик никак не походил, возможно, юрист? Или учёный? Или учитель? Или счетовод при богатом доме/конторе? Но что-то явно связанное с писаниной.

Третий мертвец выделялся своей неопрятностью. На фоне двух приличных трупов он выглядел нищим, побирuşкой: рваная одежда, слишком лёгкая для осени, сапоги с дырками, грязное лицо, запах протухшей рыбы — ее хвост высунулся из левого кармана изодранного плаща. Дмитрий присмотрелся внимательнее. Весь вид последнего мертвеца говорил, даже кричал о его бездомности, однако ногти мужчины были подстрижены ровно, аккуратно, думается, что недавно. Нет, конечно, никто не мешает нищему следить за собой хоть частично, но всё-таки сыщик мысленно отметил эту странность.

Время неумолимо текло вперёд. На улице раздались людские голоса. Дмитрий спрятал книжицу и грифель обратно в карман и поспешил покинуть комнату.

Пыльный коридор, который, судя по всему, слуги не убирали уже не первый год.

Лестница — между завитушками кованых перил висят лохмотья паутины.

Холл. Через парадную идти нельзя.

Но в таких домах, даже самых скромных, всегда есть ходы для слуг. Кстати, очень привычные. Кухня, задние двери. Засов, конечно, снят. Сначала — посмотреть в окно, оценить, что там на улице. Женщина у третьего дома из противоположного ряда выбивает ковер, больше никого нет. Дождаться, когда она уйдет, выскользнуть наружу, тут же метнуться на другую сторону, скользнуть в боковую улочку. Вернуться улочкой соседней, оглядеть улицу — никого, ничего. Хорошо. Можно уходить.

Следующее, что следует сделать — найти гостиницу. Только не в таком виде.

Поплутав по темным рассветным переулкам, Кривз набрел на подходящий колодец. Ведро к нему, конечно, не предлагалось, но рядом росли деревья. Найти подходящую палку и обвязать ее платком не составило труда. Стерев с лица и рук кровь мокрой тканью, он ещё немного походил по узким улицам этого района, пытаясь не особо показываться на глаза прохожим. Наконец, поймав свое отражение в окне весьма приличного дома и таким образом удостоверившись, что его внешний вид не может вызвать ненужных вопросов, сыщик вышел на оживленную улицу города. Он шагал походкой нарочито размеренной, не слишком быстро, чтобы не выглядеть торопливым, и не слишком медленно, чтобы кто-то мог посчитать его праздно прогуливающимся. Возможность выбрать любой вариант при необходимости — нужная в чужом месте вещь. Особенно при его обстоятельствах.

Обстоятельства оные, если задуматься, его не пугали. Наверно, это при его профессии естественно. Однако потеря памяти, ритуал, которому он был по всей видимости свидетелем (вольным/невольным?), три трупа — все это складывалось в весьма странную картину и конечно же требовало тщательнейшего изучения. И не могло не вызывать беспокойства. Или интереса. Даже скорее второе.

Кривз вспомнил название постоянного двора: "Теплый дом". Без амбиций, значит, заведение не из дорогих, но упор сделан не на выпивку, значит, более-менее приличное место. Будет находиться не в центре, а в каком-нибудь квартале средней руки. Но в какой стороне?

На улице бегали мальчишки с утренними газетами. Дмитрий поймал одного, купил газету, спросил про нужное место и как к нему пройти. За Северной улицей квартал аптекарей, там Осенний переулок. Искомое — двухэтажный дом с красной крышей.

Выйти к северу от центра не составило труда. А вот аптекарский квартал нашелся не сразу: сначала Дмитрий вышел к купеческим домам, затем свернул не в ту сторону и оказался на Печатной улице, потом наконец догадался зайти правее — и попал в мир зелёных садов и маленьких ухоженных домиков. Наличие здесь тихого приличного постоянного двора показалось ему закономерным: к аптекарям за лекарством часто едут издалека. Наверняка, где-то рядом и лечебный квартал есть, одновременно примыкающий к одной из центральных улиц.

Дом с красной крышей детектив увидел издалека: из трубы шел дым, ветер лениво поворачивал флюгер в виде какой-то заморской птицы. Двухэтажный, хотя скорее "трёх", так как чердак явно был обжит и тоже сдавался. Вокруг — зелень, цветы. В открытом грунте на клумбах и грядках, в горшках на подоконниках и даже на крыльце.

Дом никаких воспоминаний не вызвал. Но делать было нечего — надо идти. А там...

— Сид Кривз! Сид Кривз!

Окрик заставил остановиться больше своей громкостью, чем осознанием, что зовут именно его. Дмитрий поморщился. "Сид" — это обращение не к нему, но почему-то всегда путают. Он не из военного сословия, он...

Ощущение было смутным и неоформленным, но при этом каким-то старым, даже заскорузлым.

Нет, вернёмся к логике. Кривз. Обычная фамилия низших сословий. Не военный, не аристократ, даже не купеческого рода. Никакой приставки к имени.

Но вот люди с временной работы почему-то всегда норовят записать его в сиды, военное сословие.

К нему подбежал мальчишка. Уже не ребенок, над губой пробивается пушок, но ещё и не взрослый. Долговязый, тощий, коротко стриженный, в добротной, но старой одежде и с сумкой через плечо.

— Сид Кривз! Я от сида Урда. Вы срочно нужны.

Дмитрий сделал хмурое лицо, окинул паренька внимательным взглядом.

— Вито, — понятно напомнил тот. — Я вчера вам извозчика нашел! Деда Маху, помните?

Дмитрий не счёл нужным ответить. Только поправил:

— Я не сид.

Он бросил взгляд в сторону дома. На крыльце суетился человек, мужчина или женщина — непонятно. Где-то там, за несколькими дверьми должны лежать вещи сыщика, чрезвычайно необходимые ему сейчас. Они могли дать информацию — хоть какую-то. Было бы глупо соваться в неизвестность, особенно учитывая тот факт, что, судя по всему, прибыл он в город вчера и уже успел с кем-то познакомиться, как минимум с начальником сысского отделения и вот этим пареньком. Но и медлить нельзя, это вызовет лишний интерес. Или удивление. Или раздражение. Неважно, любая эмоция заострит внимание на этой

незначительной детали, что потом может быть использовано против него.

Странная мысль. Очень. Чего бояться столичному сыщику в этой глуши?

Димитрий бросил взгляд на рукава. Чуть влажные, но подозрительных пятен не замечено. Хорошо, решено.

— Едем.

Мальчишка попался расторопный, понятливый. К людной улице вышли через пару минут, тут же громким свистом был привлечен добродушный полный извозчик, по новой моде запрягший в коляску двух лошадей.

"Дело о кристаллах на крови" дало о себе знать: мир довольно быстро поменял виды транспорта местами: тягловая сила вошла в моду, магические кристаллы движения, наоборот, стали чем-то не совсем приличным. Впрочем, уже существовали разработки парового двигателя и двигателя, основанного на резонансе взаимодействия магических сил, так что выбор у покупателей расширился.

Транспорт — вещь важная. По нему можно составить о человеке некоторое мнение. Богат или беден, склонен ли к авантюрам, следит ли за модой и т. д... Любопытно, на чем приедет этот сид Урд? Как будет выглядеть?

Любопытствовал Димитрий зря: сид Урд не спешил лично посетить место преступления, посчитав, что будет достаточно столичного чина. Впрочем, оно и к лучшему, учитывая, куда их с Вито привез извозчик.

Знакомый дом насмешливо скалился открытыми нараспашку дверьми, презрительно взирал на сыщика давно немытыми стеклянными окнами. Дом знал тайну, которую не знал сыщик. Кривз усмехнулся. Ничего, он раскопает все детали. Всегда раскапывал. Непонятно откуда взявшаяся мысль ободрила, придала уверенности. Ну, раз нечто внутреннее говорит "всегда", стоит поверить. Не демон же ему на ухо шепчет, хех?

Раскопает. Обязательно.

У дома уже собралась толпа любопытствующих. Вито бодро расталкивал их локтями, прикрикивая на особо неуступчивых командирским тоном:

— А ну разошлись! Сыскной отдел! Че стал, как пень, пусти служебных!

Толпа была кстати: теперь любой недостаток внешнего вида, будь то мятость или пятно, можно списать на нерасторопных горожан. Впрочем, ему вряд ли кто-нибудь сделает подобное замечание.

Стоило им миновать толпу, как навстречу с крыльца сбежала девушка. Круглолицая, розовощекая, с двумя толстыми темными косами ниже пояса. Не худая по современной моде, но и не толстая, скорее фигуристая, но не излишне, ладная. Невысокая. Глаза голубые, блестят любопытством, губы подкрашены, но не ярким цветом. Юбка темно-синяя, длинная (видимо, мода показывать щиколотки сюда ещё не дошла), блузка с воротником-стойкой, а поверх... Женский сюртук. Форменный, со значком на рукаве.

— Вито, наконец!

Она остановилась совсем рядом, прижала к груди измаранные грифелем листы, улыбнулась.

— Здравствуйте! А мы вас ждём! Сид Урд сказал, вы пожелали лично всё осматривать, вот, ребята как нашли мертвецов, тут же послали за вами. История странная. Двое мальчишек, дети прачки, отправились по поручению матери посмотреть, куда их старший брат за полночь ходит, не к соседской ли дочке. Залегли за конюшней по темноте. Ну и пока сидели в засаде, увидели свет в доме напротив, а дом давно заброшенный, уже и не помнят,

кто здесь жил. Хотели было ближе подобраться, но услышали, как сами утверждают, "дикий" крик, струхнули и убежали. А утром кто-то из соседей заметил, что раньше заколоченные двери теперь открыты. Постучали, никто не открыл. Район не богатый, но приличный, сообщили квартальному. Ну и вот. Три тела. Как нашли, Вито послали за вами, а Ладу за ассистентом доктора.

Слово "ассистент" девушка выговорила с особой тщательностью: и мы, провинциальные, не лыком шиты, знаем разные словечки! Хотя, столь громкое обозначение вряд ли подойдёт к помощнику местного доктора. Впрочем, непрофессионально полагаться на стереотипы. И в глухих местах встречаются отличные специалисты.

Девушка таращилась на столичного сыщика с детским восторгом. Димитрию не нравилось подобное внимание к себе, ему вообще любое внимание не нравилось, но деваться было некуда, придется сотрудничать, как всегда.

И знать все порочные желания...

От странной мысли сыщик отмахнулся. Все ему не надо, ему нужны желания того, кто хотел провести этот ритуал. Зачем — ключевой вопрос в этом деле.

— Ах, — спохватилась девушка, — нас же не представили, простите! Вы — Димитрий Кривз, правильно? — Она немного смутилась, видимо, потому что произнесла фамилию правильно, без каких-либо приставок, что выдавало простонародное происхождение сыщика. — Мне утром ваши бумаги передали. Я немного бумагами занимаюсь...

— Она и должна только бумагами заниматься, — буркнул Вито, сдавая разговорчивую девушку с потрохами. Та вспыхнула, ткнула куда-то в солнечное сплетение сыщика ладошкой — протянула для рукопожатия, но не рассчитала силу движения и слишком близкое расстояние между ними. Отступила на шаг, но не опуская руки, бросила злой и обиженный взгляд на Вито, однако тут же гордо выпрямилась и дерзко улыбнулась.

— Цветана сид Яр. Приятно познакомиться.

Его пальцы дрогнули, когда он коснулся ее ладони. Лёгкое рукопожатие, на секунду, не больше — и он молча зашагал к крыльцу. Он не собирался обижать девушку, но не хотелось показывать, что ее слова выбили его из колеи, и на какой-то момент внутри так сдавило, что вымолвить что-то было абсолютно невозможно.

Цветана.

Это имя отозвалось какой-то старой болью, очень знакомой и полузабытой одновременно.

Димитрий отмахнулся от этой внезапной загадки прошлого.

Загадка настоящего — три трупа — интересовала его гораздо больше.

Глава 2. Дом с секретами

Трупы осматривали двое в форме. Димитрий поздоровался, представился, попросил рассказать о произошедшем. Мужчины повторили тоже самое, что ему поведала сида Ярвь, дополнили это описанием того, что видели в комнате. Ничего нового из этого разговора сыщик не узнал. Он прошел по комнатам, тщательно их осмотрел, благо теперь можно было не торопиться. Вот только везде уже были чужие следы, что одновременно помогало лично Димитрию и вредило следствию, которое он теперь должен был вести.

— Удалось установить, кто это?

— Так точно, сид Кривз! — тут же отозвался молодой черноусый служивый. — Тот вонючий — небось какой-то попрошайка, наверно залез переночевать или пограбить и случайно погиб с остальными. Второй — неизвестно кто, из наших его никто не знает. Третья — служанка из дома нисов Бель. Хорошая женщина была. Сердобольная, добрая, попрошайек подкармливала. А один раз поймали воришку на базаре, да как поймали-то, вот прямо ж за руку схватили да с ее монетами, так она просила, чтоб ему пальцы не рубили, убивалась все, как мальчишка дальше калечным жить будет. Глупость, как по мне, таких только дав по хребтине али по пальцам и можно уму-разуму научить.

— А как зовут ее?

Черноусый задумался.

— Да... Я т знаком не был, от Чубая слышал. Все просто Тётушкой величали. Кажется... Ида. Или Ада? Не упомяну, простите. Но женщина хорошая была.

Димитрий кивнул, но мысленно усмехнулся. Хорошие женщины в странных ритуалах с кровавым исходом не участвуют. Сыщик ещё раз прошёлся по комнате. Оглядел рисунок, дорисовал некоторые детали в свою книжицу. Занятные символы. Семь знаков внутри и пять снаружи. А трупов только трое. Маловато. И если предположить, что этот отлетел отсюда, а та добрая женщина стояла вот тут... То три внешних символа с телами, а два символа остаются без людей. Непорядок.

— Их было пять. Пять символов — пять участников. Поищите, нету ли следов ещё двух неизвестных.

Мужчины кивнули и принялись заново оглядывать углы. Найти что-то полезное — шанс практически нулевой, но ещё раз осмотреться лишним не будет.

В комнату вошёл доктор. Невысокий, кряжистый, рыжебородый, с пухлым саквояжем в морщинистых руках. За его правым плечом маячила голова помощника, то был долговязый рыжий парень, возвышающийся над начальником головы на полторы. Гладко выбритый, с узким лицом, длинным, но кривым, не единожды сломанным носом, тонкими бесцветными губами и очень яркими медовыми глазами, в которых, как говорят "демоны пляшут". Если доктор одет был в весьма дорогой костюм, то его помощник — в опрятный, но явно перешитый с чужого плеча сюртук.

— Милорад сид Угль. Мой помощник Дарьян.

Димитрий представился. Спросил, когда можно ждать информацию — выяснилось, не скоро. Тогда сыщик решил не тратить время попусту и съездить поговорить с людьми, которые могут на что-то пролить свет.

Цветана подсказала адрес нисов Бель, Вито быстро нашел извозчика и с невозмутимым видом залез в коляску следом. Кривз не стал прогонять мальчишку. Смышлёный, юркий,

очень желающий быть полезным — такой помощник сыщику пригодится.

В поездке думалось о деле. О том, случайно ли он сам оказался в том месте? Кто неизвестные двое? И почему у молодца Дарьяна нет фамилии? Как известно, любая мелочь может иметь значение. Город незнакомый. Маленький. Провинциальный. В таких все всё друг о друге знают. И в тоже время у каждого есть в шкафу свои скелеты.

У каждого.

Отделить слухи от реально происходящего.

Найти скелеты.

Понять, какие ему не нужны, а какие касаются расследуемого дела.

Кропотливая работа, много шелухи будет.

Но интересная.

Димитрию почему-то казалось, что свою работу он в первую очередь рассматривает, как нечто полезное, очищающее. А тут вдруг ещё пришло осознание, что она интересная. Странно. Он не так молод и, стоит надеяться, не так глуп, чтобы не замечать очевидного. Да и что значит "очищающее?" Кого? От чего? Общество от убийц и вредителей?

— Искупления ищешь? — прошипела ему в лицо женщина с бирюзовыми глазами. — Нигде не найдешь! Ни искупления, ни принятия! Оставаться тебе навек перекасти-полем! Руки у нее были красными от крови...

Воспоминание пришло так неожиданно и было таким реалистичным, что Димитрий бы отшатнулся, но сидя в пролетке, только вжался в спинку сиденья.

— Сид? Вам плохо? — влез внимательный Вито. Сыщик мысленно ругнулся. Мальчишка, конечно, бойкий, и может оказаться полезен. Но может и заметить лишнее.

А самое ужасное — он, Димитрий, сам не знает, где это "лишнее". И чем оно ему грозит.

— Нет. — Он ответил резче, чем собирался. — Все в порядке. И не зови меня сидом!

Вито не обиделся. Только кивнул, блестя озорными глазами.

У нисов Бель по меркам провинции был большой довольно богатый дом. Кабинет, в который их проводила молчаливая немолодая служанка, выглядел неожиданно приятно: дорогие вещи присутствовали повсюду, но не бросались в глаза, не было излишней вычурности или бьющего по глазам обилия позолоты. Стоило признать, нис, обустроивший поместье, имел вкус. Сам хозяин тоже выглядел прилично, одет хоть и дорого, но аккуратно. И неожиданно хорошо сохранился для своих лет: высокий, поджарый, энергичный. Ни выпирающего пуза, ни дряблых щек. Глаза ясные, умные, спокойные, но холодные.

— Драгомир нис Бель. Светлой стороны.

— Здравствуйте. Димитрий Кривз, сыщик.

— У вас ко мне есть вопросы, полагаю?

— Да. Не пропадала ли у вас служанка?

Нис нахмурился.

— Я могу узнать, что случилось? Я, конечно, слышал о нескольких странных случаях в городе, но не думал, что интерес следствия доберется до моего дома.

— Сегодня утром найден труп женщины. Некоторые утверждают, что она служила у вас.

Нис пререкаться не стал, сразу дёрнул колокольчик.

— Ужасное событие. Что ж, сейчас узнаем. Я понимаете ли, таким лично не заведу, для этого есть управляющий и ключница.

Через пару минут в комнату вошла женщина средних лет. Самая обычная прислуга: ни тонкая, ни толстая, ни высокая, ни низкая, лицо круглое, простое, только взгляд — холодный, цепкий.

— Вот, всеми служанками и порядком заведует у нас Луцияна Нежь. Луцияна, это сыщик Димитрий Кривз. Подскажи нам, не пропадали ли в доме служанки?

Женщина скользнула по гостю невыразительным взглядом и вернулась к созерцанию начальства.

— Здравствуйте, почтенный сыщик. Уважаемый нис, нет, никто у нас не пропал. Все, кто должен был, вышли сегодня на работу.

— А был кто-то, кто не должен? — поинтересовался Кривз.

— Да, двое. Звонка уехала к сестре на свадьбу, но завтра должна вернуться. Ада брала на сегодня выходной.

— Можете описать их внешность?

Женщина описала. Дотошно упоминая все вплоть до родинки на шее. Девица Звонка оказалась неподходящей, слишком молодая. А вот Ада Гарь по описанию подходила.

— А где она живёт?

— Так здесь же, в служебной спальне.

— Кто-нибудь ее сегодня видел?

— Мне это неизвестно. Я — нет.

— Нис Бель, можно ли опросить слуг? И было бы хорошо забрать кого-нибудь для опознания.

Хозяин дома хмурился.

— Да, раз так надо. Но не перепугайте мне прислугу, будьте добры. Луцияна, разберись.

— Будет сделано. Уважаемый нис, разрешите мне самой съездить с сыщиком. Думаю, так будет лучше.

— Да, конечно. Хорошая идея. Так и поступим.

Димитрия провели в людскую, она же столовая для слуг. Луцияна Нежь была неприветлива, строга и все время норовила остаться рядом, грозно сверля суровым взглядом каждого слугу. Димитрию стоило больших усилий выпроводить ее вон. Однако помогло это не сильно.

Служанки и слуги дома Ниса Бель представляли собой людей среднего и пожилого возраста. Из молодежи, видимо, была только отсутствующая Звонка и мальчишки, помогающие на кухне — дети кухарки. Все работники дома отвечали скованно, боялись проронить лишнее слово о семье Ниса. Но некоторые, поняв, что расспрашивают всего лишь об одной из них, расслаблялись. Другие, узнав об этом, наоборот, хмурились сильнее.

Ада Гарь в представлении большинства людей действительно была хорошей женщиной. Отец всего живого мужа у нее забрал ещё в молодости, сын ее рано ушел в подмастерья, а потом, женившись, и вовсе уехал в другой город. Ада ничего своего не имела, жила в доме, где служила, выходные брала редко, заработанное часто тратила на чужих детей. То кухарятам пряников купит, то Звонке ленту, то хозяйке Ильяне тайком книжицу с любовными стихами, которые та страсть как любит.

— Только ее за это по рукам били сильно!

— Аж следы красные были! — наперебой рассказывали мальчишки и вдруг резко замолчали. Переглянулись, понурились. Кривз не торопил, молчал.

— Ну мы это, пшли, что ли... — неуверенно протянул младший.

— Агась, — старший стал слезать со стула.

— А пряники свежие были? — спросил Димитрий. — Вкусные? А то может она вам старые отдавала, ненужные.

Дети забыли о заминке и наперебой стали уверять, что и свежие, и вкусные, и как так вообще можно про тетю Аду, она такая добрая была, одна единственная, кто мог встать на защиту...

И опять молчание.

— Вы это... мы ничего не делали. Не за что нас держать. И мы больше ничего не знаем, — решительно сказал старший, взял младшего за руку и потащил к выходу.

— А нас накажут, да? — шмыгнул носом тот.

— Молчи, и все будет хорошо! — приказал ему брат и дверь выпустила их наружу.

Димитрий задумался. И когда Луцияна впустила следующего слугу, поинтересовался:

— А нельзя ли поговорить с хозяйкой? А то здесь толку не видно.

— С хозяйкой? — удивилась Нежь. — Так она померла давным-давно, Светлого ей пути.

— И что, нис Бель живёт один?

— Нет, с двумя дочерьми.

Очень интересно. То есть дочери хозяйками не считаются?

— А с ними можно поговорить?

— Никак нет. Они дамы впечатлительные. Да и пребывают со вчерашнего дня в постелях из-за болезни.

— А Ада Гарь кому-то из них прислуживала?

Луцияна всем своим видом продемонстрировала недовольство разговором.

— Да. Обеим. Хотя считалась служанкой Ильяны.

— А ниса Ильяна — младшая сестра?

— Старшая. Младшая — Ясмина.

— Что ж, жаль. Кто как не хозяйки, могли бы поведать, настолько ли хорошей была ваша Ада Гарь.

Луцияна лишь гордо вздернула подбородок.

— В нашем доме нет ленивых, ворующих, сплетничающих или недобросовестных слуг!

— Вы следите за этим лично?

— Да!

— Тогда такой работой стоит восхититься. Значит, Ада Гарь стала жертвой какого-то злодея. И надо выяснить, с кем она общалась последнее время. Вы не могли бы пригласить конюха? Кажется, он дальний родственник ее мужа?

Луцияне пришлось уйти, опять оставив его наедине со слугой.

Богатый дом с молчаливыми слугами — само по себе не преступление. Но... Всегда есть "но".

Да и слуги все равно бывают разные.

— Да она вообще общительная была. Обходительная женщина. Я вам вот что скажу: захотела б, уехала б отсюда. Но больно дружна с хозяйкой была. Потом всё за дочками ея ходила. Да не... Ох. Я вот вам скажу: она и замуж легко могла выйти. Ее лавочник-то, что с

Берёзовой, сукном торгует, звал. Свой бы дом имела! С серебра ела б! А он собой хорош вдовец. А что два сына, так большие уже. Да и она ещё б вполне могла родить. Да не пошла. Говорит, девочку не могу оставить.

— Девочку? А разве у нее не сын был?

Кухарка отвела глаза. Стала мять толстыми пальцами кристально белый передник.

— Да... Сын... Оговорилась...

— А с хозяйками дружна была?

— Да... Заместо матери почти...

— Я так понял, Ада любила детей, баловала всех подряд, и мальчишек ваших, и девочек хозяйских.

Кухарка всплеснула руками, оживилась.

— Дай ей Отец Светлого пути! Я вам скажу: золотое сердце у Адочки! И рубашонки покупала, было дело. Они ж шустрые, рвут все на свете. И пряника всегда с базару принесет. А девочкам то ленту, то книжицу, а то и доброе слово — оно им подарков дороже с таким...

Женщина испуганно замолчала. Не выдержала, обернулась на дверь. Опять принялась мять передник.

— Тяжело без матушки, скажу я вам. Да так... Отпустите, милсдарь. Я ничего больше не знаю.

Димитрий отпустил.

Оговорок было мало. Информации они давали ещё меньше. Но у дома была тайна. Она могла касаться дела, а могла не касаться. Но нельзя этого понять, если тайну не раскрыть. А чтобы раскрыть, надо добыть информацию. И правильно ее обдумать, верными углами совместить. А то рисунка не получится.

В вещах Ады (если ему, конечно, выдали все ее вещи) ничего предосудительного не нашлось. Женские штучки, одежда, томик иностранного поэта Ильенского, простая деревянная шкатулка с бижутерией, в которой обнаружили несколько тонких браслетов и один тяжёлый, широкий, на восточный манер, бусы разного цвета, старый поцарапанный медальон да серьги. Неинтересно. А вот когда Димитрий выходил из спальни слуг, то произошло нечто любопытное: он увидел, что в конце коридора стоит девушка. Он не успел ее толком рассмотреть, едва она его заметила, как бросилась прочь, но и пары мгновений хватило, чтобы понять, что одета она не в сорочку, а в домашнее платье и платье это из дорогой ткани. Разумно предположить — это одна из хозяйских дочерей. Что в свою очередь приводит к простой, но имеющей значение мысли: Луцияна ему соврала. Вот только по собственной инициативе или по приказу ниса Бель?

Спрашивать Димитрий не стал. Вито, дожидаящийся на улице, снова ловко поймал извозчика, они сели в коляску и направились к мертвецкой. Время уже перевалило за полдень, и сыщик рассчитывал, что доктор провел все необходимые мероприятия и уже может сказать про трупы что-то конкретное.

Оказалось, сид Угль ещё занят. Однако женщину он осмотрел первой и ее можно было опознавать. Димитрий на труп не обратил внимания, больше посматривая на невозмутимую Луцияну Нежь, но та не показала никаких эмоций: ни злорадства, ни слез. Кинула на свою подчинённую один-единственный взгляд, промолвила:

— Да. Она. Жаль. — И вышла. Как будто она трупы каждый день осматривает!

Димитрия же наконец позвал доктор.

— Их перемололо силой. Повреждения если и есть, то случайные, получены при

падении. А вот внутри — мешанина из органов. Лёгкие перемешаны с кишками. Нет, это не человек. Это сила. Безумная и яростная. Я такого никогда не видел.

Доктор выглядел уставшим. За его плечом молчаливой тенью стоял Дарьян — растрёпанный и хмурый.

— Значит, сила. — Протянул Димитрий, перекатывая эту мысль, словно леденец по языку. — Сила... А можно определить, какая?

Сид Угль развел руками.

— Я врач, а не чаровед.

— А чароведы есть? Мертвоговорящие? Артефакторы? Кто-нибудь? Кто может хотя бы попробовать объяснить истоки происходящего.

На лице доктора читалось: "А то вы самый умный и до вас не пытались!" Но сказал мужчина совсем другое.

— У нас известных, самопризнанных либо стоящих на службе, нет.

— Но есть другие? — догадался по контексту сыщик.

Доктор вздохнул, устало потёр лоб.

— Это слухи. Только молва. А вы и сами, верно, знаете, до чего могут договориться бабы-сплетницы, коли делать им нечего. И небожителя демоном представят, и наоборот.

Откуда-то бесчеловечным образом запахло едой. В животе заурчало, вспомнилось, как Вито жевал пирожок у дома ниса Бель, пока ждал Димитрия, проводившего опрос. Сыщику тут же захотелось не один, а целую корзину этих пирожков и почему-то холодного молока. Из-за двери пахло дрожжевым тестом и ягодным вареньем, отчего внутри особенно чувствовалась сосущая пустота в районе желудка.

Человеческая плоть требовала пищи.

"А она бывает нечеловеческой?" — мимолетно удивился своим мыслям Димитрий и продолжил настаивать.

— И всё-таки я хотел бы послушать эти сплетни.

Доктор хмурился.

— Это лучше к дамам нашим. Я не любитель подобного.

— Но что-то все равно слышали.

— Говорят, аптекарь наш странный. К людям сам почти не выходит, помощница всех обслуживает. Зелья у него редкие появляются неизвестно откуда. Да и не из нашего города он, приехал лет семь назад. Девчонка у него работает бойкая, но трудолюбивая. Однако слава про них нехорошая. Мол, и не просто помощница она ему, а мужем и женой они живут без признания друг друга оными перед Отцом и людьми. И что на кладбище их видели ночью. И что покупает он живыми птиц не супа ради.

— Аптекарь в городе один?

— Один. Есть ещё две лавки с травами, но аптеке-то веры больше будет по нынешним временам.

Димитрий информацию принял к сведению, но уж больно двоякая она была. Могли и наговорить просто из зависти. Те же травники. Но наведаться надо. Мало ли. Если и не злодей, то может, поможет чем. Хорошо бы, если бы этот аптекарь был бы спецом по неживому, но таких сейчас трудно сыскать.

— Про кого ещё говорят нехорошее?

— Нехорошее друг у дружки за спиной говорят все про всех, — философски заметил сид. — Натура у людей такая. Кто кому с кем изменил. Кто невестку али зятя со свету сжил.

Кто чужого жениха увел, а кто — солидный куш у брата-купца из-под носа. Кого вчера в весёлом доме видели. Кто в карты пять дней назад выиграл нечестно, а кто проиграл честно, да сам дурак. Люди всегда люди.

Димитрию хотелось спросить, а что же говорят про самого доктора, но он сдержался.

— Вы же понимаете, про что я. Темное. Мистическое.

Доктору беседа не нравилась. Доктору вообще ничего не нравилось. Димитрий чувствовал: тот устал, ему неприятен и надоел разговор, больше всего на свете ему хочется домой, в тепло и выпить...

Сид Угль опять потёр лоб.

— Но если из странного... Да хоть вдова нис Аль. Женщина своенравная, живёт без оглядки на молву. Муж погиб у нее слишком внезапно. Сватался один проезжий чиновник, но внезапно заболел и отбыл лечиться. Дети у нее опять же непростые: сын невезучий, дочка нелюдимая.

— А вы что скажете?

Доктор встал.

— А я скажу, что муж у нее умер от сердечного приступа. А чиновник заболел, потому что возле борделя пьяный да полуголый девок тамошних гонял. А дети самые обычные. Тихие только. А это сейчас в людях не особо ценится, даже осуждается. Позвольте откланяться, жена ждёт. Дарьян уже две записки отнес, что я задерживаюсь. Должен же я поспеть домой хотя бы к ужину.

Димитрий и доктор быстро распрощались, и каждый направился в свою сторону. Сид Угль — домой. Димитрий же кликнул Вито и велел показать приличную чайную или пивную. Лучше второе. Пирожными желудок после голодного дня точно не удовлетвориться. Хотелось мяса. И ответов. Но второе добыть сложнее.

Глава 3. Случайные и не очень разговоры

Пивная имела громкое название "Винный салон" и была действительно очень приличной. В углу играл не оркестр, конечно, но несколько сыгранных музыкантов, что уже определяло статус заведения. Карточные столы, скатерти, натертая до блеска посуда говорили об относительно высоком положении посетителей гораздо больше остального. Разносчицы щеголяли в платьях весьма недурного кроя и с почти скромными вырезами. Таких за угол не поведешь, в подворотню, непременно придется снимать комнату, да еще и денег оставлять сверх цены услуг — иначе не поймут, в высшем свете нет ничего хуже мужчины, скупого на подарки любовнице, пусть и одноразовой. Эти дамы не доросли до профессиональных содержанок, но цену себе знают. А разнос еды — просто возможность показать себя с разных сторон всем присутствующим. Совмещают полезное с полезным.

Впрочем, высшее общество провинциального городка оставляло желать лучшего. Димитрия не только пустили внутрь, но и накормили, напоили и одарили десятком улыбок всех мастей. Дело клонилось к вечеру, однако было ещё не настолько поздно, чтобы зал заполнили постоянные посетители салона. Людей было мало, да и те пришли не столько развлекаться, сколько пообедать, как и сыщик. Однако Кривз на всякий случай пытался запомнить всех присутствующих. Мало ли. Вдруг пригодиться.

Место и время были удобными, чтобы поесть спокойно: на Димитрия хоть и поглядывали (новое лицо же, да к тому же столь необычное!), но с расспросами не лезли. Кто-то считал ниже своего достоинства интересоваться человеком без приставки к фамилии, ведь это значит, что по рождению он рода низкого, сын какой-нибудь кухарки или конюха, в общем, выходец из семьи прислуживающих. Кто-то не хотел проявлять любопытство первым. Кого-то больше интересовали дела собственные, а то и дамы, но для бурного застолья и дам было рановато, так что подобным посетителям стоило либо прогуляться и вернуться чуть позже, либо провести ещё какое-то время за приятной (предположительно) беседой со знакомыми. Публика в это время налегала больше на еду, чем на питье, и для эксцентричных выходок время ещё не наступило. Димитрий наслаждался вкусной едой. А заодно пытался запомнить, кто какие взгляды на него бросает. Интересно, подойдёт кто-нибудь или...

— Приветствую!

Сначала на стол плюхнулась бутылка с вином, потом бокал. Затем место напротив занял молодой мужчина привлекательной наружности. Высокий, стройный блондин, одет дорого и со вкусом. Вот только глаза пьяные, шальные.

— Надеюсь, вы не против приятной компании?

Димитрий отложил столовые приборы. С интересом рассмотрел лицо неожиданного собеседника: чистое, бледное, с алкоголическим румянцем на щеках. Глаза голубые, волосы чуть отросли и завиваются, но, кажется, естественным образом, а не химическим. Если бы не нос с горбинкой, был бы чистый небожитель.

— Приятной — не против.

Незнакомец улыбнулся.

— Какое прелестное совпадение! Я тоже люблю хорошую компанию! О, извините, забыл представиться! — Аристократ протянул вперёд руку. — Миран вен Кос.

Вен. Высшая аристократия. Старые рода, уходящие корнями ещё за Темные времена.

Неожиданно.

Сыщик крепко пожал протянутую руку.

— Димитрий Кривз.

— Из столицы. Вы забыли главное: вы из центра этой земли. И приехали искать злоумышленника, не так ли?

Вопрос по сути был риторическим, но Димитрий ответил:

— Так.

— Ну это же безумно занимательно! — рассмеялся молодой человек. Потом навалился на стол грудью и, смотря сыщику в глаза, хрипло спросил: — И вы найдете?

Неужели одна из жертв — важный для собеседника человек? Это давало бы шанс узнать побольше, возможно, мотивировать помочь в расследовании.

— У вас есть в этом деле свой интерес? — быстро спросил Кривз.

Аристократ поморщился.

— Ну... Это не совсем хорошая история. Но я же могу полагаться на то, что вы не будете сплетничать об этом, правда? Как теща сида Урд, которая, мне кажется, всенепременно умрет, если ей каждый день не будет поступать новая доза сплетен! Увы, полагаю, ваше любопытство я должен удовлетворить, однако то, что я скажу далее, не делает мне чести, и должен сообщить вам, я это осознаю. По правде говоря, мы с друзьями сделали ставки, кто окажется убийцей. И вот теперь ждём результата вашего расследования с большим нетерпением, как вы должны догадаться. Ну так что же? Вы будете смотреть первые тела или и без них есть какие-то мысли?

Мысли были. Например, о том, что перед ним сидит сын наместника этого города. Да, именно наместника — территория приграничная, не раз и не два за века она меняла свою принадлежность той или иной стране, так что руководящий чин на подобных местах так и значился "наместник". Сын главы города, интересующийся расследованием странных убийств — чем не предмет для размышлений? Нет, может, конечно, в провинции молодежи совсем нечем заняться, столичные развлечения отсутствуют, вот местные аристократы и занимаются ерундой. Но интерес может быть и не случайным, а вполне предметным.

Вен Кос выглядел совершенно безобидно: пьяный, несмотря на время суток, разговорчивый, размахивающий полупустым бокалом так, что проходящие мимо разносчицы шарахались в сторону, он всем своим видом должен был вызывать доверие. Сын богатого и влиятельного человека, вен мог себе позволить и неподобающее аристократу поведение, и фривольность в беседе, и прямое, без словесного кружева, изъяснение своих мыслей и целей. Пьяный, простой и чувствующий себя неуязвимым — идеальный собеседник, чтобы что-то вызнать. Осталось отгадать, что именно надо признавать.

День вдруг показался Димитрию пустым. Кажется, все время что-то делал, вот только результата — ноль. Однако не бывает такого, чтобы проблема решалась мгновенно. Не стоит попусту над этим задумываться, для начала будет полезно ознакомиться с материалами дела, а затем можно намечать план действий. Эмоции в любом случае расследованию не помогут.

Логика получилась какой-то... машинной.

А из нового знакомца следовало вытянуть хоть что-то.

— И на кого же спорили? Если не секрет.

Вен Кос пьяно махнул рукой, пролил на пол вино, но не заметил этого.

— Ха! Кого они только не перебрали! Один даже, — вен захихикал и понизил голос до шёпота, — представляете, моего отца назвал! Но ведь все слышали, что убийства

ритуальные. Значит, тут что-то иное. Какая-то личная цель. Власть — это другой путь, понимаете. Нет, эти убийства совершались не ради власти! А все сплетники — дураки! Абсолютно все! Понимаете?

Димитрий кивнул в ответ на проникновенное признание.

— Чем же вам так не угодили сплетни? Неужто они и впрямь звучат столь глупо, как вы описываете? И что же, нет ни одной достоверной?

Вопрос занял голову нового знакомого на несколько минут. Лицо блондина посерьезнело, брови нахмурились, было видно, как тяжело даются пьяному мозгу размышления.

— Хм...э... Ну я же не Отец всего живого, знать наверняка...

Неуверенность и растерянность, прозвучавшие в голосе, по сути ни о чем не говорили. А Димитрию нужна была информация.

— Я вижу, вы смелый человек. Осуждаете молву, не боитесь неодобрения общества, ведёте себя весьма... — в меру льстивое слово подобралось не сразу, — экстравагантно.

Сыщик посчитал, что подобный комплимент должен польстить вину, однако тот нахмурился ещё сильнее. Посмотрел на столичного гостя с раздражением.

— Интимные места красивыми словесами мне и без вас вылизывают ежедневно. На что тогда сдались мне вы?

— Вот и я хочу знать: на что? Зачем я вам нужен?

Вен Кос пожал плечами.

— Хочу выиграть пари. И развлечься. Здесь невыразимо скучно, а батенька не хочет отсылать меня в столицу.

Димитрий все равно чего-то недопонимал в этой истории.

— И на кого вы ставили?

Блондин опять сделался пьян и весел.

— Да вы что! Я вам не скажу! Это же собьёт следствие с пути, или как там у вас такие шутики называются? Мне нужно, чтобы вы нашли настоящего убийцу, понимаете? А не чтобы вы подтасовывали факты!

Ещё страшнее. Кривз как раз полагал, что собеседнику нужно именно второе.

— Все равно не понимаю, — честно признался он. — Расследовать ваши странные ритуальные убийства. Зачем же вы ко мне подошли?

Пьяный засмеялся. Он вообще смеялся беспрестанно. Руки его жили сами по себе и все время норовили расплескать вино или кого-то зацепить. Разносчицы давно стали обходить их столик по дуге, посетители издалека наблюдали за представлением, но без особого интереса. Димитрий чуть прикрыл глаза и... прислушался? Причувствовался? Нет, всплеск интереса к пьяному низкий. Есть нотка брезгливости... вот ещё жалость... недовольство... раздражение... усталость... кому-то смешно...

— Вы тут спать изволили?

Сыщик открыл глаза.

— Ни в коей мере. Наоборот, меня зовёт работа.

Вен Кос хмыкнул. Сыщик встал.

— Если вам нечего мне сообщить, то позвольте откланяться.

— Позволяю, — царственно махнул рукой пьяный аристократ. — Но знайте: я за вами слежу! То есть за расследованием!

И опять засмеялся, погрозив сыщику пальцем.

Димитрий направился к выходу. У него действительно было ещё много дел.

Но у выхода он чуть не споткнулся. Вдруг накатило и чуть не сбило с ног чужое чувство: ненависть и желание смерти. Эмоции неизвестного как будто ударили под дых: на какое-то мгновение сыщику показалось, что он не может ни двинуться, ни вдохнуть. Но одновременно такая... связь?... показалась привычной. Так что он заставил себя продолжить движение — и оно действительно продолжилось! Рука послушно легла на ручку двери, нога шагнула вперёд, корпус повернулся — надо же аккуратно прикрыть дверь за собой! Однако этот поворот ничего не дал. Мимолётный взгляд, брошенный напоследок в зал, не выявил никого, заинтересованного в уходящем госте. Две головы следили за разносчицами, ещё две уткнулись в тарелки, седой господин читал газету, вен Кос, кажется, задремал в уютном кресле, ещё двое вели о чем-то ожесточенный спор. И всё-таки кто-то из этих людей ненавидел неведомого сыщику человека и желал смерти. Важно ли это? Может, да. Может, нет. Это самое сложное — правильно выбирать информацию. И, кажется, он никогда этого не умел: все казалось ему значимым и важным. Марина часто ему поняла на это и...

Марина. Выходя на улицу, Димитрий повторил это имя несколько раз. Оно было теплым, словно кресло у камина в студёную пору, и свежим, как воздух после грозы. Тогда Димитрий произнес другое имя: "Цветана". В голове возникла единственная ассоциация: горькое молоко. Сыщику сделалось одновременно смешно, грустно и почему-то стыдно. Словно он подсматривал за кем-то в замочную скважину. За собой?

Пришло осознание: не только. Это его работа — подсматривать в замочные скважины чужих душ. Именно поэтому он здесь сейчас высматривает в каждом человеке червоточину — одна будет той самой, приведшей к убийствам нескольких человек. Он, Кривз, может не только расследовать, рассуждать, анализировать, он может чувствовать. Иначе послали бы кого-то другого.

На улице наступал вечер. Вито Димитрий отпустил ещё перед ужином, даже можно сказать прогнал: парнишка никак не хотел расставаться с переданным ему на попечение сыщиком. Вито своей ролью проводника по городу и слуги очень гордился и старался всячески показать свою полезность. Видимо, мальчишка рассчитывал, что ему это зачтется. Помощником он действительно был вертким, быстрым и ловким, но Димитрий от бойкого говорливого малого за день устал и вечер собирался провести наедине со своими мыслями.

Вечер был теплым. Солнце золотило небо и крыши домов — не таких высоких и вычурных, как в столице, что одновременно и тревожило ("ты здесь чужой"), и умиротворяло ("уютный провинциальный пейзаж"). Димитрий прошёл по Высокой улице, наткнулся на квартального, поинтересовался, где аптека, ему ответили. Оказалось, недалеко от того дома, в котором он снял комнату. Сыщик хмыкнул столь удачной случайности и неторопливо зашагал в нужную сторону.

Считать ли день полезным, он ещё не решил. Какая информация важна, какая нет — тоже. Осталось записать все в книжицу и поразмышлять, что делать дальше. Хотя что тут размышлять: необходимо познакомиться со старыми происшествиями, из-за которых его и вызвали. Там было обескровленное тело, жертвоприношение и что-то ещё. Занимательный набор.

Ещё собрать все слухи. Кто что (или кого) хотел, но не получил. Кто кого обидел. Кто что странное делал. Если смерти действительно связаны с чарами, с магией, то это проявится. Пусть даже в какой-то мелочи.

И чувствовать. Надо сделать ритуалом вечернюю прогулку по центральной улице.

Познакомиться с несколькими людьми из разных сословий. Ходить, здороваться — и пытаться понять чужие чувства и желания. Это...

Не раз подводило, но и не раз выручало.

Димитрий глубоко вдохнул: познание самого себя невероятно выматывало. Как долго продлится это дурное состояние — не помнить собственного прошлого? Необходимо посетить какие-нибудь архивы и поискать информацию о том, как длительно держаться побочные эффекты от чужих ритуалов. Очень неудобно.

Аптека находилась на пересечении двух нешироких улиц. Дом одноэтажный, просторный, увитый зеленью. На крыльце — горшки с цветами, над дверью — связки с травами. Стоило толкнуть резную дверь — затейливо зазвенел колокольчик.

Внутри было не так светло: заходящее солнце проникало в лавку только с одного окна. В углах собиралась тьма, но не казалась злобной или пугающей. Пахло почему-то ягодами и хвоей. Под прилавком спала маленькая белая коркона — удивительная редкость для этих земель. Коркона лежала, свернувшись клубочком, непропорционально большие уши с кисточками время от времени подергивались, словно намекая, что зверь и во сне бдит. Нос утыкался в собственный растроенный хвост, маленькие кожистые крылья едва виднелись из-под длинной шерсти. Для южан — чудо, для северян — чудовище. Для жителей середины материка — просто диковинка. Для сыщика — маленький штрих в общую картину. Может, нужный, может, нет. Сразу не узнать.

— Здравствуйте.

Девушка, вышедшая из-за завешенного тканью дверного проема, выглядела в этом месте несколько инородно. Две черные косы толстыми змеями спускались до середины бедра, узкие глаза насыщенного синего цвета смотрели на посетителя спокойно и доброжелательно, но чудилось: ловит девица каждое его движение, каждый вздох. Одета она была на южный манер в шаровары, поверх — длинная расшитая рубаха с поясом и жилетка. Ни местная, ни из Степи, и уж точно ни с севера. Девушка по истине была странная.

— Здравствуйте, уважаемая?

— Рейфи, — охотно подсказала помощница аптекаря.

— Уважаемая Рейфи, мне бы... Простите, а это имя или фамилия?

— Имя.

Девушка говорила вроде бы чисто, но чуть растягивала согласные и получалось "Рейффи", "иммя". Едва заметный, но всё-таки акцент?

— Но разве я могу так вас называть?

Глаза ее чуть сузились.

— Называйте. Я здесь всего лишь мелкий помощник.

Ни один мелкий помощник о себе такого не скажет.

— О, хорошо, спасибо. Уважаемая Рейфи, не могли бы вы мне дать что-нибудь для желудка? С моей работой не всегда удается поесть вовремя и, понимаете ли, в итоге мучит жжение.

Девушка перевела взгляд на живот сыщика. И рассматривала его столь пристально, не смотря на слои ткани и расстояние, что Димитрий успел почувствовать себя под этим взглядом как минимум голым, а как максимум — беременной матроной.

— К доктору обращались?

— Нет. Спросить сида Угль о своем здоровье я, к сожалению, не додумался.

— Зря.

Димитрий показательно поежился.

— А что, кроме него никто не может помочь? Неужели все делает один человек?

— Ну, есть поввитуххи. Знаххари. Но нне так много. Ттолько горрод небольшошой, хватает.

Под немигающим взглядом сыщику стало совсем неудобно.

— Ну так что с лекарством?

— Сейчас поищцу, — отвела взгляд синеглазая и шагнула к бесконечным полочкам со склянками.

— Простите за назойливость, а почтенный аптекарь не принимает посетителей?

— Нет. Онн все время занят разработкой и улудшшением леккарств.

— Жаль. А мне было бы интересно посмотреть на человека, который, как говорят, на старые кладбища ходит темными ночами.

Фырканье. Такое пренебрежительное, что впору задуматься над умственным состоянием распускающего сплетни. Но более помощница никак не прокомментировала слухи.

— Скажите, а если вдруг неладное со здоровьем, куда обратиться можно? Не всегда же получится найти доктора, раз он один на весь город.

— Даррьян хоррошо лечит. Люди иддут. Илли ссюда пррихходитте.

— Но аптекарь не принимает, — развел руками Димитрий.

Рейфи обернулась. Посмотрела на него прекрасными синими глазами, чуть приподняла черные брови и молвила:

— Васс пррриммет. Ессли буддет нужжна поммошь, а нне ссплеттни.

— Спасибо. А вы всегда так любезны с посетителями?

— Коннечно. Онни жже платтят. Вашше леккарство. Этто реццепт. Этто ценна.

Димитрий заплатил, не торгуясь.

— Мне тут две лавки с травами советовали. Говорят, там средства лучше, а к вам, мол, идут, только потому что лицензии господаревой верят.

Опять фырканье. И скептически приподнятые брови: "да неужели?"

— Ничего не скажете?

— Заччем? Вы жже все раввно ссюда прришшли. И прриддете ещще.

Пришло время Димитрию проявит скептицизм. Он недоверчиво усмехнулся.

— Вы так уверены?

— Ну вы жже хоттите поговворрить с хоззяинном? Думаю, у васс непременно ззаболит что-нниббудь ещще.

Сыщик искренне рассмеялся. Поблагодарил девушку за помощь и покинул аптеку.

Город наполнялся вечерней прохладой. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, заполняя улицы серыми тенями, но дорогу к своему жилищу сыщик нашел весьма легко. Дом с приметной крышей уже виднелся вдаль, и Димитрий позволил себе замедлить шаг, наслаждаясь тишиной и свежестью позднего вечера, плавно перетекающего в ночь. Подобный настрой всегда позволял упорядочить мысли.

А они...

Полностью вылетели все до единой, когда на плечо сыщика легла чужая рука, а в бок ткнулось широкое лезвие разбойничьего ножа.

Глава 4. Убийства старые и новые

Первой мыслью, которую удалось найти Димитрию в своей голове, было осознание: "Это привычно". Второй — что нож не впивается в тело, а всего лишь немного щекочет... нервы в том числе.

— Не лезь! — весоמו прохрипели над ухом. Щеку на мгновение согрело чужое дыхание — а это имеет значение, по крайней мере, нож держит не нежить и не искусственный организм, пусть незначительная, но деталь! — и тут же все исчезло: и неизвестный, и ощущение лезвия, утыкающегося в ребра, и тяжесть чужой ладони на плече. На мгновение сыщик замер, прислушиваясь одновременно и к собственному организму, и к тишине вокруг, а затем все тем же размеренным шагом двинулся вперед.

Это было нелепо, но вместо страха он ощущал злость, раздражение и даже азарт. Кончики пальцев покалывало от нетерпения: требовалось все немедленно записать в книжицу и попробовать найти взаимосвязи, зацепки, что-то важное. Это настолько захватило Кривза, что он забыл о том, что что-то не помнит: влетел в гостевой дом, бросил женщине за стойкой:

— Чернила и бумагу! — и взбежал вверх по лестнице, безошибочно двигаясь в сторону третьей двери. Ключ подошёл, сыщик наконец оказался в своей комнате.

Чемодан с вещами — на полу. В углу — аккуратно застеленная узкая кровать. Стол у окна, на столе какие-то исписанные листы. Стул с поскрипывающей спинкой — рядом. Зажженная газовая лампа висит, покачиваясь, над всем этим безобразием. Сундук и шкаф подпирают правую стену. И финальным аккордом — белое пятно на синем одеяле. Белый бумажный лист, свёрнутый затейливым образом. Что-то собирался писать, но отвлекся?

Лист отправился в кучку бумажного мусора, обитающую на краю стола.

— Если бы я помнил! — раздражённо сказал сыщик пустой комнате. Тут же в дверь постучали.

— Войдите!

В спальню вошла женщина средних лет. Кривз всмотрелся в нее, но не нашел в ее облике ничего приметного. Самая обычная горожанка, таких тут большинство. Немного конопатое лицо, светлые русые волосы, широкий нос. Женщина положила на стол стопку бумаги.

— Здравствуйте, сид Кривз. Вам нужен ужин или напитки?

Было два варианта поведения: припереть хозяйку или служанку, кто она там есть, к стенке и сыграть в "спрашивает злой дядя" или сделать вид, что ничего не произошло. Димитрий выбрал второе.

— Нет, благодарю. Ко мне никто не приходил?

— Нет.

— И никто про меня не спрашивал?

— Никто.

— И записок мне никаких не оставляли?

— Нет, уважаемый сид.

— Я не сид. — привычно исправил сыщик и тут до него вдруг дошло. Он обернулся к женщине.

— Простите, забыл, ваше имя?

— Власта.

— Дона Власта, а доктор сид Угль давно здесь осел?

— Так он здешний вроде. Только в Институт поступать уезжал. Военным врачом был, говорят. Потом вернулся. Вроде как отцу стыдно за него было, что сид, должен кровью своей служить Отечеству, а он взял и учиться на доктора ушел. Хотя что с того? Сиды давно уже трактуют слово "служить" широко. Это раньше они только военными были, в тепер и чиновники, и вот врачи. Кому от того плохо? Разве самому старику не хотелось сына живым видеть? Но говорят, довел он сына, тот все равно на войну ушел, только доктором. А теперь тут. Давно уже. И со стариком у них странные отношения были, пока тот не помер.

— Спасибо.

Женщина кивнула и быстро исчезла, Димитрий сел за стол, принялся писать.

Дом — узнать, что с хозяевами. Для этого надо сначала здесь найти информацию, кому принадлежит имущество, затем отправить запрос в столицу.

Ритуал — сходить по местным историческим и магическим обществам, рисунки тоже отправить в столицу, поискать, кто обращался ночью к врачу — всё-таки должны быть выжившие в ритуале. Пять символов и трое человек — не сходится никак. Основа магии — равновесие. Значит, должно быть пять человек. И раненых надо отыскать непременно!

Познакомиться с отчетами по предыдущим происшествиям.

Доктор — присмотреться.

Аптекарь — присмотреться.

Вен Кос — присмотреться.

Посетить или "случайно" пересечься с нисой Аль.

Ну и... К себе — присмотреться вдвойне. Интересно, а может он попросить прислать папку о себе? Или это будет слишком подозрительно?

Конечно, будет.

Перед сном Димитрий долго таращился на символы, перерисованные впопыхах с пола в заброшенном доме, но понятнее они от этого не стали.

Что ж, утро вечера мудренее, если верить старым премудростям.

***

Женщина смотрела в зеркало. Самая обычная вроде бы женщина, но было в ее облике что-то... знакомое? Белая рубашка не могла скрыть огромного живота, который она поддерживала тонкой рукой. Если бы не этот живот, никто бы не сказал о ней "женщина" — она выглядела совсем юной. Тонкая, хрупкая, но уже — мама.

Обожгло болью. Нет! Нет, она — не "мама". Это слово к ней неприменимо. Ни за что Никогда. Почему? Ма-ма.

Связь есть и одновременно ее нет. Она есть, эта женщина, и ее нет.

Давно нет?

Давно.

Она стала матерью?

Да, но нет.

Женщина смотрела в зеркало желтыми глазами. Иногда, когда радужка становилась обычной, ее лицо искажал страх. И боль. И отчаянье. И... рассмотреть полностью никогда не удавалось — такие мгновения никогда не длились дольше пары секунд. А затем глаза опять становились желтыми и смотрели на мир совсем по-другому. Тому, кто за ними прятался, было любопытно. Забавно. Интересно. Тесно. Очень тесно в наложенных на нег

кандалах. Но скоро все решится.

Кровью. Конечно, кровью, ее запах ни с чем не спутать.

Женщина смотрела в зеркало, но видела иные места, чужие комнаты. Людей в этих комнатах. Нелепых, одиноких, прячущихся от своих страхов под одеяло. И звала их. Звала, вытаскивала наружу их естество — мысли и желания, которые они сами от себя прятали, притворяясь иными. Она тянула похоть, тянула ненависть, тянула страх, вину, зависть — иногда медленно, но неуклонно, иногда дёргала со всей силы.

Игра "покажи свое нутро".

Люди любят игры.

Тогда почему бы не поиграть вместе с ними.

То, что пряталось в женщине, коснулось пальцами холодного зеркала.

— Я тоже сыграю.

***

Димитрий проснулся посреди ночи в холодном поту. Сон размывал реальность, казалось, это он стоял у зеркала, касался его, смотрел в него желтыми глазами. Более того — он как будто знал, видел это по-настоящему. Когда-то давно. Или недавно? И женщина была такой близкой, такой... нужной? Что при одном взгляде на нее сжималось сердце, но...

Но это не его женщина.

Димитрий долго тер глаза, сидя в кровати. Шторы он так и не занавесил, и в окно беспрепятственно заглядывали любопытные звезды. Хорошая ночь для детских сказок или встреч влюбленных. Но не для странных снов, запутывающих всё ещё больше.

Мало ли, какие у него были дела. Мало ли, каких женщин он видел.

Прошрое его, конечно, волнует, но сначала — дело. Ведь дела у него всегда на первом месте, это все знают.

Кто "все" Димитрий не стал задумываться. Лег и натянул на голову одеяло, словно вернулся в детство.

Помогло: через какое-то время он все же заснул.

***

Утро началось с Вито, караулившего у дверей. Паренёк уже урвал где-то кусок капустного пирога и с большим удовольствием уминал его за обе щеки. Увидев сыщика, он так быстро бросился ему на встречу, что чуть не подавился очередным куском.

— А фы фуда феферь?

— К зданию полиции. Хотелось бы узнать поподробнее, что тут происходит.

— Я фам фсе фейфас фафкафу, — с энтузиазмом отозвался Вито, и Димитрию в этом почудилось угроза. Судя по всему, парень мог заболтать до смерти кого угодно. Предложить что ли использовать эти его способности в качестве пыточного инструмента?

Димитрий сначала улыбнулся собственным мыслям, потом запоздало удивился. Шутить — это нечто необычное. Ему несвойственное. Вроде бы.

— Вообще, у нас таких происшествий мало бывает, сами понимаете — провинциальное болото, — с видом умудренного опытом человека вещал мальчишка. — Нет, ну ограбят. Может даже ножом порежут. Но так то на окраинах. Украдёт кто-нибудь что-нибудь бывает. Вот какого-то хулигана секли на той недели, он у одной нисы перстенок стащил, да попался. Пьяные подрались, один другому глаз выколол. Но все равно в основном мелочь. И высокого общества это мало касается. А тут вдруг — посреди главной улицы тело. Переполошились все. А когда второе нашли, так пришлось в столицу писать, нис Урд сказал, регламент по

городам: если за неделю больше одного убийства в центре — отписывать.

Есть такой регламент, это Димитрий помнил. Ввели после Синего мятежа. Тогда тоже все начиналось с трупов на улицах. Вроде даже случайных. А потом оказалось, что это была целенаправленная резня. Сначала убивали слуг первых людей государства, а затем стали и самих чиновников уничтожать. Нечего людям делать, они и изобретают новые способы убийства друг друга. Вот, ради добра терроризм изобрели. А как бы взять и что-нибудь разизобрести? Войну, например.

Вито поймал извозчика, и они уселись в коляску.

— А после третьего мертвеца и вовсе все забегали. — Парень продолжил рассказ. — Туточки и вы приехали. И тут же ещё три трупа сразу! Вот это везение!

Димитрий не смог с собой справиться, лицо перекошило. Да уж. Везение.

Подумалось: что ему до этого, за ним целый шлейф таких везений ползет.

Вспомнилась женщина из сна. Своя, но чужая. Живая, но мертвая. Беременная, но не "мать". Он почему-то знал, что слово "мама" к ней неприменимо. Откуда она взялась? Больное воображение? Не похоже. Прошное? Скорее всего. От вида ее и спину тянет, и на сердце тяжело. Случилось что-то плохое?

Вито, отвлекшийся на спор с ямщиком, повернулся обратно.

— Но там жуть, правда. Девчонка-то, которая купца Нарима дочь, та вообще невесть во что превратилась. Говорят, из нее крови натекло столько, что до сих пор она не отмылась с места, где тело лежало. А вот...

Коляска остановилась у небольшого одноэтажного здания, и Димитрий, бросив извозчику монету, поспешил к дверям.

Внутри здания правопорядка было сумрачно. С улицы посетитель попадал в маленькую комнатку, которую назвать холлом или чем-то подобным, не повернулся бы язык. Из комнатки вели три простые двери и одна толстая, с засовом, через которую и вошёл сыщик. Вот уж по истине "на все четыре стороны".

— А вы куда сначала пойдете? — материализовался рядом Вито.

— Сначала — информация по делу.

Паренёк кивнул и пошел прямо.

Невыносимо узкий коридор и две двери привели их в небольшой кабинет, разительно отличающийся от других помещений. Через большое окно комнату заливал свет солнца. В воздухе клубились пылинки, как будто подкрашенные золотым. У одной стены стоял большой шкаф с бумагами, у окна — рабочий стол. За столом сидела девушка в форменном сюртуке. Увидев посетителей, она вскочила со стула, разулыбалась, суетливо зашуршала документами, бессмысленно перекладывая листы.

— Вито, си... Почтенный Кривз, здравствуйте!

— Здравствуйте, сида.

— Здравствуй, Цветана.

Было видно, что Вито нравится называть девушку просто по имени, видимо, так он выглядел значительнее в собственных глазах: вот и сама хранительница важных бумаг с ним на "ты"! Димитрий усмехнулся мальчишеским замашкам, но — мысленно. Не след обижать ребенка. Он и так все жилы рвет, чтобы доказать свою полезность и осведомленность. "Я — не слуга, я — помощник!" — говорило каждое его действие. Всё-таки не протеже, а подкормыш? Да и какое тут "протеже", в провинциальной-то глуши да в полиции. Какое продвижение? Стать начальником инвалидной команды*?

— Господин столичный сыщик хочет посмотреть дела, что с ритуалом связаны.

— Да, конечно! — Просияла Цветана и метнулась сначала к шкафу, потом опять к столу

— расчистить место под папки, затем опять к шкафу.

— Да тут немного, на самом деле, что там описывать-то? Все увечья тела?

— Обязательно. Каждую рану в подробности, — заверил девушку сыщик и нагло сел на ее стул. Перед ним появилась папка, но, к сожалению, она и вправду была весьма тонкой. Дмитрий прочитал каждый отчет по нескольку раз, Вито с Цветаной, перебивая друг друга, дополняли их подробностями разной степени ненужности. За что были изгнаны из кабинета со списком мелких поручений. К его удивлению, жаждущие поучаствовать в процессе расследования, они оба поспешили выполнить написанное, причем принялись за дело с энтузиазмом. Дмитрий к своему полному удовлетворению остался один в тишине заполненного солнцем кабинета. Без назойливого жужжания над ухом думать стало легче.

Итак, четыре убийства. Четвертое — уже после его приезда в город. По нему информация собрана можно сказать собственными руками.

Первое — убийство-жертвоприношение. Та самая Арджа, дочь купца Нарима. Судя по именам, эта семья откуда-то с юга. Цветана подтвердила, что они давно приехали в город, она ещё, наверно, и не родилась тогда. Сначала купец открыл лавку, оставил своего человека и наведывался сюда временами, вместе со своим торговым караваном. А потом сосватал местную девушку, из простых, и осел. Сам он издалека, из земель, что лежат за Степью, но интересуется только любимой семьёй и торговым делом, замечен ни в чем плохом не был, даже в измене жене! Дмитрий на такую характеристику саркастически усмехнулся. Однако поговорить с непогрешимым купцом не предоставлялось возможности: сразу после трагедии семья покинула город. Вито красочно описывал, как горевала мать Арджи, чуть не повесилась, вот муж ее и увез от греха подальше. Говорят, смена климата и горе лечит. Дмитрий в истинности этого утверждения изрядно сомневался.

Итак, Арджа вечером возвращалась домой от подружки. Пройти надо было всего пару домов. Забрать девушку с посиделок должен был старший брат, и он подошёл в условленное время, только оказалось, что девчонки поссорились и купеческая дочь убежала раньше времени. Кинулись искать. И нашли. Утром. У древнего кладбища. На старом заросшем мхом камне. Растерзанную. Девушку как будто пытали. В отчёте с ужасом отмечено, что натекло очень много крови, Вито с Цветаной добавили, что вокруг того камня, где была кровь, до сих пор земля как будто алым пропитана и никакие дожди не смывают запекшиеся подтёки. Подруга Арджи — юная ниса Аль, ничего толком рассказать не могла. Символы с камня тоже никто не срисовывал, их почти все кровью и дождем смыло, да и "не подумали, что важно".

Итого, две зацепки — кладбище и семья нисов Аль. И про то, и про то есть слухи смутного толка.

Второе убийство — сын травника. Тело найдено, кстати, недалеко от гостевого дома, в котором поселился Дмитрий. Как будто зверь напал на человека, вот только в руке жертвы остался клочок белой рубашки, но чья-то одежда, мужчины или женщины, не понять. Тут сложнее. Мало ли куда и откуда мог идти взрослый неженатый мужчина? Но кто и зачем на него напал? И как? Натравили зверя? Вещь редкая, но вполне реальная. Или какое-то приспособление сделали по типу челюсти дикого зверя? Или вообще так заклятье трансформировалось? Второе убийство было похоже на первое степенью жестокости и кровавостью, но отличалось тем, что никаких ритуальных элементов в нем не было. Тело

лежало мешком в кустах у тропинки, ведущей к старым яблоневым садам. Повреждения нанесены хаотично, никаких рисунков ни рядом, ни на теле не обнаружено. Здесь из зацепок только записи осмотра тела, по которым получается, что жертву загрыз зверь. У кого есть такая зверюга? Зверёк из аптеки не подходит: слишком мал. Пометка: по рассказу всезнающего Вито здесь есть общество животноводства, следует наведаться туда, узнать.

Третье убийство — опять женское тело. Полностью обескровленное. При этом ритуальных знаков нигде нет. Но отсутствие в теле крови само по себе наводит на мысль, что это непростое убийство. Впору вспомнить легенды о Темных временах, когда мир заполнили всякие твари, в том числе ни живые, ни мертвые, существующие за счёт крови людей или их органов. Некоторые подобные существа и потом появлялись, но редко. Это можно было бы взять за теорию, но первые два убийства были очень кровавыми и никто эту кровь не собирал, не употреблял и т. д... Скорее всего ещё один ритуал, просто неизвестный.

Выходит, основная версия — кто-то проводит ритуалы с неизвестной целью. Просто эксперимент? Научный? Практический? Почему каждый раз ритуалы разные? Почему в первый раз делали, чтоб было много крови, а в третий — ее не проронили ни капли? А второе убийство — в чем смысл, оно и правда похоже просто на нападение дикого зверя. И четвертый случай — судя по рисунку, попытка влиять. На что? И где ещё два участника ритуала? Димитрий был уверен, что они существовали. Но как искать? Самое простое рассуждение: если остальных сила убила, то этих должна была хотя бы покалечить. Значит, они ранены. Или болеют. В любом случае внезапно исчезли из общественной жизни. Но неизвестно ни какого они сословия, ни возраст и пол их. Можно спросить доктора, но что, если они достаточно умны и не стали к нему обращаться?

Вернулись Вито и Цветана. Водрузили на стол корзинку с пирожками и графин с компотом. Затем выложили исчерканные грифелем листы.

— Это по дому из земельного архива. Но там давно никто не живет.

— Я у травника был, но он... Там писать нечего, только неприличные слова. А вот соседи рассказали, с кем общался его убитый сын. Говорят, премерзкий был мужик. Я записал самое главное, как вы сказали: имена и характер отношений, кого вспомнили и как описывает его тот или иной человек. Но там... — Вито замаялся... — Люди разбежались все, день же, дела... — парнишка стал совсем красным. Понятно. Разговаривать не стали. — Я только с соседкой поговорил, другом его и...

Договорить парнишка не успел. На улице раздался дикий визг, а потом крик:

— Убили!!! Уби-и-и-ли!!!

Крик на мгновение смолк, а затем женщина заголосила снова:

— Батю-ю-юшки-и! Уби-и-и-ли-и!!!

Вито, повинувшись кивку сыщика, выскочил в коридор первым: показывать в этом лабиринте мелких комнат прямую дорогу.

— Ой, уби-и-и-ли-и! — разносилось дальше по улице.

Глава 5. Мертвые и живые

У кровати убиенного столпились доктор с помощником, представители правопорядка, любопытные соседи и даже один газетчик.

— А вы что тут делаете? — спросил Димитрий последнего.

— Так это наш, — развел тот руками. — Нежелан Коготь.

— Коготь? — заинтересовался сыщик.

— Ну так назвался, — пожал плечами мужичишка. — А так он Нежелан Летнь. Но статьи пишет под именем Коготь.

— А о чем статьи?

— Так о разном. Что найдет, о том и пишет.

— А об убийствах писал?

— Конечно, писал. Все писали.

— А у вас тут одна газета?

— Обижаете! — гордо вздернул нос газетчик. — Две! Но у нас парни пронырливее, чем в "Событиях".

— А вы, простите?

— Мы — "Известное и неизвестное"!

— Да отойдите же! — закричал выведенный из себя доктор. — Он сейчас задохнется!

— Кто? — воскликнула пышнотелая хозяйка доходного дома. Та самая, что полчаса назад завывала на улице.

— Покойник!

Люди отпрянули. Квартальный и сыщик из местных вывели любопытствующих из спальни, стали у дверей. Плюгавый газетчик тоже исчез в неизвестном направлении.

— Так он живой? — спросил Димитрий доктора. Тот кивнул.

— На данный момент вполне. — Сид Угрь посмотрел на поднявшую шумиху женщину. — А с чего вы решили, что он мертв?

— Да как же! Он же два дня уже как не выходил отсюда! А его всегда не бывает дома! Всегда! Носится повсюду, носом своим вынюхивает, где какой скандал! Работенка-то паскудная какая — грехи чужие высматривать да сплетни печатать! Так вот, захожу, вы не подумайте, я порядок проверить! Я за порядком в своем доме слежу! Вот захожу, смотрю — а он лежит! Я перепугалась, но подумала, что спит. Вышла. Захожу вечером — а он опять лежит! А сегодня захожу, пора пришла ему за квартирку-то платить! Тормошу, тормошу, а он не отзывается! Тут-то я вспомнила, что об убийствах писали, и перепугалась. Какой ужас! Какой убыток!

Доктор поморщился, Димитрий сдержался.

— Как же ж хорошо, что жив! — причитала тем временем женщина. — Я ж так рада! А скажите, — обратилась она к доктору, — Сильно он плох?

Сид Угль заскрипел зубами и вышел из комнаты. Хозяйка доходного дома проводила его изумлённый взглядом.

— А...

— Да, плох. — Дарьян говорил уверенно, но негромко. — Есть подозрения на внутренние повреждения. Сломаны ребра. Вы не могли бы выйти, здесь и так дышать нечем?

Комната действительно была слишком узкой. Маленький стол у стены, на нем — таз с

водой и глиняный графин, над ним — круглое зеркало с отколотым краем. Стол побольше — у окна, на нем письменные принадлежности, старые газеты. Рядом сундук, служащий и стулом, и шкафом. Да кровать в углу, на которой лежал молодой человек настолько бледный, что его действительно можно было принять за покойника. В комнате было душно. И казалось, она наполнена чем-то... чем-то... неуловимым, многочисленным, тяжёлым... и впрямь тяжело дышать.

— Давайте выйдем? — Димитрий взял под локоток хозяйку и вывел из спальни газетчика.

В коридоре толпились люди. Что-то говорили, ещё больше думали, их было много, от них было много шума, невыносимо.

Димитрий отпустил женщину. Поспешил к лестнице. Понимая, что не успевает до двери, юркнул под скрипучие ступени.

И там его накрыло.

***

"Молоденький какой! Жалко-то как!"

"Нет, ну а деньги? Плату я с кого собирать буду? А если вообще помрёт? У него небось и в вещах ничего ценного нет, одни бумаги, а сколько та бумага стоит? Тьфу!"

"Так нужна труповозка или нет?"

"Туда и дорога! Выкормыш порока!"

"А сколько стоят его те статейки про вена? Точно уж не мало! И куда деньги деваает, в такой конуре живя?"

Зависть. У нее кислый привкус и грязно-зеленый цвет. Она вязкая, потому что навязчивая. С ней можно пробовать бороться, но маленькое зёрнышко непременно останется где-то в складках души. Если за него потянуть... Впрочем, иногда и тянуть не надо, само растёт.

Злоба. Злоба она красного оттенка, но будто с примесью коричневого. Злоба — порошок, что приправит любую мысль, она соленая, разъедает каждую царапину, умножая боль. У нее всегда есть причина, но по большей части придуманная, под которой, за семью полупрозрачными покрывалами из тончайшей паутины слов кроется истинное зерно ее, совершенно отличное от декларируемого.

Жалость... Перемешанная с гордыней... У нее...

Чужие эмоции осыпались пеплом. Пепел сложился в неподвижную круглую озерную гладь. И в нее можно было заглянуть.

В маленькой комнате остались двое: Дарьян и Нежелан. Дарьян ругался, закутывая бледное тело в бинты практически с шеи до паха. Пришедший в себя "покойник" до крови кусал губы и терпел.

— Это не обычные повреждения, — сказал помощник доктора, обращаясь к больному. Тот молчал.

— Они наводят на очень интересные мысли.

— Что ты хочешь? — прямо спросил газетчик.

Дарьян хмыкнул.

— Не поверишь. Ничего.

— Почему?

По одному голосу было понятно, что Нежелан действительно не поверил.

— Писать сплетни — не самая плохая работа. Есть хуже. По итогу, мы неплохо устроились, тебя, расторопного и говорливого, пригред редактор Маль, меня — бездетный доктор. Все лучше, чем сдохнуть на улице от голода или болтаться на верёвке за воровство, правда?

В комнате повисло искрящее молчание.

— Я никому не скажу, — пояснил Дарьян. — Но не проси свой шанс, Нежелан. Если попал в какой капкан — хоть ногу отгрызи, но вылезай. На улицах бегают много бездомных мальчишек, но повезло именно нам с тобой, было бы глупо все порушить самим. Выздоровливай. На этом все.

И вправду все: Дарьян стал собирать инструменты в медицинский саквояж.

Газетчик наблюдал за этим с некоторой отстраненностью, но когда ученик доктора встал, не выдержал и сказал:

— А я тебя не помню.

— Я бы тоже хотел все забыть, — сообщил Дарьян. Помолчал какое-то время, застыв у кровати больного неподвижной статуей, но потом всё-таки добавил: — Ты был с Вихрастым, я — с Косым. Они все делили на окраине какие-то гнилые хаты с дырявыми крышами. Хотя в дождь и мороз там было ещё хуже, чем под мостом. Так что неудивительно, что ты не помнишь. Мы не были друзьями.

Дарьян поднял саквояж и направился к выходу. Чужой голос застал его уже на пороге.

— Зато я вспомнил трогательную историю "ученичества". Доктор брал троих детей с улицы. Многие умилялись такой доброте. Кто-то шептал, что добротой этой он грехи старые прикрывает, своих ведь детишек они с женой не нажили. Вот только двое из троих умерли. Один ты выжил. А потом у четы вдруг родились долгожданные дети. Удивительная история.

Ярость. Ярость — огненного цвета. У нее металлический вкус и аккомпанемент ее — звук хлопнувшей двери...

***

— Надо позвать доктора! Или Дарьяна!

— Да подожди ты! А ну как очнётся!

— А если не очнётся??? Чего ждать?

— Пульс есть...

— Откуда знаешь?

— Дарьян учил. Дальше: судорог нет, повреждений тоже нет. Может, просто обморок. А если просто обморок, не надо никого звать.

— Да почему???

— Да потому что никто не хочет выглядеть слабым, дурья твоя башка! И вообще, ты зачем за мной увязалась?

— Интересно стало. Все его видели, а я нет.

— Ну и дура. И вообще, это я ему в услужении отдан!

— Ну и что? Посмотреть теперь нельзя?

— Нельзя!

Обиженное сопение.

— А я знаю, почему ты меня прогоняешь!

— Потому что ты глупая!

— Нет, потому что ты с ним в столицу хочешь! А он тебя не возьмёт!

Полное возмущения:

— Это почему? — и тут же: — Да нужно оно мне, пффф!

— Ты хочешь, как Дарьян. Чтобы почти семья! А не просто посыльный в конторе! У тебя даже дома нет, ты же там на чердаке спишь!

— Зато у меня жалование! А не огрызки с хозяйского стола, как у тебя в доме Цветаны!

— Да ты!!!

Димитрий закашлял. Дети тут же опустились рядом с ним на колени.

— Доктора? — спросила девочка.

— Воды? — спросил мальчик. Взгляды их скрестились на секунду, а затем словно парные ножи воткнулись в сыщика. Тот сел.

Тело слушалось. Все органы чувств функционировали, пальцы рук-ног двигались. Только чуть бок болел, неудачно упал, видимо.

— Не надо доктора, — сообщил Кривз детям. — И не надо никому говорить о таких вещах, хорошо? Столичному сыщику не положено болеть, верно?

— Конечно! — понимающе воскликнул Вито.

— А вы больны? — в ужасе прикрыла рот ладошкой девчонка.

— Нет, но иногда человеку может стать плохо и... — Димитрий на секунду замолчал, подбирая слова, и в разговор тут же влез Вито:

— От давления. Или от усталости. Или от погоды. Вот дамам от жары или сильных волнений плохо становится.

— Но сыщик — не дама! — стукнула незнакомка Вито по руке.

Димитрий встал на ноги. Тело не покачнулось, голова не закружилась, что ж, все в порядке.

— Вито, не познакомишь меня со своей спутницей?

Дети тоже поднялись с пола.

— А, ну эт да, конечно. Лада. Она помогает. Обычно Цветане с бумагами.

Девочка была чуть помладше Вито. Волосы светлые с едва заметным рыжим отблеском. Нос маленький, аккуратный. Глаза голубые. Немного топорщатся уши, но они почти полностью скрыты волосами. Круглое детское лицо. Одета легко. Красивое голубое платье, почти незаметно, что с чужого плеча, голубая лента в волосах. На ногах — поношенные ботинки, но от них видны только носы. Из Лады должна была вырасти очень милая светловолосая, голубоглазая, круглолицая девушка. Если бы она входила в приличное общество, можно было предречь ей удачный брак, в ее же положении безродной приживалки, взятой с улицы, будущее ее могло сложиться, как угодно. Даром предвидения Димитрий не обладал, хоть и мог спрогнозировать не лучший исход пребывания девочки в организации, обеспечивающей правопорядок.

Да, предвидение — это не его. У него совершенно другой талант.

Какой?

Над этим стоило поразмыслить. Особенно после того, что произошло с ним пару минут назад.

— Здравствуй, Лада. Я — сыщик Димитрий Кривз. Приятно познакомиться.

— Приятно познакомиться, — девочка даже попыталась сделать реверанс. Вышло смешно, но Димитрий не стал обращать на это внимания. И уж тем более кривиться или делать замечания. Сам такой.

— Что ж, давайте найдем доктора или его помощника, мне надо немного с ними поговорить.

Доктор нашелся на улице. В руках он вертел горько пахнущую трубку.

— И вы? — с укоризной сказал Димитрий. — Ещё столетие назад тижийской травы чурались.

— Да. Но это не галлюциногенная трава, а дымная. Просто горький дым, он не влияет на сознание.

— Зачем тогда его вдыхать?

— Иногда... надо почувствовать горечь.

Димитрий промолчал, он не понимал этого увлечения.

— А где Дарьян? — в лоб спросил он.

— Уже уехал. Зачем он вам, когда здесь есть я?

— Но больного в большей степени осматривал ваш помощник.

— Ну надо же его натаскивать.

— А в столицу его не хотите отправить учиться?

— Нет.

Односложно.

Молчание. Дым.

— Так что вас интересует?

— Повреждения.

— Есть гематомы. Сломаны ребра. У него явно болят внутренности, но это не кровотечение, иначе бы он был уже мертв. Очень странно. Я даже подумал, что это психосоматическая боль. Он бледный, но потный, видимо, какое-то время держался жар, потом резко спал. Тоже странно, но вполне вероятно. Есть открытая рана на плече, порез, заживает хорошо.

— Драка?

— Может быть. Газетчиков, бывает, и бьют за длинные языки. А у этого, думаю, врагов хватает.

— Болезнь?

— Определенно. От холода.

— Ритуал?

Доктор задумчиво пожевал трубку.

— Это по вашей части, сыщик Кривз, не по моей.

Они стояли рядом. Доктор смотрел куда-то вдаль, чуть прищурившись, Димитрий с вниманием следил, как на углу доходного дома опять о чем-то спорят Лада с Вито.

— Как у вас оказался Дарьян?

Сид Угль тоже посмотрел на детей.

— Традиция в городе — брать детей с улиц. Территории приграничные, за них не раз воевали. Взрослых убивают, дети остаются сами по себе. Вот и сложилось. Одинокие, бездетные или просто имеющие деньги порой подбирают бездомных, берут в ученики, воспитанники, в услужение. Сейчас уже войны в этих землях редки, но болезни и смерть никуда не делись, люди, особенно из низов, умирают, дети остаются на улице. Вот, некоторым из них везёт.

— Вы думаете, Дарьяну повезло?

— Полагаю, так считает Дарьян.

— Вы близки?

Доктор молчал. Лицо напряжённое, брови нахмурены.

— Что вы хотите вызнать? — Спросил он наконец. — Собрали о нас сплетни? Нет, я не приносил бездомных детей в жертву, чтобы природа послала мне дитя от моего семени. Нет, я не обижал Дарьяна и смею надеяться, он благодарен за то, что для него было сделано. Да, я не настолько богат, чтобы отправить его в столицу, но это не значит, что он чистит мои сапоги и ест со слугами. Он — ученик, а не лакей.

— И чистит инструменты?

Сид Угль вздохнул, потёр левой рукой лоб.

— Вы всерьёз полагаете, что я причастен к убийствам?

— Нет. Но это было бы логично. Кто как не доктор может инсценировать нападение зверя или слить из человека, словно из сосуда всю кровь? К тому же вы сами признались, что вас подозревали в использовании опасных древних ритуалов.

— В городках вроде нашего от нечего делать и оскопленного будут подозревать в блуде.

— Да, согласен. Что ж, до встречи, сид Угль. Благодарю за интересную беседу.

— Вы ищите не там. Я думал, сыщики занимаются не сплетнями, а серьезной информацией.

Димитрий улыбнулся.

— Вы даже не представляете, какой потенциал для расследования имеют обычные бытовые разговоры. Разрешите откланяться.

— Прощайте.

— До свидания. Вито!

Паренёк тут же важно задрал голову и поспешил на зов. Димитрий был уверен, что отвернись он, Вито бы тут же обернулся и показал Ладе язык. От детских глупостей веяло чем-то теплым, но... чужим. Словно Димитрий сам никогда не делал подобного. Не дурачился, не спорил, не вредничал, и много ещё всяких "не".

Всю обратную дорогу Вито молчал и кусал губы. На перекрестке с Садовой улицей Димитрию это надоело, и он спросил:

— Что не так?

Парень посмотрел на сыщика испуганно. Потом глубоко вдохнул и спросил:

— Вы больны?

Нет.

— Нет.

Это другое.

— Это... особенности организма, не более.

Да. Особенности.

Способности

Дар.

Или проклятье.

Нутро.

Суть.

Женщина. Да, была женщина. Строгое лицо, холодные глаза, тяжёлая рука. Она говорила:

— Твоя суть — видеть грязь. Показывать грязь. Множить грязь. Ты — грязь.

Женщину звали...

Нет, не Цветана.

— Может, вам кусок пирога принести? И чай? Вы вчера ничего не ели почти.

Вито говорил испуганно, частил, проглатывал окончания. Словно боялся собственной наглости. Отчаянно захотелось погладить его по голове. Сказать ему, мол, не бойся, ты толковый парень, все будет хорошо.

Сказать... себе? Он ведь был когда-то таким, да?

Был же?

Ложь. Никто не знает, будет ли у Вито что-то хорошее.

Никто.

Димитрий не любил лгать. Вера в светлое будущее — ложь, и ею не стоит обманываться.

Как и однозначное ожидание худа.

Но...

Пришло осознание: не любил врать, но часто врал. Замалчивал. Что-то важное. Если вспомнить, что это — получится вспомнить себя.

Но вспомнить не получалось.

Вито застыл в ожидании ответа.

— Нет. Спасибо. Мы, пожалуй, не вернёмся к бумагам, а немного посмотрим город. И в промежутках поедим.

— Хорошо.

— Где у вас рынок?

— Туда по Рогатой улице.

Димитрий покорно шагнул в указанном направлении.

Рынок был полупустым. После обеда торговля сворачивалась — хорошие хозяева закупают с утра все свежее, тем более в теплую погоду. Купив пирожков с мясом сомнительного происхождения, Димитрий остановился у фонтана — пожевать. Вито, конечно, получил свою порцию. Паренёк ел, задрав рукава до локтей — не дай Отец почти единственную парадную рубашку жиром испачкает! Это выглядело очень по-домашнему.

У Димитрия вот такого, домашнего, не было. Почему?

Вымыв руки, они прошлись по лавкам. У маленького магазинчика с надписью "Истории и другое" Вито вежливо поздоровался с седобородый мужчиной, несшим под мышкой несколько книг. Димитрий не обратил бы внимание на этот эпизод, вот только пальцы незнакомца были испачканы чернилами. Мелочь, конечно, но напомнило об одном из трупов.

— Вито, а кто это?

— Секретарь заместителя. А что?

— Просто знакомлюсь с городом. И горожанами.

— Ну, со всеми не перезнакомитесь. Всё-таки нас тут слишком много.

В голосе прозвучала гордость за свой "большой" город.

— А какие у вас тут есть культурные места?

— Музей. Но он третий день закрыт, говорят, смотритель заболел. Гимназия. В ней самое интересное — здание. Вроде бы ему почти тысяча лет. Архив, там есть специальная комната, можно посмотреть старинные документы, у нас даже хранится указ Володая Хромого об учреждении здесь пограничного форта. На перекрестке Южной и Шелковой улиц стоит библиотека, но она небольшая и довольно мрачная. А ещё в городе есть зверинец

ниси Ловкь, там диковинные звери живут. Там в клетке размером с большую комнату расхаживает самый настоящий степной кот! Мышцы литые, на ушах кисточки! И в вольерах черные псы живут, которых разводят на юге ёкаи! И птицы самых разных цветов сидят на ветках оранжереи, словно бутоны!

— Наверно, интересно смотреть? — без подвоха поинтересовался Димитрий.

Улыбка сползла с лица Вито, он дёрнул плечом.

— Да что там такого, — нарочито грубым голосом сказал он, переменившись в мгновение ока: вместо восторженного мальчишки перед сыщиком стоял молодой человек, прекрасно осознающий свое незавидное положение в обществе. — Это детские глупости, не более. Для малышей.

Кривз на это ничего не ответил, сделав вид, что поверил.

— А где же лучше пройтись взрослому?

Вито немного оживился. Даже непроизвольно сжатые кулаки разжались.

— Архив, конечно! Там столько интересных документов!

— Что, и руками трогать можно?

— Это как вам разрешат! Но мне позволяли! Восхитительно, да? Трогать указ, которому лет триста, а то и больше!

Димитрий согласился, что восхитительно.

— А музей?

— Не знаю, я там не бывал. В архив нас с Ладой Цветана брала, а в музей она не ходила.

— То есть смотрителя музея ты не знаешь?

— Нет.

— А библиотекаря?

— Там их несколько. Только помощницу, дону Новь.

— А не знаешь, кто-нибудь из учителей в гимназии пропал на днях?

— Нет вроде бы. Да слышно было бы, коли так.

Димитрий рассматривал юный кладёзь информации с почтительным вниманием. Вито аж поежился.

— А что вы ищите? — спросил он хмуро.

— Мертвеца. — Ответил сыщик задумчиво. — Живого мертвеца.

Глава 6. Брошенный дом

Вито поперхнулся воздухом. Это... Это как?

Димитрий небрежно махнул рукой в ту сторону, откуда они пришли.

— Мертвого живого мы увидели. Теперь нам нужен живой мертвец. Хм... Или наоборот?

Парнишка округлил глаза.

— Это как? Словно в Темные времена? Восставшие трупы?

— Нет, — успокоил его Димитрий. — Нет. Но где-то есть человек, которого никто не ищет. А он, между прочим, лежит сейчас в мертвецкой. И ты этого человека не знаешь, значит, там, где служил наш труп с чернильными пальцами, ты не был. Конечно, не факт, что он служитель наук или искусства, но надо же с чего-то начинать. Так куда ты никогда не ходил?

Вито немного покраснел, но рассказал честно, без прикрас.

Немного обдумав варианты, первым делом отправились в антикварную лавку. В зверинец, как оказалось, Вито очень даже хотел сходить, долго копил деньги, но его оттуда прогнали, обругав нехорошими словами (в том числе назвав вором и попрошайкой, но на это Вито как раз не обиделся, ибо в голодные годы был и тем, и тем) и указав, что "здесь принимают только приличное общество".

Димитрий хмыкнул. Нисы сами стали "приличным обществом" три-четыре столетия назад, а некоторые рода и позже. Если вены — аристократы по рождению, нисы — милостью правителя. Так что не им говорить о таких вещах.

Беседа в антикварной лавке оказалось крайне скучной. Вещи там были не столько древние, сколько дорогие. Хозяин — напыщенный мужчина, ни капли не разбирающийся ни в магии, ни в истории. Зверинец тоже не впечатлил: в основном в нем находились мелкие животные. Те же, кто был покрупнее, питались травой, а не мясом. Из сильных хищников оказались только две зверюги, но те вряд ли могли кого-то задрать, до того они выглядели тощими и больными. Вито вышел из зверинца поникшим. Если птиц, которые попались им первыми, он рассматривал с восторгом, то степного кота, клетка с которым завершала "выставку", — с неподдельной жалостью. Димитрий чувствовал, как парня по мере понимания заполняет злость, но тот оказался не так прост: зубы сжал и хозяевам ничего не сказал. А вот стоило бы чуть за эту злость дёрнуть и...

Сыщик отметил стойкость и разумность своего слуги-помощника, но вслух ничего не сказал. Поймали извозчика и поехали в библиотеку.

Оказалось, та располагалась в маленьком одноэтажном здании по соседству с книжной лавкой. Книги часто кочевали из одного места в другое, благо между ними два шага было. Библиотекарей было трое, все уже люди седые, солидного возраста и некрепкого здоровья, так что им помогала девушка, племянница одного из них. Эти люди действительно интересовались историей, и Димитрий проговорил с ними достаточно долго. Ему даже обещали найти информацию по ритуалам, сказав, что предмет этот давно изучают "из научного интереса", да только не так много у них знаний и книг, чтобы сейчас сказать хоть что-то путное по случившемуся.

Музей по странному стечению обстоятельств занимал больше места, чем библиотека. В нем никого не было, кроме девушки, протирающей пыль. Ее можно было бы принять за

служанку, если бы не связка ключей, висевшая на вышитом серебром поясе. Разговор с ней ничего нового не дал: хранитель музея болеет, она вчера пирог ему носила с мясом, чтоб поправлялся быстрее. Других работников нет. По ритуалам у них ничего не имеется, зато есть доспехи Темного времени и один таинственный волшебный посох тех же времён со змеиным навершием. Посох тысячу раз уже осматривали, ничего не нашли. Нет, никуда не девался, никто не интересовался. Полубовавшись всё-таки на древнюю палку, Дмитрий распрощался с разговорчивой девушкой и отправился в архив. Документы, хранившиеся там, для историка действительно могли представлять интерес, к тому же нашлись у них и магические книги, и привезенные с севера, инквизиторские. Но по ритуалистике опять ничего не было. Спросив, есть ли ещё у кого-то в городе древние книги, Дмитрий получил закономерный ответ: "Откуда же мне знать?" — и поехал в гимназию.

Образовательное учреждение для юношей располагалось в старом здании. Столетия два назад здесь находилась магическая школа. На этом интересное заканчивалось. Дом давно перестроили, каких-либо артефактов, книг, да даже столов с "магических" времен не осталось. Преподаватели тоже были самые простые, местные, никто из них не пропал и в дурных делах замечен не был. По крайней мере не больше обычного. Один любит выпить, другого, говорят, прогнали из института из-за дуэли, третий с тещей все время ссорится — вот и весь список прегрешений.

Пока Дмитрий с Вито обошли все места, солнце склонилось к закату. Но последнее посещение на сегодня — визит к больному хранителю музея, решили не откладывать. Мужчина жил на тихой улице по названию "Садовая", в маленьком домике, окружённом яблонями. Двумя улицами ниже начинались плохо обустроенные кварталы победнее, но здесь царили тишина, покой и умиротворение. Дмитрий осмотрел дом: ничего запоминающегося. Постучал — никто не открыл.

— Может, спит? — предположил Вито, переминаясь с ноги на ногу.

— Так рано?

— Он же больной. Вот когда Ладка лёгкими болела, все никак... — Мальчишка опомнился, запнулся, но продолжил: — Никак не могла выспаться.

— И долго болела? — нейтрально поинтересовался сыщик.

— Долго. Пока их стаю не поймали в логове за кражу браслета на рынке и притащили прямо в здание правопорядка. Там ее увидела Цветана и устроила отцу форменную истерику.

Вито улыбнулся другой, не острой, а залихватской улыбкой, словно говорящей: "Знай наших!" Удивительно, насколько легко парень с улицы сошёлся с девицей из рода сидов. Не аристократы, конечно, но на особом положении, ведь сиды — военное сословие, опора государства. Вито же зовёт сиду Ярью на «ты», да ещё даёт ей советы.

— Она хорошая. И Ладку пожалела. Хоть отец у нее и начальник над всеми нами, а нос не дерет. Так что вы не думайте, беды от нее не будет. Берите.

Дмитрий, задумавшийся об особенностях взаимоотношений людей в маленьком городе, удивлённо заметил, что кажется пропустил что-то важное в пространных рассуждениях юноши.

— Куда брать?

— Так замуж! — с такой непосредственностью заявил Вито, что следовало немедленно проникнуться сказанным. Дмитрий не проникся.

— С чего бы мне искать здесь невесту? У меня...

Уже есть женщина. Или была?

Эта женщина... Цветана? Нет, это имя другое, горькое...

А что, любовь не может быть горькой?

Женщина... У нее темные волосы... "Вороново крыло"... И глаза...

Глаза...

Если постараться, ведь можно вспомнить цвет ее глаз?

Не получалось.

— У меня здесь работа. Только работа. И я никого не собираюсь отсюда увозить. Ни в каком качестве.

Димитрий имел ввиду "ни жену, ни невесту", но слишком поздно сообразил, что выглядит его отповедь слишком обще. Вито насупился. Неужели и вправду думал, что его заберут в столицу? Глупость же.

— Да кому в клоаку вашу захочется ехать, — буркнул парень. Сыщик этим ответом удовлетворился и опять постучал в дверь.

Тишина. Ни одна половица в доме не скрипнула, ни одного вздоха не раздалось за окном.

А разве он мог бы услышать подобный вздох?

Почему-то казалось, что мог.

— Помощница говорила, что оставила ему пирог, — напомнил Вито. — И еду старик забрал.

— Говорила, — протянул задумчиво Дмитрий и медленно зашагал вокруг дома. Вито увязался хвостом. Ничего особенного. Маленькое жилище одинокого мужчины. Вокруг — ягодные кусты и деревья, которых явно не касалась рука садовника. Там в траве валяется обгрызенная кость — подкармливал кого-то? Здесь — скомканный лист бумаги. Дмитрий лист поднял, попробовал разглядеть, но дождь давно смыл смысл чернильной вязи. Ещё лист — маленький, лежит у дома, словно ветер его выкинул в открытое окно.

Окно — это мысль!

Одно из узких, давно не модных, окон, действительно было приоткрыто. Пока Вито колебался, сыщик толкнул створку, всмотрелся в глубь комнаты, а затем юрко, словно опытный вор, залез внутрь дома. Помощнику ничего не оставалось, как последовать за ним.

Дом был холодным, нежилым. Скорее всего он уже несколько дней как стоит без хозяина. Комната, куда они проникли, была небольшой, но обжитой. Повсюду книги, листы с записями: на столе, кресле, стульях, полу, не говоря о шкафах. Пресс-папье, несколько чернильниц, сургуч, прочее письменное. Дмитрий взял несколько листов, пробежал глазами, отбросил. Взял следующие.

— А что мы ищем? — спросил Вито, азартно блестя глазами.

— Письма. Или что-то, связанное с магией. Странные рисунки. Магические книги. Может, что-то другое. Все, что может показаться необычным. Или связанным с темной кровью.

Вито принялся пересматривать полки. Дмитрий отметил, что мальчишка хорошо улавливает, насколько дорога та или иная вещь, что можно отбросить, а что стоит осторожно отложить. Впрочем, какое дитя улиц не промышляло воровством? По крайней мере в этом городе какой-то части беспризорников даётся шанс на новую жизнь.

Это так знакомо, да? Подобный шанс.

— Сыщик Кривз! — парень отложил в сторону какой-то старый наполовину истлевший раритет. — А вдруг он тут?

Димитрий точно знал, что никого в доме нет, но предложил:

— Сходи, осмотри остальные комнаты.

Вито подхватил кочергу, что стояла рядом с камином, и вышел за дверь. Димитрий продолжил осмотр бумаг. Если парнишка кого и найдет, то только пауков да мышей, сыщик был в этом уверен. Тишина, которую не нарушил ни испуганный вскрик, ни хлопок/удар, это подтверждала.

Записи о магии были. Но все не то. О северных ведьмах. Мол, они пришлые, не от этой земли, от чужой, от того у "наших" ведьм кровь темнеет, а этих заметить невозможно: они ворожат по-иному, не через особые элементы крови. И нельзя их выявить, просто ткнув палец иголкой. Вот и боялись таких на севере, да так боялись, что в результате в Илендии и соседних государствах появились инквизиторы. Заметки о северных ведьмах больше касались истории, чем ритуалистики, что в некоторой степени огорчило сыщика. Рядом стопкой лежали исследования южных легенд о Диком Звере. На полу — скомканные листы с какими-то странными рисунками. Но это не ритуальные символы, а скорее попытки изобразить то ли сказочных, то ли мифологических зверей. Человек, поросший шерстью — словно из легенд про Темные времена. Люди на облаке — из сказаний об Иояэ? Крылатые кони — рисунок по южным песням? Трехголовый змей — вообще непонятно, откуда.

Бородатый человек с рогами и хвостом. Димитрий поежился. Мерзость.

Женщина вырывает руку.

— Мерзость!

Ее ладонь — белая, мозолистая. Наверно, если бы она его погладила, он бы почувствовал их. Но она никогда этого не делала. И не сделает. Никогда.

Она...

Листы. Их очень много. Цветные чернила разлились по бумаге кляксами и линиями, от которых рябит в глазах. Казённые бумаги, видимо, из какого-то ведомства — тревожный фиолетовый цвет. Газетные вырезки — черные или переливающиеся цветами строки. Письма — синим или черным.

Заметки о музейных экспонатах составляли большинство среди бумаг. В одном из ящичков стола — личная корреспонденция. В основном согласования по поводу музея, пара писем из переписки со столичным другом (машинально запомнил имя — на всякий случай), приглашения на чай, рецепт из аптеки...

Рецепт — взять! Аптека — это интересно!

План встречи "общества любителей древности". Короткая записка.

Димитрий почти отбросил ее, но наткнулся на подпись — на ее месте красовалась клякса. Из-под которой в сторону уходил хвостик подписи. То есть человек сначала расписался, а потом передумал и поставил кляксу. Разве не странно?

Дверь резко открылась, на пороге возник белый как мел Вито. Он произнес одно только слово:

— Кровь.

Как там говорят? Вечер перестал быть томным.

Крови было немного. Несколько капель на полу у входной двери и окровавленная тряпка в углу. Кто-то дошел до дома, перевязал рану, не покидая холл, набрался сил и ушел, ничего не трогая и никуда не заходя. Это интересно. Не вор. Вообще не чужой — посетитель

знал, где лежит ключ. И ещё — что здесь никого нет. Был бы хозяин дома — либо состоялась бы драка (если всё-таки вломился чужак), либо гостя проводили бы до какой-нибудь комнаты. Во всяком случае точно не оставили бы на полу. Значит, неизвестный пришел после того, как пропал хозяин.

Следы крови старые. Им несколько дней. И это наводит на очень интересные мысли.

— Кровь старая, — заметил из-за спины Вито. Димитрий не стал спрашивать, как парнишка это понял.

— Давай выйдем, осмотрим окрестности ещё раз.

Дом хранителя музея они обошли три раза. Заметили много разного, отыскивали ключ от входной двери — он лежал на козырьке, дугою выгнувшись над крыльцом.

Но больше всего сыщика заинтересовала плетёная корзинка, валяющаяся под кустом сливики*. Рядом с корзинкой на траве белым пятном лежало уже порядком изгвазданное полотенце. Чуть дальше валялся обгрызенный кусок пирога.

— Кажется, еду забрал отнюдь не нис...

— Кисл, — подсказал Вито. — Но может, и он. А это просто Фрута огрызок утащила.

— Кто такая Фрута?

— Домашний питомец ниса Кисл. Если я правильно понял его помощницу.

Звериных следов вокруг дома было много. И все разные. Видимо, старик подкармливал бездомных животных. А может, и не только животных. Мог ли он отдать им пирог? Мог. Корзинку? Вряд ли.

Впрочем, и без этого понятно, что мужчина пропал (или скрывается, но это менее вероятно, слишком многое говорит о том, что хозяин дома вышел максимум на пару часов и собирался вернуться). И если учесть, что пропал он как раз пару дней назад, то стоит сделать весьма однозначные выводы. Город не так велик, чтобы в этом сомневаться.

— Кажется, мы нашли труп.

Вито внимательно огляделся.

— Нашли место жительства одного из трупов, — поправился Димитрий. — Вито, надо попросить ту девушку, помощницу ниса Кисл, прийти для опознания. Я напишу бумагу, передашь.

Заехали в отдел правопорядка, затем разделились: Вито отправился в музей, Кривз — к нисе Аль.

Приняли его в голубой гостиной. Обставленной "весьма прилично", то есть достаточно дорого, но без свойственной некоторым "новым" аристократам аляповатости.

— Не скажу, что рада вас приветствовать, — вот что первым произнесла эта женщина. Весьма красивая, надо сказать, но не пытающаяся этим пользоваться. Наряд ее был элегантен, но при этом не кокетлив, прическа выглядела не слишком романтично, но была и не слишком строга, часть волос убрана, часть тяжёлыми темными кудрями спускалась на покатые плечи. Женщина была статной, женская красота ее выражалась и в приятных мужскому глазу формах, и в плавности движений. Взглянув ей в лицо, Димитрий понял, почему ее недолюбливают в городе: у нисы были яркие зелёные глаза. На севере ходили поверья, что глаза ведьм зеленеют при колдовстве.

— Но и вы пришли не чай пить, — добавила ниса Аль. — Так что вы хотите узнать?

— Добрый вечер, — проявил вежливость Димитрий и сразу перешёл к делу: — Можно ли поговорить с вашей дочерью?

Кажется, ниса удивилась.

— Зачем?

— Недавно убили ее подругу. Этого мало?

Женщина плавно опустилась в кресло. Нахмурилась.

— При чем здесь моя Милица?

— Она видела жертву последней. Она являлась ее близкой подругой. Вдруг девушка сможет вспомнить что-то важное?

Ниса Аль думала. Иногда она бросала на сыщика короткие оценивающие взгляды. И опять хмурилась. Дмитрий счёл за лучшее молчать, пока аристократка не придет к какому-либо решению.

— Я поговорю с ним, мама. Это мелочь. И... Может, действительно найдут.

Они оба вздрогнули и обернулись. На пороге гостиной стояла девушка в голубом домашнем платье. Лицом и фигурой она очень сильно походила на мать, разве что выглядела ещё хрупкой, не до конца распутившейся розой.

Ниса приподняла в удивлении брови, но спорить не стала:

— Хорошо.

Девушка прошла, села на диван. Сложила руки на коленях. Спина прямая, подбородок чуть вздернут, юбка скрыла и щиколотки, и туфли. Учитель этикета восхитился бы.

Димитрий посмотрел на нису-мать, но та только вопросительно приподняла брови. Ее взгляд так и говорил: "Вы что-то хотели? Неужели вы на что-то намекаете?" — И Димитрий намекать перестал. В конце концов, у него нет полномочий выгонять Радомилу нис Аль из ее собственной гостиной.

— Это всего пара вопросов, — предупредил сыщик Милицу. Та кивнула. Но и его, и ее хватило ненадолго: Димитрий забылся и стал выспрашивать все больше подробностей, юная ниса Аль перестала изображать чопорную аристократку и расплакалась. К его изумлению, Радомила не рассердилась. В ответ на удивление, ясно проступившее на лице сыщика, женщина лишь пожала плечами:

— Она сама решила поговорить, — и протянула дочери платок.

Димитрий решил откланяться. Однако прежде, чем уйти, он спросил:

— А ваш сын?

— Славен?

— Да, Славен. Он дома?

— Дома, — спокойно ответила Радомила. — А он вам зачем?

Ударение на слове "он" как бы намекало, что уж сын ее точно ни в одном из убийств свидетелем или другом не фигурировал. Однако почему-то она не хочет его показывать сыщику. Димитрий прямо кожей ощущал это ее нежелание.

Ещё один секрет.

Секреты он любил.

— Могут зайти позже, — покладисто согласился он. — Когда ему станет лучше.

И вышел.

Теперь ниса должна немножко запаниковать. Если, конечно, он угадал, и сына она от чужих глаз скрывает.

И покрывает.

Но интересно, правда ли Славен нис Аль "болен"? Сказать стопроцентное "да" в ответ на этот вопрос Димитрий не мог.

Однако он точно знал, что от Милицы нис Аль пахнет кровью.

И если это не кровь брата, то тогда чья?

---

*Сливика — кусты с фиолетово-красными ягодами, весящими гроздьями. Ягоды имеют кисло-сладкий вкус.

Глава 7. Улики

Проведя вечер в гостинином доме, Кривз узнал, что:

1) у хозяйки есть сын Ян примерно возраста Вито;

2) она провожала какого-то подозрительного мужчину как раз перед приходом Димитрия;

3) в доме живет ещё один постоялец.

Так же некоторое время сыщик провел, пытаясь структурировать полученную информацию. В итоге ключевыми стали несколько точек:

1) Аптека;

2) Ниса Аль и ее дети;

3) Доктор и/или его помощник — под знаком вопроса;

4) дом ниса Бель.

В меньшей степени:

5) дом хранителя музея (что у него за животное? Кто заходил? Чем среди прочего занимался сам нис?)

6) газетчик — случайная ли болезнь? Болезнь ли?

Места убийств как-то связать не получалось. Как и найти взаимосвязи между жертвами. Вообще сходство выявить можно было, но только между первым и третьим убийством. Второе выбивалось из ряда отсутствием ритуальных элементов, четвертое — количеством людей и тем, что, судя по всему, они были добровольными участниками ритуала — ни веревок, ни цепей, ни каких-либо иных средств принуждения и удержания в той комнате обнаружено не было.

Оставались также отдельные мелкие вопросы, которые могли прояснить ситуацию. Например, Димитрию не нравился интерес вена Кос к его скромной персоне. И ещё записка от сида Урда, в которой он приглашает "столичного гостя" на "тихий семейный ужин без изысков". Откуда такая популярность? Случайный интерес или нет? В этом интересе есть скрытый подтекст или это обычное любопытство, которое неминуемо вызывает в маленьком городе новое лицо?

Изучив все известное, Димитрий вспомнил про свой поспешный отъезд из дома хранителя музея и достал из кармана мятые улики. Рецепт оказался простыми сердечными каплями, и как не крутил его Димитрий, как не рассматривал на огонь свечи или под лунным светом — никакого намека на что-то подозрительное или тайное не нашел. Дозировка правильная, форма стандартная, признаков магического следа нет.

Записка оказалась более интересной.

"Приветствую доброго друга, безразличного к чувствам и судьбе несчастного влюбленного. Интересующие вас записи в полном вашем распоряжении. Как вы понимаете, для моих нужд требуется лишь одно описание с подобным рисунком. Бесконечно благодарен за ваши пояснения, без которых надежда на желанное будущее осталась бы эфемерной мечтой. И если вам ещё интересно с научной точки зрения, как будет осуществляться призыв, прошу вас прибыть через пять дней в дом, напротив которого вы столь любезно предложили мне помощь в трудную для меня минуту.

С искренним уважением,

***** "

Записка кое-что проясняла. Если труп, что лежит в мертвецкой, это действительно нис Кисл, то очевидно, что он участвовал в ритуале. Вероятно, из научного интереса. Автор записки приглашал ниса на известное им обоим мероприятие. Так что первоочередная задача — найти автора. Того самого влюбленного. Димитрий выписал ключевые слова: препятствия в любви, надежда на желанное будущее, скорее всего объект юн и пылок.

Вместе с запиской в кармане лежал и прихваченный впопыхах "План встречи Общества любителей древности". Димитрий прочитал его исключительно из привычки воспринимать как улику абсолютно любую деталь, но чтение это оказалось гораздо занятнее и полезнее, чем он ожидал — сыщик наткнулся на вмиг насторожившую его формулировку: "Тайное общество любителей древности занимается только научными изысканиями и...". Тайное. Тайное!!! Это следовало обдумать.

Разложив все понятное и непонятное "по полочкам", Димитрий наметил план действий на следующий день и лег спать.

Лёжа в кровати, он чувствовал, как ходит в дальней комнате от стены до стены неизвестный ему человек. Как на первом этаже, в комнатухе за кухней возится, засыпая, ребенок. Как Власта накладывает позднему гостю еды, вздыхает, обвивает белыми руками его шею. Всего лишь любовник, ясно. А он, Димитрий, уже понапридумывал себе таинственных личностей, подкрадывающихся в ночи к его кровати!

"Что ж, любовник — это хорошо, это просто и понятно," — решил сыщик и провалился в сон.

Или нет?

Ему снилась узкая комната. Свет луны, падающий в распахнутое окно. Злость и обида, заполнившие тело до краев.

Ему снился замерший в неподвижности город. Сонные дома, куклами разбросанные по кроватям люди. Зверь, бродивший по пустынным улицам. У зверя было человеческое лицо.

Оборотень? Таких уж лет сто никто не встречал.

Нет, нутро звериное у него не от волосатой шкуры. Человеческий разум привел его к зверству. Тонкий расчёт. Но в чем смысл его действий?

И есть ли он?

Маньяк? У жертв нет ничего общего. Или сыщики просто ещё не нашли эту связь?

Или его ведет цель? Какая? Чего он хочет?

Зверь шел по сонному городу. Зверь не злился на расследование: он не видел в нем угрозы. Кишка тонка. И у своих, и у приезжего. Но все равно где-то глубоко, за сердцем спрятался узелок беспокойства. Если за него потянуть...

А если и вправду, дёрнуть?

Тянется нитка, тянется, обвивает шею, заползает в уши, берedit душу. Тайное, сокрытое от самого себя, заполняет мысли.

А город спит. Почти. Кто-то смотрит в приоткрытое окно как в пропасть, в которую пора падать. Кто-то пишет тайную записку. Кто-то...

А это интересно.

Злость? Нет, другой оттенок.

Обида. И чувство бессилия. Это порождает отчаянье. Отчаяние же толкает людей на глупость. Если чуть ухватить хвостик тайных желаний...

О, как их много! Вот непристойные (на самом деле довольно невинные: дальше объятий и поцелуев воображение не идёт). Вот гнев, смешанный с вынужденной покорностью.

Одиночество. Вина. Привязанность. Опять обида. Ах, как много этой обиды! А она всегда тянет за собой тонкую нить жажды мести. Или, если более красивыми словами — воздаяния. Боль. Боль соленая от слез и крови... Да, воздаяние тут не помешало бы.

Окна. Через них можно заглянуть в чужой дом. А можно в чужую душу.

Ещё окно. Чужие сны. Беспокойные, бессвязные, с нотками одиночества и горечи. Глаза... У человека — глаза, которые видят, и язык, который говорит, но не все решается только этим. Вина... Вина за смерть. Интересно...

Город спит и видит сны. Сладкие, печальные, полные боли или надежды. Пока город спит — вместе с ним спит и зло, и добро. Но каждое утро город просыпается...

***

Девушку рвало долго. Димитрий не видел в трупе ничего ужасного — просто мертвая плоть. Мертвеца давно отмыли, привели в порядок, да и тело, где были швы, не показывали, открыли только голову. Но помощница хранителя музея, доня Новь, все равно сначала побледнела, а потом выбежала на улицу, давясь рвотными позывами. Следом кинулась Цветана, суетливо мечущаяся в поисках полотенца.

Вито философски пожал плечами. Видимо, это означало: "Дамы, что с них взять?"

Что можно было взять с доня Новь, уже взяли: показания, что обнаруженный в заброшенном доме труп — это действительно ее начальник, нис Кисл, хранитель музея. Дальше ею пусть занимается Цветана.

— А поедем-ка, осмотрим места убийств, — решил Димитрий, выглядывая в окно, за которым хмурилось серыми тучами небо.

Сначала отправились на кладбище. Местные, как всегда, преувеличили: трава вокруг камня, на котором зарезали девушку, действительно пожухла, увял и мох на камне, однако кровь давно смыло дождем, и земля была самого обычного серого цвета. Место убийства совершенно не походило на нечто зловещее: тишина, зелень, покой. Лишь иногда, при взгляде на камень Димитрий ощущал... что же это... отголоски обиды на... предательство? У этой обиды особый вкус и оттенок. Горько-сладко-соленый. С привкусом металла. Кровь, смешанная со слезами и с надеждами-мечтами. Самое ужасное сочетание.

Так несчастная Арджа шла за мечтой? Какой? Кому она так поверила?

Димитрий втянул носом воздух, словно собака. Обошел камень. Залез в соседние кусты. Резюмировал:

— Традиция сжигать мертвых мне нравится больше. Тогда не было бы таких странных и безлюдных мест.

Вито жевал травинку с весьма благостным видом.

— Ну так сжигали в Темные века, тогда какой только нечисти-то не водилось! А теперь времена спокойные. — Он покосился на камень, с которого месяц назад сняли труп. — Ну, спокойнее, чем тогда.

Времена другие, а люди те же.

Нелюди тоже.

Откуда эта мысль про нелюдей?

И воспоминание про женщину с глазами цвета весенней травы?

Удивлённо приподнятые брови.

— Странный комплимент.

Заливистый смех, запрокинутая голова...

У нее мелкие ровные зубы, губы кораллового цвета, чуть вздернутый нос и родинка у правого уха.

И ещё морское имя, осед ающее солью на губах...

Года идут, а люди те же.

Методы тоже те же.

У женщины рассечена щека. Кровь стекает вниз, капает на синее шерстяное платье. Она касается щеки пальцами, стирает пару капель. Рассматривает свою ладонь, потом медленно слизывает алую влагу.

— Кальция мало, — сообщает задумчиво. — Надо бы больше есть творога.

В этом есть что-то ирреалистичное — в этой картине. Она должна бояться. А...

Боишься он?

— Хотя по мне, — продолжает задумчиво Вито, и Димитрий выныривает из воспоминаний, словно из омота, в котором чуть не захлебнулся, — тоже было бы лучше, коль сжигали бы. Так вернее. Не хочу, чтобы мой труп мог кому-то достаться.

Сыщик тряхнул головой, словно мокрый пёс.

— Тебе рано думать о смерти.

— О смерти думать никогда не рано, — возразил спокойно парень. — А что вы ищите?

— Символы, — Димитрий выпрямился. — Но, похоже, безрезультатно. Смыло.

Словно по команде на лицо обоим упало несколько капель.

— Сразу после происшествия что-нибудь было видно?

— Было, но немного.

— А много людей приходили смотреть?

Вито пожал плечами.

— Смотря откуда. А что, очень нужно?

— Думаю, нужно.

Паренёк замялся.

— Ну, эт... Я поспрашиваю. Среди... своих.

— Не побьют? — удивился Димитрий. — Ты же вроде теперь на другой стороне.

— Жрать захотят — не побьют, — ухмыльнулся Вито. Но было видно, что парень нервничает. — Да вы не бойтесь, я, как это зовётся, "поддерживаю отношения". Ну, там кое с кем. — Он смутился, потом опять криво улыбнулся, показательно тряхнул карман, в котором жиденько звякнули монеты. — Найду подход.

Сыщик не стал отговаривать своего негаданного помощника, но не глядя вынул из кошелька горсть монет разного номинала и сунул в руки парнишке.

— Много, — ахнул тот.

— Ну, есть всем хочется, — заметил Димитрий.

Голод... Резь в животе... Толстопузый доктор, сующий в дрожащую руку кусок пирога.

— Не могу пройти мимо, когда кто-то лежит без сознания. Но с тобой все ясно с одного взгляда. И это не болезнь.

Аромат лесных ягод.

Когда доктор уехал в другой город, он, кажется, плакал. Последнее угощение успело

засохнуть и заплесневеть, а он все не решался его съесть...

Кровь... Кровь на руках... Солёный привкус во рту...

Седая статная женщина...

Пощёчина...

— Вам плохо?

Лицо Вито внезапно оказалось рядом.

— Нет, солгал Димитрий.

И провалился во тьму.

Ночь была ясной...

Почти романтической...

Встреча...

Ссора...

Сначала ссора, потом встреча...

Внутри — отголосок обиды. Два близких человека не принимают друг друга — это больно для нежной девичьей души.

Вера...

Ожидание чуда...

Ниточка страха...

О, потянуть бы за нее! Но это мертвая нить, и девушка мертвая, лишь слепок, отголосок былого...

Удивление. Много удивления, оно сводит с ума...

Сквозь него пробивается страх.

Вина.

Боль...

Димитрий закричал.

— Эй, эй! Сид! Я не знаю, что с вами делать!!!

Кривз вынырнул, ухватившись за знакомый голос, словно за верёвку. Неубедительно прохрипел:

— Все в порядке.

Обнаружил себя сидящим прямо на камне. Рядом, придерживая его за плечи, стоял Вито, выражающий всем своим видом испуг.

— Может, к доктору?

— Нет.

Димитрий обтер лицо сухой ладонью.

— Точно? А то вы как сели, посмотрели вдаль, потом веки опустили — и все, замерли. Словно заснули. Да как закричите! Это... — Вито попробовал найти нейтральные слова. — Это было по-другому.

Да, по-другому.

То есть у него это бывает разным?

Демоны, как же неудобно ничего о себе не помнить! Уж лучше бы ритуал зацепил его какой раной, а не стёр память!

Разным. Допустим. Но и там, и там он чувствовал эмоции. Значит, поэтому ему доверяют подобные дела? Потому что он обладает дополнительным полем информации — эмоции и чувства живых и даже умерших относительно недавно? Эта способность — откуда? Хотя, это интересно, но сейчас не главное. Главное — как бы вспомнить, как он этим управлял? Возможно, тогда дело уже не покажется ему столь сложным?

— Ты всегда находишь ответы. Но не всегда выходишь победителем. Помни об этом. — Когда-то сказала ему женщина с зелёными глазами.

Ее звали...

Морское имя. Соленое. Она почти никогда не плачет. Иногда ему кажется, она гораздо мудрее его.

И гораздо кровожаднее.

Ее имя почему-то имеет особое значение.

Как он звал ее?

Соленое море...

Марина.

Ее имя — Марина.

Но иногда ее зовут Мара. Слово небожительницу из древних легенд, которая принесла на своих крыльях людям Вину и Воздаяние.

А на плечах ее восседала Смерть.

Димитрий смотрел на Вито так, что тот поежился и отступил на шаг назад.

Сыщик открыл свою книжицу с записками на чистой странице, сунул Вито грифель.

— Пиши. Арджа. Ссора. Встреча после ссоры. Двое близких недолюбливают друг друга и ей об этом говорят. Мысли о романтике. Убил или привел к убийце тот или та, кому она доверяла. Вера. Удивление. Записал?

Парень смотрел на Димитрия с открытым ртом.

— Ух ты! А вы так умеете? А это как? Это вы в прошлое посмотрели? Или это магический след? Или следы чувств подглядели через призму Той Стороны? А...

— Об этом никто не должен знать.

Оживление помощника никуда не делось. Сейчас как никогда было заметно, что он ещё ребенок. Несмотря на весь свой нелегкий путь.

— Да я — могила! — воскликнул он, потом осмотрелся и поежился. — То есть костер! Тьфу ты! Ну, то бишь молчок. А вы чародей, да? Чароведением занимаетесь?

— Определись: чародей или чаровед, — Димитрий поморщился от тупой ноющей боли в затылке и наконец поднялся с камня. Небо лениво уронило на землю ещё пару капель.

— Так то одно! А как звать, мы же пограничье, у нас и по-тутошнему, и по-тамошнему, и по-северному, и по-южному, как только не зовут.

— Никак звать не надо, — веско сказал Димитрий, отобрал книжку и карандаш. Отряхнул одежду и кивнул Вито:

— Веди. До второго места, где загрызли сына травника.

Вито, показывая готовность молчать, бодро зашагал вперед. Но не выдержал и пары минут и опять затараторил:

— Вот там пройдем. Через Серый квартал. Извозчика, тут, конечно, не поймашь, но зато путь короче. У захоронений все равно почти никогда никто из этой братии не дежурит,

не особо сюда кто ездит. Так что пешком, через Серый, вернее. Не самый лучший вид, но днём можно спокойно пересечь. Зато если пройти через Пустырь — там порой такие ягоды растут! Не поверите, чуть ли не с кулак! Нет, может чуть меньше. Главное приходить туда днём и компанией.

Место, названное Серым кварталом, действительно вид имело крайне неприятный. Неухаженные улицы, полуразрушенные дома, люди, одетые в лохмотья. Однако Димитрий очень даже обрадовался, что его повели именно этой дорогой: на одной из улиц он заметил знакомую долговязую фигуру.

Дарьян перевязывал руку чумазому юноше в старом, видимо, с отцовского плеча, сюртуке. Сыщика он заметил почти сразу. Нахмурился, закрыл медицинский саквояж, что-то сказал пациенту, и тот исчез среди домов.

— Добрый день, — поздоровался Димитрий.

— Добрый, — спокойно ответил Дарьян.

— Любопытное место. И неожиданная встреча.

Молодой человек поддаваться на провокацию не желал. Спокойно ответил:

— Почему же? Я часто здесь бываю.

— Не знал.

— Вы не спрашивали. Это имеет значение?

Сыщик отрицательно мотнул головой.

— Просто любопытно.

— Что ж, я бываю здесь два-три раза в неделю. Часто спонтанно, как выдаётся время. Ваше любопытство удовлетворено?

— Мое любопытство ненасытно, — улыбнулся, пытаясь свести все к шутке, Димитрий. — Скажите, а никто из местных нищих не пропадал?

— Такого я не слышал.

— Вы же осматриваете трупы вместе с доктором?

— Не всегда.

— Но труп нищего видели?

— Видел, — не стал отнекиваться Дарьян. Подумал и добавил: — Я хотел его увидеть. Но этот человек незнаком мне.

— То есть он не из вашего города?

Помощник доктора усмехнулся.

— Я знаю не всех в городе. Высшие аристократы не нуждаются в моих услугах. Бедные люди в массе своей не доверяют тем, кто приходит к ним чистый и сытый. Эта... благотворительность охватывает немногих.

Димитрию казалось, он понимает собеседника.

— Старые знакомые?

— И это тоже. Не всем везёт.

Сыщику пришла в голову идея. Сомнительная, учитывая, что доктор с помощником имели свои скелеты в шкафу. И все же — почему нет?

— А вы не желаете помочь следствию?

Дарьян поморщился.

— Ничего особенного, — поторопился заверить его сыщик. — Просто, если вдруг узнаете, что где-то кто-то пропал среди вот таких людей, которым вы помогаете, сообщите. Было бы хорошо опознать тело. Быть сожженным безымянным — не самое лучшее

завершение жизни.

Раз Дарьян так хорошо помнил, откуда его взял доктор, раз он бесплатно лечит тех, кто заплатить за его услуги не способен, видимо, он постоянно проводит параллели их пути и своего. Чувствует вину? Или ответственность? А что, если эта доброта — прикрытие для какого-нибудь эксперимента? Увы, чутье, показавшее ему эмоции мертвой девушки, теперь отказывалось работать с живым объектом.

Но даже если ничего не выйдет, поведение Дарьяна тоже будет в какой-то мере уликой — против него или в его пользу. Своими словами Димитрий пытался играть на чувствах молодого человека, по крайней мере, как он его понимал на данный момент. Дарьян сделался ещё более хмурым.

— Я ничего не могу обещать. Но если что-то услышу, сообщу вам.

— Благодарю. О большем я и не прошу.

Они сухо распрощались, и ассистент доктора торопливо зашагал к крайнему дому.

— Ну, Вито, что думаешь? — спросил Димитрий своего помощника, задумчиво разглядывая Дарьяна, отдавшего кулёк выбежавшей из покосившегося дома девочке, а затем немного торопливо свернувшего за угол. Однако парнишка не ответил. Сыщик обернулся — и обнаружил, что Вито куда-то исчез, зато рядом стоит небритый мужик разбойничьего вида. И держит в руке нож.

В голове пронеслась тоскливая мысль: "Опять!"

Глава 8. Неожиданные встречи

Тело двигалось привычно, легко, идеально высчитывая нужную силу и траекторию. Шаг в сторону, уклонение, поворот — и нож прошёлся лишь по краю сюртука. Теперь бы ударить противника по спине, но тот тоже не так прост: успел отскочить и обернуться. Мужик оскалился, Димитрий тоже. Пожалуй, не хуже. Широко расставив ноги, оба пошли по дуге, примериваясь.

— Ты же знаешь мою фамилию? — спросил Кривз. — Там нет приставки.

— Токмо одежда у нас немножко разная, — осклабились в ответ. — А мне твой пинджак подошёл бы.

— Ты его немного испортил.

Бросок. Но не вперёд, а по дуге. Шаг в сторону, затем напасть сбоку, метя в грудь. Если правильно попасть в солнечное сплетение — вышло бы славно!

Уклонился, зараза. Полоснул по руке, но едва задел, только кровь на пальцах выступила. Покружили ещё.

— Я пока в выигрыше, — сообщил мужик довольно скалясь.

— Но сюртук при мне, — заметил Дмитрий. И сделал вид, что нападает. Противник ринулся вперёд, нацеливаясь поднырнуть под его руку и, видимо, на ходу пырнуть в бок, но сыщик изменил траекторию движения. Ушел в сторону, крутанулся на месте и ударил врага. Хотел в спину, получилось в бок. Однако это дезориентировало бандита на пару секунд, которых Димитрию хватило, чтобы вывернуть мужику правую руку и вытащить из нее нож.

— А теперь, — он ударил нападающего по ногам, и тот рухнул на колени. — Поговорим?

По ругани, разнесшейся по вмиг обезлюдевшей улице, Димитрий заключил, что разговаривать с ним не очень хотят.

— Ой, — раздалось рядом, когда не особо изысканная, зато очень эмоциональная речь оппонента закончилась. — А вы за какой надобностью дядьку Стефана бьете?

— Где ты был? — спросил Димитрий Вито, не оборачиваясь, но краем глаза следя за движением его тени.

— Так я не нужен вам был, вот отошёл... Хотите? — под нос сыщику сунули ягоду. И правда, большую, хоть и не с кулак.

Очень хотелось высказаться в стиле "дядьки Стефана", но Димитрий сдержался.

— Значит, Стефан. И что скажешь про этого "дядьку"?

Помощничек, перемазанный в ягодном соке, наконец возник в поле зрения. С корзинкой ягод в руках. Где только тару добыть успел?

— Вор, — сдал мужика с потрохами Вито. — Но не убийца. Рукастый. Детей всегда жалеет. У него своих трое.

— Не убийца, говоришь? А ножичек зачем?

— Ножик в кармане — это завсегда дело полезное. На всякий случай. Зря вы его скрутили.

Странно, что уличные мальчишки бывают такими наивными. Или сытая жизнь приучила?

Или несытая так и не смогла убить веру в людей?

— Не в кармане. Твой друг очень настойчиво пытался воткнуть его мне в бок.

Вито наконец заметил измазанную в крови ладонь и порченный сюртук.

— Да не-е, — протянул паренек. — Он не мог...

— Мог.

Слово словно припечатало Вито, придавило к земле.

— Мог. Вопрос, зачем ему это надо. Так много предложили?

— Дядька Стефан, ну скажите ему. Сид добрый и разумный, он поймет!

Ребенок. Ещё совсем ребенок всё-таки.

— Много, — подняв к Вито серое лицо, сказал мужчина. — Очень много.

И больше ничего не добавил.

А в Димитрии проснулось внутри что-то огненное. Растеклось по жилам, скользнуло по нервам, прошлось ознобом по коже.

Боль... Это его предназначение.

Причинять боль.

Он умеет.

— Вито, найди Дарьяна.

— Но...

— Вито, это приказ.

Голос стальной, холодный. Парнишка такой слышит впервые. И нервно дёргается. Надо остаться. Надо уйти. Ничего непонятно.

Это называется "взрослая жизнь".

И ещё — конфликт интересов.

— Я... Быстро.

Димитрий надеялся, что нет. Проводил мальчишку взглядом, он сдёрнул с талии мужчины пояс, на простецкий манер подвязывающий рубаху, стал вязать ему руки.

— Есть несколько вариантов развития событий. Первый — ты все рассказываешь сам. И тогда у тебя будет шанс выкрутиться. Второй — ты рассказываешь с моей помощью. И выкрутиться не получится. Неважно, отправлю я тебя в каталажку или ты успеешь сбежать к хозяину — ты труп. Расклад ясен?

— Ясен, — прохрипел Стефан в ответ и резко дернул руки в стороны, разрывая ветхий пояс.

Сыщик надеялся, что Вито окажется прав, и "дядька", как разумный человек, сделает нужный выбор.

Ну, а если нет...

У Димитрия большие способности к убеждению. И особая слабость к человеческим ногтям.

***

Недопомощник-переслуга вернулся запыхавшийся, но не так быстро, как хотел. То есть — вовремя.

— О, Отец! Что с вами?

Димитрий убрал руку от порезанного бока. Дарьян молча взялся за дело, принялся обрабатывать рану. Вито беспокойно кружил рядом.

— Вы что, провидец? Послали меня за врачом перед ранением?

— Это не провиденье, а большой жизненный опыт. Доктор в любом случае понадобился бы. Или мне, или ему.

— Если бы я остался...

— То стоял и думал, кому помогать. Есть случаи, когда удобнее обойти подобный выбор по дуге. Порез пустяковый. Заживёт за пару дней.

— Верно, — почему-то с ноткой ехидства добавил Дарьян. Встал, в очередной раз попрощался и теперь отбыл окончательно.

Димитрий тоже поднялся с кривой скамьи, на которую чуть ранее присел для лечебных процедур.

— Насколько я помню, место второго убийства находится приблизительно на середине пути от аптеки до гостиницы Власты. Очень удачно. Зайду переоденусь. Ну что, веди. Корзинку с ягодами не забудь. А говорил, ходить за ними можно только компанией.

Дезориентированный всем происходящим, Вито наконец тронулся с места, догнал сыщика, зашагал рядом.

— А я и не ходил. Я купил. А заодно кое-какие крючки забросил.

— Рыбку решил половить? И большую, и маленькую?

— Ну, тут какая попадет. Ягод хотите?

Сначала Димитрий хотел отказаться, а потом передумал и с наслаждением запустил руку в корзинку. Ягоды оказались недозрелыми, с кислинкой, но отчего-то все равно было вкусно. Вкус из детства...

Ну вот, было в его детстве что-то хорошее. Жаль, что это не натолкнуло ни на какие воспоминания.

Второе место убийства выглядело абсолютно непримечательным. Человек шел-шел поздно по дороге, на него напали, плоть растерзали. Ни символов, ни особых примет. Тело лежало, может, тут. А может, чуть правее или левее. На улице много зелени: деревья, кусты, высокой травы. При желании есть куда спрятаться, есть где устроить засаду. Но зачем? Что мог знать лишнего сын травника? И почему таким способом? Было бы проще его отравить. Или хотя бы инсценировать нападение уличного вора. Зверь — решение странное, хлопотное и для реалий города сомнительное. А если зверь настоящий? Тогда, где другие жертвы? А если — ручной и нападает по команде?

— Уйди, змеюка!

Димитрий и Вито одновременно повернулись к перекрёстку Садовой улицы со Слепой, откуда и доносился крик.

— Ах ты, гордец несчастный! Женщину чуть не задавил, ещё и ругается! Бессовестный! А-а-а! Вы на него посмотрите! Кнутом замахивается! Это ты на своих слуг замахивайся! А нечестную женщину — не смей!

На перекрестке застыли двое конных, напротив них — дородная женщина с корзинкой, умопомрачительно пахнущей едой. Пирожки. С творогом и ягодами. Даже на таком расстоянии у Димитрия потекли слюнки.

Рядом со спорщиками уже появилось несколько зевак.

— Да бросьте, матушка, у человека горе — сына потерял!

— А то мы не знаем, какой у него сын! Задира, пьяница и хам! Да ещё, охальник, скорнякову дочь чуть не насильничал!

Травник не выдержал.

— Уберись с дороги, дура! Язык, что помело! Как смеешь на сына такое говорить? Как бесстыжие глаза твои не вываливаются при поклёпе таком! Дочь скорнякова придумала все, сама потом призналась! Окстись!

— Ой, умора! — всплеснула руками спорщица и вперёд шагнула, уперев руки в бока.

Даже конь впечатлился и на всякий случай отступил назад. — Девка потому и призналась, что второй твой балбес у наместника подвязывается! Небось, завел какого покровителя, из тех, кто к вену Кос поближе, тот его и выручил. Может, они друг другу делишки грязные покрывают не первый раз!

— Нет, ну вы посмотрите на нее! — вступилась за травника другая женщина, в сопровождении девочкой-подростка. — Понапридумывала! Да я первая, как мать, скажу, что все по чести было...

— По чести??? — Аж поперхнулась воздухом от возмущения заступница. — По чести!!! Как мать! Да ты не мать девке, а мачеха! И как за скорняка вышла, девок евоенных со свету сжить мечтала, каждый знает! Вот одну и сжила!

— Да как это "сжила"? — завизжала скорнякова жена. — Замуж отдала! Блудную такую да в хорошие руки пристроила!

— В хорошие! Девка в петлю полезла от такой хорошести!

— Да не, — поправил кто-то из собравшихся вокруг. — Вешалась она до свадьбы.

— Но после сватовства! Эта дура-то назло обмолвилась, что "девка порченная" кому-то из той семейки. Небось уже уморили бедную!

— Уморишь ее, как же! — Сплюнула скорничиха. — Наряды, как сиды носит, с серебра ест!

— А что носу домой не показывает?

— Да потому и не кажет — стыдно ей за свое поведение!

— За тебя ей стыдно! Выжила девку из города! — женщина погрозила скорняковой жене кулаком. Всадники медленно отступили назад, намереваясь объехать толпу. Спорщица заметила это и тут же перевела свое внимание на них.

— А ты? Чего молчишь? Сын твой покойный каждому хвалился, что брат евойный на наместника работает, деньги большие получает, вино барское пьет! А что ж он, такой богатый да помощник незаменимый, домой не показывается? Как отдельно жить стал, так и пропал!

— В разъездах он, дура старая. Некогда ему. Честный писарь, что тайну государеву не выдаст, в любом деле нужен! Ничего не помнишь, не знаешь, а поучать лезешь!

— Эка завернул! Да ты сам-то помнишь, как сын выглядит?

— Помню, ведьма старая! — разозлился травник и стегнул коня. — А ну прочь!

Конь шагнул вперед. Женщина с визгом отскочила в сторону. Всадники скрылись за поворотом. Толпа какое-то время погудела и разошлась.

— Теперь понятно, отчего с ним сложно поговорить. — Сыщик задумчиво рассматривал разбредающих по делам людей. — Неприятный тип. Непонятно, почему он ещё на плаву, раз в городе есть аптека и второй травник?

Вито с готовностью ответил:

— Так у него и вправду старший сын пошел младшим писарем к наместнику. Должность маленькая, но поговаривают, сдружился он там с кем-то из знатных. Люди верят, что благодаря этим связям в лавке отца его продают самые лучшие и самые необычные ин-гре-ди-ен-ты и лекарства. Хотя тут же шепчут, что, может, тот сын давно в разбой ушел — он и вправду лет десять дома не появлялся, хотя живёт в этом же городе вроде как. Но убиенный, ещё один сын травника, который, хвалился связями брата направо и налево.

— Говорят, сдружился... А с кем? С молодым венем Кос?

Вито засмеялся.

— Да вы что! Нет, конечно, вен никогда даже имени не запомнит младшего писаря не то, чтоб приятельствовать! Говорили, с секретарем наместника его видели когда-то, но, может, врут, то было давно, лет восемь назад. Да и секретарь тот уже сменился.

Слова лёгкие, словно пёрышко, стукнула медь — разлетелись прочь.

В уши проник стук копыт. Цок-цок-цок.

Как в старой детской считалочке.

Цок-цок-цок.

Первый скакал на огонек.

Цок-цок-цок.

Второй пришел на огонек.

Цок-цок-цок.

Третий хромал на огонек.

Цок-цок-цок.

Четвертый полз на огонек.

А пятый, дух проклятый,

Зубами щелк! Щелк! Щелк!

Щелк!

Краски выцветают и появляются снова.

Кровь течет, неся по телу жизнь, нервы искрят, передавая мысли.

Чувства — красочная палитра, но сколько всего намешано! Вот нить — злоба. Ярчайшая, дистиллированная злоба! Острая, словно южные приправы, но пахнет металлом. А если потянуть здесь — гордыня. Тяжёлая, словно все горы Континента и пахнет землёй. А тут — толстая золотая нить жадности, пахнувшая тухлятиной и потом. И ещё множество перепутанных разноцветных нитей, но каждая — крепкая, твердая, и только любовь с печалью тоненькими нежными струйками спрятаны внутри. Но вот печаль переплетается со злобой, ненавистью, жаждой мести, любовь — с требовательностью, гордыней, жадностью, и уже не осталось ни того, ни другого, только змеится и шипит нутро тысячами злых, тяжелых мыслей.

Цок-цок-цок.

Сын... Сын поможет, да как его найти знал младший, а младшего нет боле...

Найти бы скорнякову сучку да вырезать язык, только далеко живёт ведьма, хлопотно...

Цок-цок-цок...

Топ. Топ. Топ. Топ.

Сумка через плечо бьёт по боку.

Топ. Топ.

Сумка через плечо бьёт по боку...

Шаг. Шаг.

Сумка...

Что за ерунда?

Сумка через плечо...

Она.

Это точно она.

Зациклилась. Закрылась. Такое возможно?

Сумка...

Сосредоточилась на одном ощущении, не разрешает себе думать и чувствовать.

Топ...

А ведь в ней живет страх. Точно живет. Вот чуть видно.

И ненависть есть. Если за нее потянуть...

Не успела нить вынырнуть на поверхность, как щеку обожгло болью. И вторую. И снова пощёчина.

— Да что ж вы делаете! Вы его убьете!

— Ннетт. Оживет, не волнуйся.

Заика? Очень похоже. Но согласные звуки она произносит не отдельно, повторяя их несколько раз, а плавно, растягивая, словно это гласные. Раньше казалось, человеческая глотка на это не способна.

А нечеловеческая?

Опять пощёчина.

— Если упадет вдруг — так ббей. Очнется сразу.

— Да что-то... — Начал было Вито, но Дмитрий, ещё не открыв глаз, перехватил тонкую женскую руку.

— Благодарю. Не стоит меня больше... лечить.

Добрая врачевательница фыркнула и отступила назад.

Дмитрий соотнес имеющуюся информацию и решил, что это отнюдь не случайная прохожая, а девушка из аптекарской лавки — голос вроде бы ее.

А ведь лавка недалеко.

И зверь у нее есть. Маленький, конечно. Но кто приручил маленького, может посадить на цепь и большого, почему нет?

И она видит его сущность. Иначе бы не "закрылась".

Занимательно: он не знает, кто же он на самом деле, а она знает.

Хоть спрашивай.

Или пытай...

Дмитрий открыл глаза. Показавшееся недавно из-за туч солнце опять спряталось за серую вуаль небесной ваты. Поднялся ветер — пока ещё слабый, но тем не менее сулящий скорую грозу.

— Ох! — Вито засуетился, помогая встать, но Дмитрий убрал его руку и поднялся сам. Слабости не было. Только ощущение чего-то потерянного. Мир стал наполовину менее ярок и ровно на столько же менее информативен.

— Благодарю уважаемую Рейфи за помощь, — Кривз постарался сказать это без иронии, но не вышло. Южанка улыбнулась.

— Рада.

Наверно, имелось ввиду "рада помочь".

— Как ваше торговое дело? — отряхивая одежду, как бы между делом спросил Дмитрий.

— Ххоррошшо.

"Р" у нее выходило чудо как звучно, и сыщика опять невольно посетила мысль про оборотня. Дела это древние, ритуалы обращения позабыты, а у Северных гор стоит стража, с особым пиететом встречающая всех изредка выходящих оттуда людей и нелюдей любых мастей, но мало ли...

Девушка улыбалась, однако в ее движениях ощущалась нервозность. Невидимая глазу,

но Димитрий ее чувствовал, как люди чувствуют запах или тепло.

— Много покупателей?

— Доссстаточно. Людди всеегда боллеют.

— Действительно. И при этом способов лечиться известно не так много. Кстати, а вы, уважаемая Рейфи, не были знакомы с погибшим сыном почтенного травника?

— Была.

Резко, отрывисто. Даже звуки потеряли свою тягучесть.

— Онн был не хорррошшим челловвекомм.

— Заходил к вам?

— Захходдил. Пррроссто. И сскандаллить.

— Просто? Зачем? Вы же конкуренты.

— И именно поэттому должжны прррисматрррривать ддрруг за ддрругом.

Что-то было не так.

— А вы за ним присматривали?

— Не оссобо.

Димитрий молчал и девушке пришлось добавить:

— Он не интеррессный.

— А кто интересный?

— Вы.

Вито изумлённо охнул. Сыщик нахмурился. Это было совсем не то, о чем подумал пустоголовый помощник. О, это было прямое подтверждение: "Я знаю, что ты из себя представляешь".

И демоны побери эту девицу, ситуация вышла преглупейшая, ведь сам он этого не представлял!

— Это... — Димитрий подбирал слова, словно шел босым по острым осколкам. — Может иметь последствия.

Вито подавился слюной и раскашлялся так, что распугал всех ворон.

Южанка обвела взглядом улицу.

— Хорррошший горррод. Тиххий.

— И тем не менее меня послали именно сюда. Выходит, не такой уж тихий.

— Жжаль.

Сыщик услышал в этом: "Жаль, что придется уезжать". Южанка стояла ровно, смотрела выжидательно, ее довольно экстравагантный для этих мест наряд сейчас, в предгрозовую погоду, на этой зелёной улице казался гармоничным. Шаровары широки, но обхватывают щиколотки золотыми лентами, полы длинной рубашки разрезаны на четыре части, сверху накинута полупрозрачная накидка, с которой играет ветер, делая девушку похожей на призрака. Или крылатую небожительницу. Широкий пояс подчеркивает талию, тонкая ткань одежд разноцветной волной очерчивает линию бедер. Не красавица в современном понимании, но что-то завораживающее в этом было. Что-то нездешнее.

— Вас разве не ждут покупатели? — спросил Димитрий девушку. Та показала рукой на небо.

— Гррроза идёт.

Сыщик смахнул с одежды последние пылинки-былинки.

— В грозу люди не болеют?

— В грррозу ллюди не ходят за лекарррстввами. Оссобенно вв такую.

Нет, конечно, угадать ближайшую погоду по простейшим приметам не так сложно, но всё-таки совокупность умений девушки не может не вызвать подозрений.

С другой стороны, он всегда всех подозревает.

— Иногда даже себя! — залиvisto смеётся знакомый-незнакомый парень в рубашке такой яркой расцветки, что от нее рябит в глазах.

Рядом с ним, спиной к говорившим, стоит женщина. Ветер треплет ее юбку цвета морской волны. Темные волосы развеваются за плечами и иногда кажется, что эти длинные пряди — шипящие змеи, стерегущие покой хозяйки. Вот она начинает поворачиваться... Лицо. Какое у нее лицо? Глаза должны быть зелеными. И ещё...

И ещё кровь. Кровь на лице. На шее. На ладонях.

— Убьешь? — спрашивает женщина, что окутана тьмой и вонью казематов.

— Нет, — отвечает кто-то голосом Димитрия. — Сначала помучаю.

И расплескивается вокруг тишина — гадкая, трусливая, предвещающая крики боли...

Сыщик и южанка одновременно отшатнулись друг от друга. Рейфи кивнула, заторопилась к перекрёстку. Вито, не замечая, что хозяин еле стоит на ногах, радостно воскликнул:

— О! Лада бежит!

Возглас резанул по ушам. Димитрий обернулся, но медленно и неуклюже, словно заводная кукла с заржавевшим механизмом.

Девчонка торопливо всунула ему в руки записку и только потом прижала ладошки к груди, пытаясь отдышаться.

Кривз дрожащей рукой развернул листок. Сид Урд напоминал о приглашении на ужин.

— Что ж, мне надо переодеться. Вито, свободен. Барышня, разрешите откланяться.

Не слыша ответов детей, Димитрий направился к гостиному дому. В ушах у него до сих звучал собственный голос.

"Сначала помучаю."

Глава 9. Ужин в приличном обществе

— Даже погода против! Не понимаю, зачем ты все это затеяла!

— Погода — ерунда, мой дорогой. Человеку достойного положения и погода не помеха.

— Достойное — это точно не про мужчину, у которого фамилия идёт сразу за именем!

Да он даже не купеческого звания, не "дон"!

— И всё-таки он из столицы, мой дорогой. И бумага у него с самыми широкими полномочиями, ты сам мне говорил. Такие не дают абы кому.

— Надеюсь, ты не строишь матримониальных планов на его счёт!

— В настоящее время это недальновидно. Но от нас не будет, если мы угостим молодого человека ужином. Да и нам с девочками интересно на него посмотреть.

— Он не такой уж и молодой. Это мужчина, не мальчик.

— Не старик — и слава Небу. К тому же главное, что есть в нём интересного, — он из столицы. Все остальное — мелочи, мой дорогой.

— Все строишь планы, как уехать?

— Как сложится. Но в стремлении подняться нет ничего плохо. Разве ты имеешь что-то против повышения?

— Вряд ли этот хлыщ собирается со мной делиться наградой, даже если раскроет дело. Он даже парням ничего не доверяет, все сам делает, те только отчёты пишут. Тот бездомный, выкормыш инвалидной команды* — единственный, кого он таскает за собой. Да дочка почтенного сйда Ярв иногда с ним пересекается. Вот и все.

— Ну, это мелочи. Кто там помогает или не помогает — не суть. Важнее, что потом в докладе напишут. Девочки! Девочки! Спускайтесь! Сколько можно ждать! Сейчас гость войдёт!

— Наигл... наинаивнейшая идея. И зря ты хочешь заинтересовать девочек, он для них слишком прост.

— Зато из столицы!

Дальнейшие пререкания супругов сид Урд Дмитрий не услышал: после этой реплики слуга открыл дверь и доложил хозяевам о приходе визитера. Дмитрий вошёл следом, поздоровался. Сиды поприветствовали гостя: он — безэмоционально, она — с добродушно-радостным выражением лица, любезно заверяя, как приятен их семье визит столь элегантного мужчины. Дмитрий действительно надел свой лучший костюм, который сын Власты приводил в порядок последние часа два, а то и больше. Стоило отметить, мальчишка справился замечательно. Хотя гораздо более приятным был тот факт, что оказывается, способности сыщика чтением мыслей не ограничиваются. То, что Дмитрий расслышал отголоски чужого разговора, ему самому очень пришлось по душе. Это давало новые возможности, некоторый простор для маневра.

Но почему это проявилось только сейчас? И будет ли эта способность управляемой?

— Девочки вот-вот спустятся, — махнула рукой в сторону лестницы сйда и предложила: — Не будем их ждать. Пройдёмте.

Дом сидов Урд был не таким большим, как ранее виденные Дмитрием особняки здешней аристократии, зато поражал воображение броским и ярким убранством. Стены были оббиты самыми модными (в прошлом сезоне) тканями, в специальных нишах стояли большие вазы из дорогих материалов, в проходных залах по специальной схеме были

развешены недешевые картины известных художников. Димитрий нутром чувствовал, что такое роскошество ограничивается теми комнатами, которые посещают гости, второй этаж, спальный, был скорее всего оформлен гораздо скромнее и проще. Но в провинции любят пускать пыль в глаза ничуть не меньше, чем в столице. Эта сида Урд там прижилась бы.

Едва хозяева сели, как в столовую впорхнули две девицы возраста "пора отдавать замуж". Тут же наперебой защебетали, извиняясь за непозволительное опоздание. Димитрий заверил, что столь очаровательные создания достойны, чтобы их ждали, девицы в ответ зарделись, рассыпались в благодарностях. Их матушка победно посмотрела на мужа, что можно было расценить, как: "Я же говорила, от него может быть прок! По крайней мере, он обходителен!" — и все, наконец, заняли места за столом. Юные сиды оказались весьма милыми и при этом не слишком навязчивыми, так что ожидающий подвоха Димитрий через какое-то время немного расслабился. Хозяева тоже вели себя деликатно. Сыщик знал, что сид Урд о нем невысокого мнения, но тот никак не выказал свое истинное отношение к навязанному им столицей помощнику. Так же за столом помимо хозяев и их дочерей присутствовала мать хозяйки, сида Волох. Женщина генеральским взглядом обводила присутствующих, недовольно поджимала губы, возвращалась на пару секунд к своей тарелке и затем начинала по новой. Сид каждый раз напрягался, когда смотрел на тещу, остальные же, очевидно, старались удержаться на тонкой грани: надо было суметь и не проигнорировать "бабушку", и не вовлечь ее в общую беседу.

— Как добрались? — начала светскую беседу сида. — Воистину приехать по такой погоде — добродетельный и достойный поступок!

— Мужчина должен выполнять обещания, — ответил Димитрий то, что пришло в голову первым. А внутри полыхнуло злое, темное. Появилось осознание, что свои обещания он выполнял далеко не всегда.

— *Так спаси меня! — кричит бледный юноша, хватая его за руку. Его рубашка — мокрая от пота, ко лбу прилипли темные завитушки, зрачок расширен, а руки дрожат. — Ты обещал!*

Мягкое словно воск тело. Тонкое лезвие кинжала. Кровь капает на пол, и стук густых капель ее отзывается внутри...

...
— *Спаси? — губы кривятся в усмешке. Почему-то он помнит только губы. Подкрашенные помадой и кровью. Сбоку, на щеке — ссадина. Где-то ещё есть ткань синего платья, но это там, далеко, ниже. Где покатые плечи, высокая грудь, перехваченная узорным поясом талия.*

— *Спаси? — смеются губы. — А ты умеешь?*
И смех этот отзывается внутри звенящей пустотой.
— *А ты... хочешь?*
Какой странный и страшный вопрос. Хочет ли он? Он...

— ...А вы как считаете?

Вопрос застал Димитрия врасплох. Некстати проснувшаяся память выбила из колеи, отвлекла странными мороками-воспоминаниями от разговора. Кривз посмотрел на младшую дочь сидов и ответил как можно нейтральнее:

— Думаю, в этом вопросе можно полагаться на ваше мнение.

— Вот видите? — собеседница от удовольствия хлопнула в ладоши и чуть не подпрыгнула.

— Вот что растёт нам на смену! — недовольно вставила теща начальника отдела правопорядка неизвестно зачем.

— Матушка, скажете тоже! Ох, сколько сейчас знает современная молодежь! Мы просто из другого времени! — Сидя повернулась к Димитрию, намереваясь что-то спросить, но смутилась и передумала обращаться к нему, не найдя решения, к какой категории его стоит отнести. На молодежь он уже никак не был похож, но в сравнении с сидом Урд выглядел гораздо моложе.

— Молодое поколение может быть разным. Как и старшее. Люди остаются людьми в любые века.

Димитрий сам не знал, чего хотел больше: раздуть огонь непонятного ему спора или потушить. В любом случае почтенная дама в ответ на его реплику лишь недовольно фыркнула.

— Отчего же! Если бы в мое время жених не явился на ужин к невесте, его бы на порог дома не пустили больше!

— Бабушка! — вскочила старшая девица. — Он мне ещё не жених!

— Матушка, это называется "ухажёр". И он, и мы пока присматриваемся...

— Он — дон, — задумчиво вставил сид Урд.

— Зато приближенный к вену Кос! — с улыбкой возразила сидя, однако в улыбке той прибавилось яда. Муж впечатлился, недовольно хекнул, но замолчал. — А вы знакомы с веном Кос? — обратилась женщина к Димитрию.

— С младшим. Встречались в пивной. Он весьма заинтересован, чтобы дело было раскрыто как можно скорее. Видимо, заботится о репутации отца. Полагаю, это достойный молодой человек, — безбожно соврал о своем впечатлении Кривз.

— Пропойца он! — припечатала сидя Волох. — Вот повезло наместнику-то! Дочь хвора, сын — пьяница, сам — казнокрад и взяточник!

— Мама! — воскликнули в один голос супруги. Сид Урд побагровел лицом так, что Димитрию показалось, еще немного — и он замертво упадет под стол. Его жена проявила бóльшее самообладание. И опять улыбнулась.

— Простите мою бедную матушку, она немного повредила рассудком после тяжёлой болезни, настигшей ее в позапрошлом году.

"Матушка", однако признаков сумасшествия не проявила, а лишь презрительно фыркнула. Спина у нее была идеально ровной, словно это она, а не муж, служила в армии. Морщинистое лицо выражало недовольство всем и вся. Руки нарезали мясо идеально ровными кусками и не дрожали ни на миллиметр. Столовую дама окидывала таким взором, каким генерал осматривает поле боя. И союзников, и противников женщина награждала одинаково презрительным взглядом, так что разобраться, кто где было невозможно.

Юные сиды, стремясь поддержать мать, синхронно зашипели:

— Бабушка!

— Что вы делаете!

— Как можно?

— Про наместника!

— Неприлично!

— Без доказательств!

Сида Волох пронзила обеих холодным взглядом.

— Доказательства им нужны! Где ж вы видели наместника, который не ворует?

Сид Урд посмотрел на жену с видом: "Я же говорил!" — и налил себе вина. Сида Урд обиженно поджала губы. Видимо, присутствие тещи на ужине было предметом семейного спора. Наблюдать за семейством оказалось весьма забавно, и Димитрий решил поучаствовать в разговоре.

— А у вас, значит, намечается семейное торжество?

— Ой, — беспечно засмеялась сида, кокетливо махнув рукой. — Ну какое торжество! Ещё рано говорить об этом. Но у Ладушки есть ухажёр, да. Дон Бойк. Такой серьёзный мужчина! Служит у самого вена Кос! Обходительный очень, внимательный, подарки дорогие дарит! Вот обратите внимание, шпильки у Ладушки какие красивые, в камешках все! Это он дарил. Видно, что у мужчины хороший вкус, правда?

— Бесспорно.

— А выглядят как чудесно! И таких — целая коробка! Он, конечно, из торговой семьи, а девочки всё-таки из военной, сиды, однако время на месте не стоит. Да и мы — люди прогрессивные. Вот и сиды уже не только воюют, но и возглавляют правопорядок или служат чиновниками. Век назад об этом никто и помыслить не мог.

Мог.

Димитрий знал, что могли.

А вот века два назад — нет, сочли бы изменой государю.

— Если человек достойный, высокого положения — стоит ли смотреть на приставку к фамилии? Дон наш очень даже храбр, не меньше военных, и награждён особым знаком от вена Кос. Это, знаете ли, большая редкость — особый подарок за службу от самого наместника! Если они с Ладушкой сговорятся, мы препятствовать не будем их счастью. А там, глядишь, дети в столицу переедут.

— Достойным людям — достойная дорога, — признал великолепие жениха Димитрий. — Простите, не расслышал, а в качестве кого служит наместнику столь выдающаяся личность?

Собеседница прикусила язык. Сыщику тут же захотелось по-собачьи дёрнуть носом, принюхиваясь.

Здесь явно крылась какая-то тайна.

— Работает со всякими бумагами, — уточнила сида и рассмеялась. — Знаете ли, это так скучно для женщины, что я не уточняла. А у вас есть невеста?

Вопрос был на грани бестактности. Но Димитрий решил поддержать стремление дамы сменить тему.

— Нет.

Внутри протестующие сжалось сердце.

Да?

Не то.

Что тогда?

Есть... женщина. Не невеста, но..

Есть или была?

— Неужели в столице не нашлось ни одной красавицы, которая бы вам приглянулась?

Ха, кто пойдет замуж за монстра?

Нет, не так.

Или не только это.

А вот:

Кто сможет заинтересовать монстра?

Димитрий поперхнулся, закашлял. Схватил бокал с вином, отпил сразу половину под изумленными взглядами присутствующих. Младшая сида, что-то себе напридумав, решила быть благородной спасительницей гостя и прощбетала:

— Матушка, а правда, что к вене Кос сватался кто-то из столицы?

— Ерунда, — отмахнулась от дочери хозяйка дома. — Пустые сплетни. Просто приезжал гость к вену, а старые кумушку и рады из ничего сделать новость! Если бы это была правда, ее непременно бы описали в газете! Там ищейки работают с поистине звериной хваткой! Современное общество изрядно охочет до всяких скандалов и расследований.

— У вас несколько газет, и они конкурируют, я правильно понял? — уточнил сыщик.

— Да, совершенно верно.

— И что, все правду пишут?

Сида Волох решила, что молчала слишком долго и, опережая дочь, недовольно заметила:

— Смотря какую правду! Лёгкую всякому просто написать. А вот что-то никто не пишет, как нис Бель дочерей запирает и в свет не выпускает. Или как младший вен Кос по борделям да пивным до утра шляется. Как ниса Аль жениха второго заразила тоже никто не напишет, знаете ли. Не город, а пристанище порока! Нет на вас инквизитора!

— Мама родом с севера, — устало вздохнула сида Урд. И, пожалуй, это было самое настоящее в ней за этот вечер. Однако в следующую секунду лицо ее преобразилось: усталость сменилась обходительностью и доброжелательностью, губы растянулись в улыбке.

— Ох уж эти северные сказки! Маме везде мерещатся колдуны и демоны! Но мы люди про-г-рес-сив-ные. Глупо бояться магии или парового двигателя. Это — будущее. Пожалуй, даже не по отдельности, а совокупность этих явлений. Вы не согласны?

— Бескомпромиссно согласен! — воскликнул сыщик. — В столице я состоял в одном обществе, где было принято самолично водить новые виды колясок — с безлошадным движением. Стоит отметить, что это занятие оказалось весьма увлекательным.

Димитрий лгал, но какая разница? Ему было просто необходимо увести разговор в другую сторону.

— А у вас имеются какие-нибудь общества? По интересам.

В разговор включились барышни.

— О, у нас есть "дни вышивания", когда мы собираемся вместе...

— И старшая дочь сестры налогового инспектора устроила "Тайное общество поклонения небожителям", но о нем, конечно, все знают. И затея весьма глупая, они там только сказки вроде легенд об Иояэ читают.

Иояэ... Книжка с легендами... Это было... Пряталось в чужой памяти... Давным-давно... Когда он уже был, но его ещё не было...

— А ещё есть Книжный салон, но там скучно.

— И поэтическое общество. Но туда принимают только мужчин.

— И дяденька наш говорит, что молодые люди там не столько стихи пишут, сколько тратят отцовы деньги на игры и вино.

Словесный поток просто вынес все мысли из головы Дмитрия. Однако у него хватило

сил вклиниться между репликами сестер:

— А историю кто-нибудь изучает?

Сидящие за столом задумались.

— Наверное... — неуверенно протянула старшая.

— Ну... Кто-нибудь из старик... бабушкиного поколения если только...

— А вы увлекаетесь историей? — спросила сида Урд. Ее муж вдруг внимательнее всмотрелся в гостя.

— Немного.

— В соответствии с делом? — сообразил начальник отдела правопорядка.

— И это тоже.

— Ой, как интересно! — воскликнули одновременно девицы.

У Димитрия был соблазн рассказать о трупах во всех тошнотворных подробностях, но он почти сразу передумал.

— Не стоит дамам слушать кровавые истории. А если кому хочется, лучше сходить в музей, там могут рассказать очень много о войнах разных времён. Кстати, а вы не знаете, с кем дружен хранитель музея?

— Не интересовались, — с достоинством и даже некоторой прохладой ответила сида Урд. — Очень неразговорчивый человек. И странный. Живёт не по приличиям. Служанки у него, представляете, всего две! И приходят два раза в неделю! А ещё нис, называется!

Сид молчал и внимательно рассматривал столичного гостя. Его теща вставила:

— Если вокруг человека мало людей, значит, он что-то скрывает.

— Или он просто пренебрегает своим статусом и положенными по нему обязанностями! — не согласилась с ней дочь.

— Но к нему тоже приезжают друзья из столицы, как и к вену Кос! — со значительной долей злорадства выложила свой козырь сида Волох. — Чем же он тебе не хорош?

— Маменька хотела шкатулку какой-то древней государыни у музея купить, а хранитель музея ей отказал! — наябедничала на мертвого ниса одна из барышень, за что тут же получила от матери недовольный взгляд.

— Прекрасный ужин, — откладывая приборы, сказал сид Урд. — Наш повар сегодня превзошел себя.

— Ужин поистине великолепный, — согласился Димитрий. — И в столице не в каждом доме встретишь такие умелые руки.

— Дамы, благодарю за приятный вечер. Кривз, вы курите?

— Если только за компанию.

Димитрий встал следом за хозяином дома. Они вышли на террасу. Гроза закончилась — и внутри дома, и вовне его.

— Что-то накопили? — спросил сид Урд.

— Ничего конкретного. Несколько версий. Странно, что все убитые, за исключением сына травника и неизвестного бездомного, были весьма добродетельны. Добродетельная жертва — это можно понять. Но последние трупы проводили какой-то забытый ритуал. Служанка из дома нисов Бель — чуть ли не небожительница по рассказам ее окружения. Хранитель музея — тоже. Чудаковатый старик, помешанный на своих исследованиях. Бездомных детей и животных подкармливал, каждый музейный экспонат бережно хранил и лично тряпочкой протирал, неподкупен, даже в посещении борodelей не замечен. Это странно. С чего бы таким хорошим людям братья за проведение смертельно опасного

ритуала?

— Есть идеи?

— Так, по мелочи. Хорошими людьми часто пользуются плохие. Ведь не по памяти они все это чертили, была же у кого-то схема. Была — и исчезла. Найти бы.

— Ещё?

— Проверить, настолько ли они хорошие, как о них говорят. Вообще из этой истории очень сильно выбивается смерть сына травника. Или это дело иного порядка, или надо искать другие закономерности.

— Что ж, ищите. Вам дать в помощь кого-нибудь повыше рангом?

— Нет, спасибо, — открестился Димитрий.

— Любите все контролировать самостоятельно?

— Вроде того.

— Что ж, ваше дело.

Мужчины вернулись в гостиную. Димитрий послушал пение обоих барышень, рассыпался в комплиментах. Проиграл в карты небольшую сумму, с честью выполнил фант "зарифмовать имя дамы", и, распрощавшись наконец с недружным семейством, отправился в гостинный дом.

Хозяйка уже запирала двери. Димитрий поблагодарил ее сына за работу, попросил графин воды и как бы мимиходом поинтересовался, кто поселился в дальней комнате. Тоже кто-то по службе приехал? Или в гости?

— В какой комнате? — удивилась дона.

Димитрий пояснил.

— Это тайна? — спросил он, нахмурившись. — Просто я услышал шаги и...

— Вы не могли слышать шаги, — возразила ему изумлённая женщина. — Комната закрыта. Там никто не живёт. Могу открыть вам ее, чтобы вы сами убедились в этом.

Димитрий согласился.

Спальня выглядела так же просто, как и его. Почти такая же мебель, разве что дополнительный сундук стоит у окна. Небольшое количество пыли. Яркой лужицей растекся по полу женский шарфик яркого синего цвета.

У Димитрия перехватило дыхание.

— Ой, как я сразу не заметила! — Власта подняла шарф. — Наверно забыла прошлая постоялица. Я...

— Дайте мне, — чуть ли не задыхаясь, попросил Кривз. — Это... надо для следствия.

Хозяйка дома шарф ему подала, но с такой осторожностью, словно сыщик был прокаженным. Кажется, она сочла его сумасшедшим. Что ж, это тоже с ним не в первый раз.

— Можно закрывать?

— Да, — кивнул Димитрий, выходя из комнаты. — Благодарю.

Дона долго звенела связкой, потом наконец закрыла дверь, но поцарапала палец о ключ.

— Вот демоны! Сделал же Гашка ключ, что нож острый! Малой! Принеси мазь!

Заскрипели ступени лестницы. Уже и дона, и ее сын скрылись на кухне, а Димитрий все стоял посреди коридора, пораженный пришедшей ему в голову мыслью.

Демоны!

Демоны!!!

Что, если те трое мертвецов проводили ритуал призыва демона?

Или — ритуал "выброса" оного восвосяи, раз уж они такие правильные?

Так что же — по городу гуляет сущность, способная влиять на мысли и поведение людей?

— Демон? — смеётся женщина с окровавленным лицом. — Демон! Ну, конечно, демон!

Синее платье ее — морская волна, зелёные глаза ее — колдовской туман, а черные пряди, прикрывающие нежную белую шею — ядовитые змеи. Стоит коснуться шелковых волос — и она дрогнет, отпрянет, глядя испуганно и смело одновременно — и как в нее в такую не влюбиться?

Димитрий сжал в кулаке шелковый шарфик и шагнул к своей спальне.

Ну, нет, человек тут чудит или демон — а он это дело раскроет! И демона можно посадить на цепь.

Он это... видел? Да-да. Видел. Девушка. Юная девушка на цепи. Искривлённый в злобном оскале рот, жёлтые глаза. Клокочущий смех. Девушка дёргает ногой, и тяжёлая цепь звенит...

Та девушка...

Ее звали Цветана.

---

*Инвалидные команды —

а) в истории: с 1764 по 1864 военные подразделения, состоявшие из военных инвалидов (военнослужащие, вследствие болезни или ранений не способные нести полевую службу), выполнявшие задачи по несению караул. службы и поддержанию порядка в городе и уезде.

б) в романе: группы помощи, этакое МЧС. Помогают тушить пожары, бороться с стихийными бедствиями и обеспечивать безопасность. В массе своей состоят из военнослужащих, вследствие болезни или ранений не способных нести полевую службу, на момент действия событий романа часть отряда уже набирается из горожан-добровольцев.

Глава 10. Вопросы и ответы

Утро началось с прогулки. Гулял Димитрий прицельно: мимо дома нисов Аль, потом мимо дома нисов Бель, потом там гуляли мальчишки, нанятые через Вито. Одного бродяжку даже поймал квартальный, пришлось его выручать и кормить за свой счёт. Выводы были сделаны, Димитрий купил ребятам одежду попримочнее и элементы прикрытия: кому щётку для чистки сапог, кому стопку газет, кому лоток с пирожками. После этого Вито отправился на встречу со "своими", узнать новости, а Димитрий — к доктору.

Оказалось, сид Угль отбыл по срочному вызову, зато на месте оставался Дарьян.

— А вы не знаете, чем ваш наставник лечит вену Кос? И от чего?

Молодой человек, и без того не выказавший радости от встречи с сыщиком, помрачнел ещё больше.

— Сид Угль не лечит вену. Для нее заказывали доктора из столицы. Ваш порез уже зажил?

Димитрий коснулся бока.

— Вы знаете, что это был ничего не значащий пустяк.

— Но мальчишке вы об этом не сказали.

Дарьян выпрямился. Посмотрел наконец не на свои записи, а на собеседника. Взгляд его был холодным, губы сжались в злую тонкую линию.

— Вы играете с нами, сыщик Кривз. В какую-то странную, свою игру. А я, знаете ли, с детства не люблю игры. Особенно если не знаю ставок.

— Думаю, у вас неверное представление о происходящем. Я лишь хочу открыть истину. Найти виновного и передать в соответствующие структуры. Не более.

— У вас странные методы. И вы уверены, что правильно выберете фигуру, которую надо наказать?

— Я постараюсь. А вы, раз так печетесь о справедливости, могли бы мне помочь.

Помощник доктора смотрел на сыщика выжидательно, было видно, что к словам собеседника он относится с подозрением.

— Вы — доктор. Не спорьте, звание здесь ничего не решает. Я полагаю, у вас достаточно навыков и опыта, чтобы им считаться. Вы многое ведаете. О многих. Странности, болячки, повреждения иного свойства. Вы — ключ к справедливости. И только вы можете решить, как всей этой ответственностью распорядиться.

Дарьян зло усмехнулся.

— Вы хотите выудить из меня интересную вам информацию. Не более. Думаете, сможете меня подцепить этими бреднями?

— Нет. Нет. Думаю, вы повидали слишком много, чтобы быть равнодушным к чужим бедам. Например, тот газетчик... Очевидно, бедный парень чувствовал себя ужасно. Вы же поэтому ходили к нему сегодня утром? Проведать товарища? Или нет? И вам просто было любопытно изучить странные повреждения его тела?

— Я...

— Вы его знаете. Знаете ещё с детства. Мне продолжать?

Дарьян попадаться в ловушку не желал. Скрестил руки на груди, заявил с наглым видом:

— Это маленький город. Здесь все всех знают.

— Не настолько маленький. И не так уж хорошо знают. Да и можно ли отлично знать

мальчишку, который был из вражьей стаи?

Дарьян побледнел. Димитрий наклонился к нему.

— Стая... На улице их всегда несколько. Не примкнешь к одной — сдохнешь с голоду. Вся жизнь — борьба, выгрызи самый лучший угол помойки или самый сухой угол полуразрушенного дома — и ты счастливчик. Если у врагов не найдется грязных морд в два раза больше, чтобы вас оттуда выгнать. Но это там, на улице. А если чудом вылезти из грязи, одеть сюртук, то тут другие правила. И старый враг уже становится другом и товарищем, потому что свой, потому что хлебал когда-то же дерьмо, что и ты. И тут вдруг появляется связь. И желание прикрыть. Ведь улица учит, что своих не сдают. И ты искренне советуешь: не проси свой шанс, Нежелан.

Дарьян отстранился. Резко, вбок. В результате стул накренился и упал вместе с сидящим на нем человеком. Димитрий подскочил, подхватил молодого помощника доктора под руку, помог встать. Но руку с предплечья не убрал.

— Нежелан участвовал в ритуале, так?

Дарьян смотрел на сыщика выпученными в ужасе глазами.

— Вы... чародей?

— Допустим. Бесспорно, что я вижу вас насквозь, и каждое ваше движение, каждый ваш вздох — это ответ на мой вопрос. Нежелан участвовал в ритуале?

Тишина. Тяжёлая, прерываемая громким дыханием взволнованного человека.

— Да. Вы только что сказали "да", учтите это. Вы знаете, кто ещё принимал участие в этом мероприятии? Вы зря вырывает руку, у меня крепкая хватка. Хотите, скажу ответ за вас? Не знаете точно, но догадываетесь. Это дочь ниса Бель? О, нет. Вы слишком однозначно выдохнули. Сам нис Бель? Ярость. Это интересно. Нис вам не нравится. Почему? Говорят, он очень строг с дочерьми... Вы влюблены в одну из них? Ах, нет, конечно, любовь — не ваша стезя. Вы посвящает себя целиком и полностью врачебному делу. Но кто-то ведь влюблен. Думаю, не составит труда узнать, кто.

Димитрий разорвал зрительный контакт и отпустил руку свидетеля. По крайней мере большинство встреченных ему здесь персонажей сыщик классифицировал именно так. В обвиняемые, если что, он их всегда перевести успеет.

— Благодарю за сведения. Очень любопытно все складывается, хочу я вам сказать. Убиты две юные девицы и повеса-гуляка, волочащийся за каждой второй юбкой. А какой-то молодой человек, влюбленный в нису, пытается провести ужасный ритуал, намереваясь, по всей видимости, спасти даму сердца от власти деспотичного отца. Любопытно... Я бы напросился на чашку чая, дабы обсудить варианты, но боюсь, вы не предложите мне даже плесневой корки.

— Убирайтесь! — выкрикнул Дарьян хрипло, словно его держали не за руку, а за горло. — Убирайтесь!

— Вам не нравится история, которую я поведал? — доброжелательно произнес Димитрий, но на фоне произошедшего его доброжелательность конечно выглядела издёвкой. — Вам кажется, я откуда-то узнал сокровенное? В этом есть доля правды. Но только доля. Я слышал ваш совет Нежелану — это верно. А в остальном... Разве вы — такой единственный? Подумайте: что, если я вам рассказал совсем не вашу историю, а свою?

Дарьян не ответил.

— Что ж, всего доброго. И несмотря на все произошедшее, хочу заверить, что не делаю никому зла. Если вдруг вы решите чем-то поделиться — я всегда буду рад вашему визиту. Вы

зря ищите во мне врага. Я был бы рад иметь такого помощника. Жаль, что вы ко мне настолько предвзяты.

Сыщик вышел. Нутро ликовало, ведь игра удалась и получилось подтвердить некоторые догадки. Но одновременно внутри разливался холод. Это было... грязно.

Но вырывать ногти — грязнее, верно?

Впрочем, ногти ещё впереди...

Димитрий остановил первого попавшегося извозчика и, велел ехать побыстрее, отправился к уже знакомому доходному дому.

Нежелан Летнь сидел в кровати и читал. Конечно же, газету. Когда сыщик вошёл, он даже не поднял головы. Кривз улыбнулся, отметив удивительное сходство с поведением Дарьяна.

— Зачем вы пришли?

— Не очень дружелюбно. Для начала — здравствуйте.

— Здравствуйте. Так по какой причине вы явились?

— О, я ненадолго. У меня всего пара вопросов.

Главное — подцепить нить. А дальше...

— Вы ведь знаете все сплетни города, уважаемый Коготь? Кстати, почему "Коготь"?

— Потому что царапаю. Вопросы закончены?

— Нет, что вы, — Димитрий сел на сундук. — Мне просто жутко интересно: нис Белл дружит с наместником, веном Кос?

Кажется, газетчика удалось удивить. Он оторвал взгляд от бело-серого листа, посмотрел на сыщика.

— Они не приятельствуют.

— Но почему тогда нису Белл все сходит с рук?

— А чему там сходить? Это же его дочь, а не чужая. "Дела семейные," — как выразился судья. Особые обстоятельства, будь они прокляты!

Ага! Значит, кто-то открыто пытался добиться справедливости, но не смог!

— Но разве влюбленный молодой человек не найдет способа спасти даму сердца?

Нежелан пожал плечами.

— Что есть любовь — вопрос философский. Я, например, не влюблен. Мне откуда знать?

— Но Дарьян сказал, что знаете.

Газетчик удивлённо приподнял брови. А затем рассмеялся. Смех его был каким-то... сухим, скупым и перемежался болезненным кашлем.

— А ведь вы меня провели! Вы не знаете имя влюбленного, так? О, сколько кумушки настроили догадок в свое время! Никто никогда не знает, что произошло, как произошло, но все норовят рассказать "ту самую правду"! Занятное дело! Смею заверить... — Пауза. Нежелан поднял руку, пошевелил пальцами, словно пытался нащупать правильное слово. — Заверить... Что я тоже не знаю!

Нарочито невинная улыбка на бледном лице.

Это была явная издёвка.

— Знаете! — воскликнул Димитрий и попытался поймать взгляд Нежелана, но тот опять уткнулся в газету. Сыщик встал. Заходил по комнате.

— Вы понимаете, что вредите следствию?

— Какое дело следствию до парочки глупых влюбленных?

— Такое, что влюбленный участвовал в ритуале призыва демона!

Победа!

Руки, держащие газету, дрогнули.

Закрепить успех, скорее!

— И в результате погибли три ни в чем неповинных, — враньё, но пусть будут невинными для бóльшего драматизма, — человека! Трое из пяти — это много!

Да! Да! Побелевшие пальцы, сжатые губы... Верно! Поймать бы взгляд, подцепить бы ниточку злости или обиды...

— Вы не боитесь ответственности за сокрытие данных о преступлении?

Проигрыш. Нежелан весь подобрался, успокоился. Видно, что угрожают ему не в первый раз.

— Докажите сначала, что я что-то знаю.

— У меня записка. От неизвестного хранителю музея.

— Вряд ли там что-то сказано обо мне.

— Но с ней найти юношу, влюбленного в нису Бель, будет не так сложно.

Нежелан зашуршал газетой, переворачивая лист. На Дмитрия при разговоре он больше не смотрел.

— Так ищите. Кажется, это ваша работа. Или я ошибаюсь?

— Выполнять работу гораздо легче, если никто не пытается скрыть важную информацию.

— Вы роете не в том направлении.

— Откуда такая уверенность?

— Ну это же не ритуал жертвоприношения. А то, что случилось до этого, больше было похоже именно на жертвенные ритуалы. Здесь же умерли сами участники.

Дмитрий сел на кровать, вынуждая молодого человека отпрянуть и поднять глаза.

— Вы знаете. Вы были там. Более того, вы смогли уйти, добраться до дома хранителя музея и там перевязать раны. Остались следы вашего пребывания. Довольно яркие. Так что я точно знаю, что вы там были.

Ниточка вины. И боли. Да, был.

— Расскажите, что знаете. Мне нужна информация, и только. Могу обещать, на вас это никак не скажется.

Ниточка злости. Не верит. Тянуть или нет?

— Мне просто нужно понять, что произошло. И найти виновного.

Не решил еще. А злость сама раскручивается, тянется-тянется-тянется. Набухает словно почки весной.

— Я же сказал, вы не там ищите! Ритуал — другая причина, другое следствие. Он был первым, который...

Осознание.

Скулу обожгло болью, Дмитрий покачнулся от удара, но не упал — газетчик был ещё слаб и бил хоть и со всей злости, но с малой силой.

— Не смейте! Не смейте использовать эти ваши штуки!

Сыщик задумчиво потрогал лицо.

— Нападение на представителя органа правопорядка. Раз.

— Докажите! Я скажу, вы таким сюда пришли! И любой врач подтвердит, что я не в состоянии драться!

— Соккрытие важной для следствия информации. Два.

Глумливая улыбка.

— Что-то не похоже, что вы — лучший магический сыщик! Кажется, вы настолько не знаете, что делать, что скорее берётесь за семейные дрызги, чем за настоящее расследование!

— Я исследую тайны. Только когда тайна открыта, можно понять, имеет она отношение к делу или нет. И мне очень мешают люди, скрывающие нужную информацию или предоставляющие неверные сведения. И их за это можно наказывать. И заставить отвечать на вопросы. Это три и четыре.

Димитрий посмотрел на тонкие пальцы собеседника. Газетчик побледнел, словно угадал его мысли. Побледнел — но не более того.

— Если вы... что-то мне сделаете... Вы ответите за это...

— То есть вы хотите, чтобы я нес ответственность за свои действия? А вы? Вы за свои ее понесете?

— Я вам все сказал, — упрямо заявил Нежелан. На лбу у него выступили бисеринки пота. Интересно, а второй выживший также плохо себя чувствует? Стоит присмотреться к тем молодым людям, которые какое-то время не выходят в свет. Следствию очень нужна информация о ритуале. А дать ее могут только пережившие его. Или тот, кто донес эту информацию до старика и мальчишки, но если такой кукловод действительно существует, до него добраться все равно будет гораздо сложнее.

— Тебе всегда кажется, что за плохими поступками стоит чья-то злая тень, что они должны быть вызваны чужим присутствием. — Марина по-матерински улыбается подкрашенными темной помадой губами. — Ты ошибаешься. Мершишь собой. Нет. Люди — просто люди. И за ними нет никаких хозяев судеб. Отец всего живого не будет неволить своих детей. Каждый сам избирает свой путь и несёт свою ношу.

— Но нити...

— Все эти "нити" — нечто временное. Появляются и исчезают. Ты можешь дёрнуть за них в какой-то момент. Но не более.

Глаза у нее — бездонные озера, но он никогда не скажет ей такой избитый комплимент. А темные губы очень хочется поцеловать.

Но он помнит, как эти губы сплевывали кровь. Это было до? После? Какому богу молиться, чтобы — "до"?

Дело. Надо думать о деле.

Ритуал призыва. Предположительно призывали демона. Случайность или нет? Не может быть, чтобы в провинциальном городке, расположенном невесть где, приблизительно в одно время разные люди вдруг решили использовать ритуалистику для решения своих проблем. Тем более ритуалы эти давно забыты и добыть по ним информацию очень сложно, а научиться ей пользоваться еще сложнее.

Не обошлось без помощи?

Нежелан поерзал на кровати, чуть сдвигаясь в сторону. Его рука едва заметно скользнула под одеяло. Димитрий среагировал мгновенно. Толкнул в грудь, опрокидывая противника на подушки, поймал руку с ножом и сжал тонкую кисть так, что сталь выпала из ослабевших пальцев. Не давая газетчику встать, схватил его за горло. Летнь вопреки инстинкту самосохранения попытался свободной левой рукой достать до глаз Димитрия. Не

достал и в результате впился ногтями в ухо. Сыщик почувствовал, как по шее потекла теплая капля.

На несколько мгновений они замерли, вглядываясь в друг друга, затем одновременно разжали руки, словно по команде.

— Я не желаю вреда, — заверил Кривз неговорчивого свидетеля. Стёр ладонью капельки крови с шеи, поморщился. — А вы сразу в драку.

— Вы спровоцировали, — Нежелан не собирался ни раскаиваться, ни менять стиль поведения. Теперь ладонь скользнула под подушку и там замерла. Дмитрию даже стало интересно, что там спрятано: пистолет? Иголка с ядом? Кажется, работа в газете — не самая безопасная профессия. — Я сказал, что не хочу играть в ваши игры. Вам нужна информация? Сходите к нису Бель и спросите у него сами. Все, что касается его дочерей. Зачем собирать отрывку молвы? Вы сыщик или сплетник? Или ваших полномочий не хватает даже на это?

— Хороший совет, — согласился Кривз. — Нис с удовольствием расскажет про человека, который докучает его дочери. Тем более, если я упомяну, что собираюсь этого юношу арестовать. Спасибо, идея и вправду умна!

Взгляд Нежелана изменился. Злость сменилась на испуганное понимание. Дмитрий неторопливым шагом направился к двери. Замер на пороге.

— Вы больше не хотите ничего мне сказать?

— Нет! — прохрипел газетчик, потирая горло.

Дверь открылась сама. В комнату влетел Дарьян — красный, взволнованный, запыхавшийся. Замер по центру, оглядывая то одного, то другого мужчину. Затем молча кинулся к Нежелану, оторвал его пальцы от шеи, взял за подбородок, приподнял голову. Прошипел что-то ругательное. Полез в сумку за лекарством.

— Катись отсюда! — хрипло выплюнул Летнь.

— Вот долечу одного идиота и покачусь! — заверил помощник доктора.

В комнате назревала перепалка. Но это была другая история, Дмитрия она не касалась, и он вышел. Нет, он, конечно, подставил Дарьяна, соврав, что тот рассказал кое-что про Нежелана, но теперь-то Летнь точно должен увериться, что это была ложь. Разберутся. Не маленькие. И это не драка на улице стоя на стаю.

Извозчик, которому было приказано ждать, действительно ждал. Дмитрий назвал адрес и уже открыл дверцу повозки, когда раздалось:

— О! Кривз! Добрый... иик... день!

Сыщик обернулся.

— Здравствуйте, вен Кос.

Из остановившейся рядом коляски, покачиваясь, вылез сын наместника. Бледный, растрёпанный, окружённый винными парами. Он пригладил дрожащей пятерней волосы и улыбнулся. Улыбка была странной: сначала она показалась Дмитрию жалкой, но быстро трансформировалась в наглую.

Вен шагнул вперёд, споткнулся, выругался, кое-как устоял на ногах и победно огляделся. Затем схватил сыщика за руку и нервно ее потряс.

— Ох, Кривз! Вот так история! Как ваше расследование? Горе-то какое! Хранитель был древний старик, он мало с кем общался кроме своих книжек, но о нем многие наслышаны. Когда-то гордость государевой академии! В молодости это имя гремело на весь Континент! А папенька как беспокоится, представляете! Ночей не спит! И сестра не спит! Болеет! И батенька волнуется!

На Димитрия посмотрели со значением.

— В его городе — и такое! Такие люди погибают! У вас, конечно же, уже есть версии?

— Может быть, — ответил Димитрий, осторожно высвобождая свою ладонь.

— А вы скрытный! — рассмеялся вен и погрозил пальчиком. — Бойтесь спугнуть? Это хорошо! Это ответственный подход! Но надо поторопиться! Непременно надо найти виноватого!

Кривз улыбнулся.

— Действительно. Найти надо. Но, простите, уточню: виноватого или виновного?

Вен нахмурился, пытаясь осмыслить фразу. Осмысление давалось ему с трудом, особенно, когда его опять начало покачивать.

— Эм... Того, который с вином. То есть, с виной! Хотя вино нам не помешало бы! — Вен Кос огляделся, словно рассчитывал, что перед ним сию минуту появится разносчик с кувшином спиртного. — Вы обедать? Могу показать замечательное местечко!

— Благодарю за столь лестное предложение. Мне очень неловко отказывать, но вынужден мчаться по делам.

Молодой человек выпучил глаза, прижал палец ко рту и кивнул.

— Конечно! Конечно! Я — рыба! А куда вы едете? Может, вас подвезти?

— Нет, благодарю.

— Но дело движется?

— Бесспорно.

— И скоро вы предъявите нам подозреваемого?

— Вероятно.

— Прекрасно! Прекрасно! — вен захлопал в ладоши, словно маленький ребенок. — Скорее бы! — выдохнул он устало и поспешил вернуться в коляску.

Димитрий, обрадованный тем, что к нему потеряли интерес, тоже шагнул к извозчику.

И услышал выстрел.

Глава 11. Чужие тайны

Взлететь на нужный этаж в нужную квартиру — дело вроде бы быстрое, но, когда ты чувствуешь нити чужого бессилия и вины, кажется, что каждая ступенька отнимает у тебя целую вечность.

Толкнуть знакомую дверь, ворваться в комнату, тысячу раз убить себя мысленно за неоправданную клевету — и застать Дарьяна, смывающего кровь с ладоней. В тазу — порозовевшая вода, сюртук воспитанника доктора — на полу, на белой рубашке в районе предплечья — алое пятно.

Взгляд, полный ненависти.

— Зачем вы пришли? Хотите добавить очередную клевету?

Да, Димитрий солгал. Эта ложь должна была вывести свидетеля из равновесия, но провернуть этот трюк с Нежеланом оказалось не так легко. Дарьян более доверчив, более внушаем, газетчик — принимает к сведению, но делает по-своему, его сложнее загнать в угол.

Вроде оба с улицы, а всё-таки очень разные.

И бывшие враги, что Димитрий не учитывал. Просчитался. Так же как с оружием под подушкой: не яд и не нож — пистолет. Ошибка. Очень серьезная ошибка, заведи тебя демоны, безмозглый ищейка!

— Проваливайте!

Димитрий посмотрел на пышущего яростью Нежелана и облегченно выдохнул.

— Летнь, я ввел вас в заблуждение. Ученик сида Угль мне ничего о вас не говорил, я всего лишь хотел добиться от вас искренности, упомянув этот ложный факт.

— Спасибо за информацию. Приму к сведению. А теперь уходите! И учтите, сыщик Кривз, я буду писать на вас жалобу!

Хотелось сказать насмешливое: "Дрожу от страха!". Но вымолвил он:

— Ваше право.

Дарьян закатал рукав и принялся обрабатывать рану. Димитрий бросил быстрый взгляд в его сторону и облегченно выдохнул: царапина. Да, крови натекло, но это мелочи, ведь серьезно ничего не задето. Сыщик повернулся к Дарьяну, кивнул.

— Должен так же извиниться перед вами за то, что напал на вас в кабинете доктора.

— Идите вы со своими извинениями... Отцу в уши.

Нежелан хрипло, болезненно рассмеялся.

— О, сыщик, который работает так грубо, немногого добьется!

Дураки. Что за идиотское противостояние? Ему всего лишь нужна совершенно пустяковая информация, а они хранят сплетни, как государственную тайну!

— Вы чужой здесь, Кривз. Не забывайте об этом.

Дарьян пытался перевязать сам себя, ухватив один край повязки зубами. Ни сыщик, ни газетчик помощь не предложили.

Чужой... А он всегда и везде чужой. Такого второго на всем Континенте не найдешь.

Да? Кто же он тогда? Откуда? Не зря же он знает вещи, которых в этом мире быть не может?

"В этом"? Значит, есть другие?

Голова шла кругом от вопросов. Скомкано попрощавшись, Димитрий вышел из

комнаты. У входа в дом уже голосила пышнотелая хозяйка, что-то объясняющая двум людям в форме. Один был уже знакомый сыщику квартальный, другого он не вспомнил. Пришлось придумывать объяснения, успокаивать всех троих и отсылать обратно за неимением состава преступления. За спинами подчинённых сида Урд маячил бледный Вито. Едва те отошли, Димитрий спросил:

— Ну как?

Вито побледнел ещё больше.

— Я порасспрашивал, как вы наказывали, про тех, кого не будут искать. Нищих, бездомных, одиноких. Трое. Сид Кривз, три трупа. Один — девчонка на пустыре. У нее было перерезано горло. Да, были какие-то символы из веток деревьев разложены вокруг, но на них ребята не сильно обратили внимание. Она за день до этого у дочки сида Урд, гуляющей по рынку, браслет стащила. Стая подумала, за то ее и порешили. Второй и третий труп — Чернявка и ее подружка. Девки из Черного квартала — того, где фабрики стоят. Из них спустили кровь, точь-в-точь как в нашем третьем трупе. Но никто не искал их, одна сирота, у другой мать немощная. Скончалась на днях.

Две сразу? Значит, убийца либо действует не один, либо покупает сонный порошок в аптеке.

— Едем! — вскричал Димитрий и чуть ли не бегом отправился к коляске. — Едем немедленно! Покажи мне места. Тела закопали?

— Нашу закопала стая, а девчонок в речку выкинули.

— Жаль. Ну, ладно. Эй, извозчик, гони быстрее!

И они погнались. На самом деле торопиться не было причины — следы давно затоптаны, тела убраны, но внутри Димитрия грызло что-то невидимое, резало острыми ножами, переворачивало внутренности. Было беспокойно, напала суетливость. И вроде никого уже не спасти, но...

Хотя, почему не спасти? Будут ещё убийства. Ритуалы разные, только предпоследний, со сцеженной кровью повторялся. Причина? Научный интерес? Кому-то попала книга о магии, и он решил попробовать все подряд? Тогда почему один раз он повторился? Попытка мести? Кому? Нис Бель тут никаким боком. Вену Кос? Хотят сместить? Или это месть за что-то? Если брать за отправную точку влюбленного юношу — хочет отомстить вену за то, что не помог добиться правосудия? Ритуал призыва демона в эту схему укладывается. Но все равно сомнительно. Вен Кос младший? Подозрительный, очень делом интересуется и просто обязан иметь конфликт с отцом из-за своего образа жизни. Политический заказ? О, опорочить чьей-либо имя можно гораздо менее кровавыми и более действенными методами. Тем более наместник в приграничной провинции — кому он нужен? Это не борьба за придворные чины, к государю ближе не станешь, денег побольше не заработаешь. Маньяк? Кроме случая с ритуалом, где погибли трое человек, и убитым предположительно зверем мужчиной, все остальные были незамужние девушки.

Вито тоже суетился. Приехали к Худому кварталу, прошли к пустырю. Мальчишка бегал, скрываясь в высокой траве почти с головой. Что-то искал, впрочем, как и Димитрий, но ничего они не нашли. Даже место, где лежал труп, определили очень приблизительно — за прошедшие недели там, где было натоптано, трава поднялась. Обратили молча, Вито неторопливо пинал камешки, засунув руки в карманы.

— Ты найдешь. У тебя нюх. — сообщил женский голос. Это когда-то было, в прошлом.

Гомон... пивной? Разговоры за соседним столом. И рядом — женщина, которая уверяет его, что все нормально. — Ты всегда находишь, нутром чувствуешь. Просто иногда отвлекаешься на мелкие случаи. Ведь тебя ведут эмоции, чувства, тайны, а убийца далеко не всегда эмоционален или таинственен. Ты найдешь.

— Я найду, — сказал Димитрий понурившемуся Вито. — Я всегда нахожу.

Паренёк кивнул.

Съездили на фабрику, но там ничего узнать не удалось. Да, эти две работали. Не пришли на смену. А зачем искать, их таких знаете сколько? Работу не каждый выдержит. То какая шалава на улицу пойдет, передком приторговывать, то замуж выскочит, не предупредив, то якобы заболит — а почто им на работе нужны ленивицы да вруньи? Пришли работать — пусть работают! А не хотят — пошли вон, других возьмём! Этих баб фабричных, вон, как муравьев в лесу! Без рабочих рук фабрика не останется!

Вито сжимал кулаки, однако, повинаясь взгляду начальства, молчал. Выйдя на улицу, Димитрий похвалил мальчишку за сдержанность, но тот лишь озабоченно нахмурился в ответ. Сходили по соседям, узнали только, что у сироты вроде как был ухажёр, да приличный, целый кулёк конфет ей притащил! Ухажёра никто не видел, зато молва о конфетах разносилась по всему кварталу.

"В этом городе слишком много мужчин, которых никто не видел," — отметил Димитрий, и они отправились к дому ниса Бель. Пока ехали, Димитрий заметил Дарьяна мелькнувшего опять где-то в неблагополучных районах города со своим медицинским саквояжем.

Нис принял сыщика почти сразу. Выглядел он таким же строгим, собранным и аккуратным, как и в прошлый раз. Ни капли волнения.

— Вы нашли убийц?

Нутро у него было холодным и твердым, как будто сделанным из камня. Или изо льда.

— Есть подозреваемые. Однако, необходимо найти мотив.

Уверенность. Этот холод давала уверенность в своей правоте. Чтобы он не делал — он считал это верным и был абсолютно спокоен.

Впрочем, когда-то Димитрия пытались утопить с точно такой же уверенностью в своей правоте.

Память подкинула каверзу, сбивая с рабочего лада, и притихла, не собираясь давать объяснений.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов. И мне очень важно получить честные ответы.

— Задавайте.

Сказано безразлично. Холод... Что там, за ним? Что его питает? Целый ком спутанных нитей. Переплелись так, что вросли друг в друга. Долг. О, нис из тех людей, которые со выбранного пути не сворачивают. И угрызениями совести не болеют. Решил — сделал. Ведь все, что решил — на благо.

— У вас две дочери, верно?

— Верно.

Подозрительность. Логично, каким боком к убийствам могут быть причастны девочки? Вот к...

К чему? В чём ты, нис, обвиняешь своих детей?

— Старшую уже пора выдавать замуж, говорят.

— Это семейное дело. Вам что до него?

Злость есть. И обида. Старая-старая, но всё ещё остро режущая душу. Она срослась почему-то с долгом. Ты прячешь ее от самого себя, ты прикрываешь свою... месть?.. мифическим "так надо" и "во благо". Что там ещё внутри, покажи! Эту мешанину самостоятельно сложно разобрать на части.

— Да, конечно, семейное. Судья так и сказал влюблённому парню.

Ни один мускул на лице ниса не дрогнул.

— Вы все сплетни в городе собираете или лично я вам приглянулся?

— Это неправда?

— Смотря что "это".

Брезгливость. Да, что-то вроде нее. Как будто нису не хочется мараться, но он знает, что на нём есть пятно. И отчаянно это пятно пытается смыть, закрасить, задрапировать.

Тайна... Да, пахнет тайной. Она спрятана в самом сердце грязного клубка эмоций и желаний. Это нечто... нить стыда!... Это нечто постыдное, обидное, трактуемое как предательство. От любви — один узелок, а дальше нить растворилась в других, исчезла.

Брезгливость, грязь, предательство, несостоявшаяся любовь, стыд, тайна.

Придется рисковать.

— Неправда, что вы наказываете детей за грехи матери?

Изумление. Лицо холодное, но вот внутри четко видны его контуры. Димитрий смешал известный всем факт с тем, что никому не известно. То, что отец ограничивает дочерей во всем, город знает. Значит, тайна — измена их матери?

Надо бы развить успех, пока нис дезориентирован.

— Ваше отношение так красноречиво, что впору задуматься, а ваши ли это дети.

— Да как вы смеете! Это моя дочь!

Моя. Одна. Какая?

— В таком случае почему вы не хотите отпустить старшую от себя? Выдать замуж?

Непоколебимость.

— Она останется здесь! Ей нужно хорошее воспитание! Слабая женщина без твердой мужской руки не обойдется!

Вот та самая уверенность. Фанатичная какая-то. Димитрию от такой всегда становилось тошно.

— Верное средство — розги!

Нис Бель опомнился.

— Не ваше дело, как я воспитываю дочерей! В этом нет ничего противозаконного!

— К сожалению, вы почти правы. Почти. Если это не доведение до самоубийства. И не убийство. Иначе вами заинтересуется наш отдел. Вы ведь знаете, если отец забудет ребенка до полусмерти или доведет до петли, детей могут забрать. А младшей вы уже нашли достойную партию?

— Это вас не касается! — заявил нис, но всё-таки добавил: — На следующий год мы поедem в столицу.

— Похвально. А старшую закуете в кандалы и посадите в сундук, чтоб без присмотра не осталась?

О, а вот и ярость. И презрение. Всё-таки не так уж вы холодны, нис Бель!

— Не смейте порочить наше доброе имя! Ваши инсинуации оскорбительны!

— Ну, дуэли уже запрещены. Можете обвинить меня в клевете или ещё чем-нибудь. Будет презанятный процесс.

— Мне нет до вас никакого дела, — с чувством собственного достоинства сказал нис. — Если вы закончили выznавать сплетни, прошу покинуть мой кабинет.

— Нет. Я пришел совсем за другим. Мне нужно имя юноши, который сватался к вашей старшей дочери.

Опять презрение. И злость. Юноша посмел дать девчонке надежду. Наверно, она даже влюбилась в ответ. Как деспоту-отцу на такое не злиться?

Может ли именно он быть маньяком? Ратует за чистоту, невинность, строгие нормы морали, не выпускает из дома дочерей. Жертвы в основном — незамужние девушки. Если исключить ритуал призыва и убитого зверем мужчину — получится картина?

Что-то не так. Все время два случая выбиваются из общего ряда.

— Мне глубоко безразлична судьба этого человека, но хотелось бы знать, зачем вам это.

— Он — один из предполагаемых подозреваемых.

Удовлетворение. Оно заполнило мужчину до краев. Чувство торжества справедливости. Мелкий выскочка, пытавшийся совратить его подопечную, будет наказан. Ненстоящую дочь он накажет сам.

Димитрий порадовался, что сидел на стуле, а не стоял. От такого резкого изменения эмоций мог бы и покачнуться.

Дёрнуть? За грязную смесь сросшихся нитей? Если бы сид разъярился и забил бы дочь до сильных повреждений — можно было бы передать ее под опеку другого человека. Но вряд ли это та цена свободы, которую девочка готова платить. Да и свободы ли? Кому передадут ее — большой вопрос. Не станет ли хуже?

— Конечно. Мне не сложно назвать имя. Более того, я с чистым сердцем могу свидетельствовать, что этот человек неоднократно пытался вызвать меня на дуэль вопреки Живому закону. Клеветал на мою семью, обратившись напрямую к судьям с абсурдным требованием забрать у меня детей. Пытался обесчестить мою дочь, склоняя ее ко греховным поступкам пустословными вульгарными стишками. Это сын нисы Аль. Славен нис Аль.

В какой-то мере ожидаемо. Убитая Арджа — подруга его сестры. Он нигде не появлялся последнее время. Его не захотел выдавать Нежелан, а что может растопить сердце уличного ребенка, как не настоящая любовь? В которую дети стаи так отчаянно не верят лишь потому, что бояться, что им ее никогда не достанется. Как не досталось любви материнской. Красивая история разлученных влюбленных, козни отца-деспота — история для хорошей статьи, а то и для романа. Но пока у этой сказки нет конца, ни счастливого, ни печального.

— Благодарю. — Димитрий встал. — Разрешите откланяться.

— Удачного завершения дела, — почти улыбнулся мужчина-холод, забывший начало разговора и весьма удовлетворенный его окончанием. Кривз покинул кабинет.

Письмо к хранителю музея. Если вспомнить количество клякс, закрывающих буквы — получится шесть. Нис Аль.

Димитрий шел неторопливо. В какой-то момент ему почудилось чужое присутствие около кабинета, но он никого не встретил и с жалобами к нему никто не бросился. Только в холле он заметил, как мелькнул за окном силуэт мужчины с медицинским саквояжем.

Вылететь за порог — пара секунд. Метнуться в нужную сторону — ещё три. Сид, торопливо поворачивающийся за угол дома, вскрикнул, когда его схватили за локоть.

— Добрый день! Вы заходите или уходите?

— Ух-хожу.

— Тогда я вас провожу.

— Мн-не в другую ст-торону.

— А мне в ту же, что и вам. Что же вы так заикаетесь, любезный? Кто-то рассказал по секрету о широте моих полномочий? Но я даже не достал нож или иголки.

Доктор побледнел. Димитрий вывел его на улицу, потом они немного прогулялись практически под руку, завернули на соседнюю улочку, потом зашлив темный переулок с тупиком.

— Я...

Кривз не дал мужчине договорить. Схватил за горло, прижал к ближайшей стене.

— Зачем вы ходите к нису Бель?

— Его д-дочери б-больны...

Димитрий почувствовал ярость. Свою собственную. Она растекалась по жилам огненной лавой.

— Я знаю, что это за болезнь. И вы расскажете мне о ней подробнее. До последнего синяка.

Сид Угль взглянул в глаза Димитрия — и затрясся. Но он рассказал про сестер нис Бель все, что знал, хоть и стал заикаться ещё больше. Про вену Кос, увы, доктор ничего сказать не мог — ей правда вызывали врача из столицы. Но он предполагал, что вена, в отличии от девушек Бель, действительно больна.

Димитрий отпустил трясущегося сида, тот попятился, шепча:

— Я буду молчать. Обо всем. Буду молчать. Буду... — и повторял это, словно заклинание, пока не скрылся, пятясь, с глаз.

Димитрий всмотрелся в яркое небо. Ни-че-го. "Учить" детей розгами — это, конечно, не то, что одобряется обществом, но, как верно заметил судья, подобное считается делом "семейным". Тем более, нис наказывает старшую дочь не сам, а поручает служанке. Влюбиться в девушку, которую считаешь чистой и непорочной, жениться на ней — и узнать, что та, которую ты почитал небожительницей, беременна — это серьезное испытание для влюбленного сердца. Нис Бель это испытание не прошел. Счёл жену развратной, ужасной женщиной, но секрет ее скрыл и доктора запугал, чтобы тот никому ничего не говорил. Так родился миф о недоношенности и болезненности старшей нисы. Через какое-то время родилась вторая, "настоящая" дочь. Жена же, не выдержав холодности и пренебрежения со стороны мужа, умерла, оставив двух детей на его попечение. Доктор считал, возможно, она сама отравилась, а может, просто зачахла, запертая в четырех стенах дома. Никто этот вопрос особо не исследовал: ниса считалась болезненной, обессиленной после первых родов, никуда не выходила, к ней постоянно вызывали доктора, так что ее смерть всеми воспринималась, как нечто естественное, логичное. Доктор честно отмечал, что женщина действительно выглядела с каждым посещением все хуже.

Девочки, оставшись без матери, воспитывались в строгости. Старшая, конечно, в бóльшей степени, чем младшая. В какой-то момент, будучи ребенком лет десяти, она столкнулась с сыном то ли кухарки, то ли горничной, то ли занесшего товар молочника. Нису доложили про нарушение правила "не общаться с мужчинами" и тот решил, что слов для обучения такой невоспитанной девочки мало. Так доктора в первый раз вызвали осмотреть потерявшую сознание маленькую нису. Сид Угль посчитал, что та упала в обморок скорее от потрясения или страха, чем от розог, о чем и сообщил казалось

обеспокоенному отцу. Тот принял информацию к сведению. И, решив, что обморок — притворство, окончательно уверился, что телесные наказания необходимы для воспитания плода разврата.

Привлечь не за что. Можно приукрасить историю, выставить на всеобщее обозрение с помощью той же газеты, но нис Бель — кремень. Ему общественное мнение не помеха. Просто продолжит гнуть свою линию. К тому же, если выяснится причина, девчонку замуж никто не возьмёт, да и младшая сестра косвенно будет опозорена.

— Сид?

Вито упорно продолжал звать сыщика сидом. Правда, только когда забывался. Димитрий перевел взгляд с неба на мальчишку. Тот испуганно вздрогнул. Кривз прикрыл глаза, пытаясь упорядочить мысли и скрыть бушующую внутри злость.

Тишина была наполнена отдаленными звуками улицы. Вито как-то отчаянно спросил:

— Э... А что вы тут делаете? Я видел, как отсюда выбежал доктор. Он был похож на сумасшедшего.

— Мы все тут так или иначе сошли с ума, — раздаётся в темноте спокойный женский голос с нотками фатализма. Задорный мужской тут же подхватывает, переводя все в песню-шутку:

— Мы все тут так или иначе сошли с ума.

Мы все — немного смертники. Немного тьма.

Немного света нам отмеряли. Мне смерть — кума,

Мы все чуть-чуть по-разному сошли с ума.

Кто-то засмеялся. Кто-то выругался. Тихий девичий всхлип.

Димитрий посмотрел на паренька.

— Думаю. Стою вот и размышляю. Над брэнностью бытия.

Вито хлопал глазами и молчал.

— Пошли. Будем арест организовывать.

— Арест??? Кого??? Как??? Это он убил всех???

— Вот это нам и надо выяснить.

Вито ужом вился вокруг, позабыв и о субординации, и о страхе. Страх был, точно, ещё минуту назад, Димитрий чувствовал. Теперь — только азарт и любопытство.

— А кого мы будем арестовывать? А кандалы нужны? А это большая шишка? А он признается? А как вы его вычислили? А он настоящий?

Последний вопрос умилял.

— Во-первых, он пока всего лишь подозреваемый. Во-вторых, умей смотреть на шаг вперёд. Это игра, Вито. И проигрывает тот, кто плохо просчитал ход и поверил в чужой блеф.

На какое-то мгновение помощник замолчал, пытаясь понять сказанное. Но, видимо, не смог.

— Вы как будто на другом языке говорите. Мы куда? В службу?

— Да, возьмём ещё пару человек.

— Кого арестовать-то надобно?

— Наша цель — Славен нис Аль.

От удивления Вито раскрыл рот. Потом закрыл и не проронил ни слова до самой

службы.

Глава 12. Допрос

Арест прошел удивительно мирно. Радомила нис Аль задавала только умные, нужные вопросы, сразу отправила письмо адвокату. Юная ниса, сестра подозреваемого, от души разревелась, но где-то в соседней комнате, не мешая процессу ареста. Ее в свете открывшихся обстоятельств Дмитрий хотел бы опросить поподробнее, но решил это сделать чуть позже, разобравшись сперва с братом. Слуги были отосланы прочь, кроме двух, очевидно самых доверенных. Славен нис Аль, бледный, но упрямо сжавший губы, сидел в кресле посреди гостиной и пытался имитировать хладнокровие. Его слуга суетливо бегал туда-сюда, позабыв, где сюртук хозяина, где его сапоги, где перчатки.

— Рубашку бы поменять, — заикнулся он молодому господину, но тот посмотрел на свое тело и отрицательно мотнул головой.

— Поменяйте. — Посоветовал сыщик. — Я все равно знаю, что у вас там. Видел у Нежелана.

Юноша вздрогнул, принимая ложь за чистую монету. Ниса Радомила, понимающая больше сына, хотела было что-то сказать, но потом сообразила, что ее ребенка все равно забирают в такие места, где если захотят — разденут. Женщина лично принесла новую рубашку и помогла Славену одеться. Делала она это нарочито неторопливо, Дмитрий успел насмотреться.

Мужское тело все превратилось в синяк. Грудь была перебинтована. На плечах раны — как будто подрал когтями дикий зверь. Юноша старался не показывать виду, но двигался все равно с осторожностью. Дмитрию стало не по себе, когда он подумал, что могло нанести такие повреждения.

— Книга. С описанием ритуала. Где она?

Славен кивнул куда-то вправо. Видимо, в той стороне находился его кабинет. Или спальня. Или библиотека.

— Никакой книги не было. Только листы с чертежами.

— И где они?

— Второй ящик стола.

Вито, повинувшись взгляду, вышел из гостиной.

Про Вито стоило подумать отдельно, но потом. Парень почему-то стал вздрагивать под взглядом сыщика. Странная реакция. Увидел наконец, что он за человек, после встречи с доктором?

Как будто при такой работе можно действовать по-другому.

— *Можно. Но тебя учили мучить, а не лечить. Вызывать, вытаскивать изнутри самое плохое, а не самое хорошее.*

— *Это моя суть.*

— *Твоя — значит, ты можешь её поменять...*

Чем больше было воспоминаний, тем больше они ему не нравились. Вместо четкой картины прошлого — неясные обрывки. Это изрядно раздражало.

— Откуда взялись листы? — спросил Дмитрий строго.

Юный нис не стал отпираться.

— Лежали в книге. Ее я брал в библиотеке. Хотел вернуть, но встретил хранителя музея и поинтересовался, знает ли он что-нибудь об этом.

— Почему заинтересовались рисунком?

— На нем было написано: "Избавление".

Радомила положила руку сыну на плечо, предупреждая произнесла:

— Славен...

— Не надо, — перебил сын. — Уже без разницы, молчать или говорить. Он победил.

— Кто "он"? — спросил Кривз, хотя, кажется, знал ответ.

— Бросьте. — Юноша прищурился. — Не надо притворяться. Я знаю, что вы ко мне приехали от ниса Бель. Но вы ему передайте, что от Ильяны я не откажусь. Никогда. И возьму с него плату за каждую ее слезинку, за каждый синяк. Если у него нет сердца, если он пренебрегает своим долгом, это не значит, что так поступают другие. Так что победа ваша — временная. И даже если я умру, я каждому близкому другу и родственнику перед своей смертью завещаю избавить Ильяну от власти этого зверя.

Как Димитрий не прислушивался самыми разными способами, а уловить фальшь не смог. Была обида. Немного детская, от бессилия. Сожаление о несбывшемся. Жажда крови. Вот оно! Юноша уверен, что смог бы убить ниса, если бы тот принял вызов на дуэль. А если потянуть? Просто так — смог бы?

Димитрий, сидящий напротив юноши на стуле, наклонился вперед, ловя его взгляд, приглушённо и быстро заговорил:

— Вы вызывали на дуэль. Он смеялся, угрожал, отказался. Трус. Мелкая душонка. Воюет с женщинами чужими руками, а что он может своими собственными? Без помощи, без прикрытия? Способен ли он сразиться с женщиной? Нет, он испугался. Не закона. Мести. Направленного на него дула. Он не достоин благородного титула, в нем нет ни долга, ни смелости, ни чести. Таким — собачья смерть. Ильяна жаждет избавления. Ильяна стоит того, чтобы замарать свои руки. Подкараулить ниса в каком-нибудь переулке и выстрелить, не давая выбора ему, но давая свободу ей — выход. Желанный для всех.

Славен слушал, не отводя взгляда, словно заколдованный.

— Так?

— Да. Да, я думал. Хотел. Хочу. Это было бы избавлением. Но это не было бы благо. Она нежная и чистая. Она не простит. А я не совру. Она поймет. И я не смогу умолчать. Любовь не может врать, не должна, иначе это не любовь, что-то другое. Я ей обещал, найду способ. Но не такой. Нет. Дуэль — суд мастерства. Суд случая. Суд Отца всего живого, если вдруг он решит посмотреть в этот миг на детей своих. Встреча в переулке — иное. Без выбора. В нашей семье в центре Девяти Добродетелей всегда стоит Милосердие, а справа от нее — Честь. Нет. Нельзя. Даже если... думается...

Тощий. Вихрастый. Короткие темные кудри прилипли к вспотевшему лбу. Глаза — зелёные, как у матери. Большие уши прикрыты специально отращенными волосами. Тонкий нос, узкие бледные губы, неожиданно — "волевой" подбородок. Руки в мозолях. Тренировался день и ночь? Глупо, шпаги сейчас уже никто не носит. Хотя... Пистолет? Вон и порезы есть.

Нис был неказистым, не выглядящим сильным. И тем не менее, вот такой весь хиленький и восторженный, юноша не истерил, послушно сидел в кресле, обливался потом и, сжав зубы, отвечал на вопросы. Отвечал честно и себе во вред. Отвечал не так, как должен был.

И Димитрий тоже спросил совсем не то, что должно спрашивать в таких случаях.

— А если окажется, что ниса — не чиста?

Славен вскочил. Вот теперь нить ненависти полезла наружу сама, пожирая все иные мысли и чувства.

— Я убью его. Если он заставил ее делать что-то бесчестное, я убью его, клянусь!

— Сядь, — переполошились мать, — ты на ногах не стоишь.

Юноша обернулся, схватил мать за руки.

— Ты должна о ней позаботиться. Обещай мне. Обещай, что она будет тебе дочерью, а Милице сестрой в любом случае!

— Я тебе давно наобещала столько относительно этой девицы, что впору идти к ней в рабы! — сказала Радомила. Было заметно, что опасное увлечение сына ей не по нутру. Но также было очевидно, что она выполнит любой наказ Славена. И не потому, что слаба, а потому что любит своих детей, даёт им свободу выбора и готова терпеть боль этой свободы вместе с ними. Действительно, удивительная женщина. Такой залезть в душу будет непросто. Да и надо ли? Глупый Славен все сам расскажет. Димитрий теперь знал это точно.

— Я убью его! — прошептал Славен, падая обратно в кресло. Димитрий устало подумал, что в этом, наверно, и кроется разница между нисом Бель и нисом Аль: первое, что подумал про жену тогда ещё юный нис Бель — что она ему изменила; Славену даже не пришло в голову, что невеста может отдаться другому сама. Если было — значит, не по ее воле. Аксиома, не требующая подтверждения. Глупость? Или та самая, настоящая любовь?

— Не волнуйтесь вы так. Я просто спросил. Хотелось увидеть реакцию. С вашей возлюбленной все в порядке, ей ничего не угрожает.

— Совсем ничего, — успокоился немного юноша. — Всего лишь удары указкой по рукам. Или розгами по спине. Ни за что. Ведь большинство причин — выдуманные. Ее вины нет, а ей больно. Просто, потому что её отец — деспот и слабовольное ничтожество.

Ну, если старый нис и ничтожество, то отнюдь не слабовольное.

Вернулся Вито с листками в руке. Димитрий взял их, бегло просмотрел, затем кивнул парнишке:

— Зови квартального. Повезём.

Нис Аль встал.

— Везите-везите! — сказал он с вызовом. — Вы же орудия справедливости!

Славен пытался говорить с насмешливым презрением, но голос его все равно дрогнул, он покачнулся и мать подхватила его под локоть.

— Не надо, матушка, я сам. Берегите себя и Милицу. Простите нерадивого отпрыска, принес я беду в наш дом.

— Славен-Славен, — расчувствовалась мать и обняла сына. — Все будет хорошо. Только помни о том, что надо быть разумным. Говори поменьше. Жди адвоката. Ты за нас в ответе, не забывай. Ты нам нужен.

— За что должен — за то отвечу. Но о вас позабочусь, матушка.

Он почтительно поцеловал Радомиле руки и шагнул следом за квартальным. Следующим вышел непривычно молчаливый Вито. Димитрий попрощался и покинул дом последним.

Все казалось насмешкой, издёвкой, жутко неправильным. Он рисовал себе совсем другой образ подозреваемого. Смешно, но выходит, что проводившие ритуал призыва —

действительно, люди неплохие. Хранитель музея — погруженный в научные исследования, подкармливающий бездомных зверей. Служанка — добрая, опекающая детей, судя по оговоркам опрошенных, поддерживала сестер нис Бель в доме их отца. Возможно, именно она помогала влюбленным обмениваться записками с теми самыми "вульгарными" стишками. Газетчик пишет статьи, обличающие несправедливость, за что его периодически бьют. Нис Аль оказался пылким, нетрусливым молодым человеком с благородными порывами. Можно и нужно копать глубже, но на первый взгляд — удивительное единство недурных людей. У Дмитрия даже чесались мочки ушей и кончик носа, настолько хотелось во всем разобраться, унюхать истину, что и как произошло. И зачем.

Зачем — особенно.

В здании отдела правопорядка царил хаос. Квартальные, сыщики и прочий люд хаотично двигались туда-сюда. В эпицентре этого движения непоколебимой статуей стоял сид Урд. Завидев процессию, он шагнул в сторону. Дмитрий, отправив ниса с кварталным и Вито в кабинет к Цветане (не придумал, куда ещё его можно пока определить), подошёл то ли к своему начальству, то ли к подчинённому — с этим вопросом они оба ещё не определились.

— Желаю здравствовать, сид Урд.

Мужчина отмахнулся.

— Вы действительно арестовали ниса Аль?

— Да.

— Надеюсь, вы знаете, что делаете. Это не последняя семья в городе. Нисы, конечно, не так знатны, как вены, но в провинции вроде нашей их гораздо больше, а значит, и влияния больше именно у них. Старая знать всегда стремится переехать поближе к столице, мол, им так по положению подобает. Новая знать, нисы, остается и руководит жизнью города. В городском совете их больше двух третей, и нис Аль, кстати говоря, после смерти отца унаследовал там его место. Которое, как представительница сына, часто занимает его мать. И поверьте, Радомила не даст Славена в обиду, не та женщина. Так я спрошу: вы понимаете, куда влезаете?

— Да, — коротко и однозначно ответил сыщик. Сид Урд посмотрел на него долгим внимательным взглядом, даже прищурился немного, а затем кивнул — то ли соглашаясь с ответом Кривза, то ли на прощание, и молча направился к выходу. Дмитрий поспешил к сиде Ярь.

То, что он увидел, зайдя в кабинет, было ожидаемо. Цветана порхала вокруг ниса. Рядом с ним стояла кружка чая — нетронутая, мокрое полотенце — неиспользованное, и ещё не начатая плитка шоколада.

— Да как вы можете! — накинулась на него пышущая гневом девушка. — Он же едва ходит! Он же сейчас в обморок упадет! В чем вы обвиняете ниса, чтобы так с ним обращаться?

Дмитрий перехватил кулачки, требовательно стучащие по его груди.

— Сиды Ярь, вам, кажется, очень хотелось поиграть в сыщика? Так вот она перед вами, эта служба. Вот такая. Вам не нравится? Не соответствует ожиданиям и мечтам? Вы думали, тут разводят розовых пони, а здесь неожиданно — боль, кровь и смерть? Вы вроде бы служите в отделении уже какое-то время. Вы вообще знаете, как сыщики добывают нужные сведения?

Девушка испуганно отступила назад.

— Расспрашивают. Осматривают. Место. Тела. Или ещё что-то. Других людей.

— Это лишь малая часть. Ещё — обманывают, пытаюсь получить информацию.

Запугивают. Бьют. Пытают.

— Это... Мерзко! И запрещено! Наверное...

— Запрещено или нет зависит от уровня дела, во-первых, и от статуса подозреваемого, во-вторых. Вы...

— Перестаньте угрожать девушке! — вступился за Цветану нис Аль. — Вы привезли меня, чтобы говорить со мной. Вот и говорите! Со мной! Сида Ярь, вам лучше выйти.

— Нет, я останусь! — заявила глупая девица, заслоня собой подозреваемого. Будь тот опытным злодеем давно бы схватил ее, приставил нож к горлу и потребовал того-сего в зависимости от собственной глупости и жадности. Но этот — неопытный. И дурак. Прямо парочка глупцов. Спелись.

— Нет, сида. Вы выйдете. — Димитрий подхватил ее под локоть и потащил к двери. — И будете сторожить у двери. И когда придет адвокат юного господина, вы проводите его в комнату подальше, забьете ему уши пустопорожней болтовней и напоите его чаем со всевозможными вкусными булочками-пирожками. Вы поняли?

Он дал ей прекрасную наводку, но девица не собиралась умнеть ни на грамм.

— Не уйду! И сторожить не буду! И задерживать никого не буду! Пусть они потом сами на вас жалобу подадут! Что вы нарушаете! И! И! И вообще!

Неожиданно помог Славен.

— Цветана, — позвал он тихим надломленным голосом человека, стоящего на пороге смерти, — встретьте моего адвоката, прошу вас. Мне больше не на кого здесь положиться.

Конечно, юноше было плохо и полуобморочное состояние он не играл — он действительно так себя чувствовал. Но все равно выглядело все до того идеально театральным, что хотелось плюнуть и выйти отсюда ко всем демонам.

Сида Ярь просияла, видимо что-то наконец поняла.

— Да! Да! Я встречу!

Если бы она ещё додумалась пойти самой искать этого адвокатишку, было бы прелестно. Лучше и желать нельзя. Ее отсутствие в здании — треть залога успеха. Но вряд ли эта девица способна додуматься до такой сложной комбинации.

Димитрий заметил за собой, что подобная наивность его одновременно и притягивает, и раздражает. Никто не хитрит, не выпытывает что-то, не играет. Глупые и искренние.

— Мне нужно место.

Смех.

— Нет.

— Ты же понимаешь, что от этого зависит чья-то жизнь?

— Я понимаю, что от меня зависишь ты. Это веселее. Хочешь выслужиться, показать, какой ты распрекрасный, умный, ответственный? Делай это без моей помощи.

В такие моменты думается много плохого, злого. Очень хочется сказать, а то и увидеть: а если убьют твоего сына? Как? Его убийцу искать тоже без твоей помощи? Но нельзя делать такого, это... не по-человечески.

— Мне просто нужно место, где ты это купил.

— Не помню.

По-человечески тогда не получилось. Димитрий ушел. А потом был новый труп. И

тогда он вернулся. Но не просить.

Да, он никогда не был таким наивным. Даже когда искренне пытался все сделать по тому самому, по-человечески. Не выходило.

— Ты — грязь. Ты — тьма. Ты — зло.

Та женщина из детства оказалась по-своему права...

Стандартная процедура. Имя. Возраст. Статус. Это ваше? Где взяли? Когда? Зачем? Кому показывали-рассказывали? Когда? Зачем? Как нашли пособников? Когда? Зачем им это надо было? О чем сговорились? Каким образом общались? Когда? Зачем? А точно ваше? А когда, говорите, ходили в библиотеку? А с какой полки книги брали? В каком томе было? А кто подавал? А лист кто-нибудь видел? А кому сами показывали? Когда? Зачем? Во вторник, говорите, ходили? Нет? А когда? Матушке за книгами? Нет? Напомните, зачем?

Нис Аль потел, бледнел, кашлял, иногда даже поглядывал на кружку с давно остывшим чаем, но взять ее счёл проявлением слабости и стойко отворачивался, испытывая глубокое презрение к своему слабому телу. Димитрий не смог его сбить с толку — юноша повторял одно и то же как заведённый. Повторял даже в полубеспамятном состоянии. Не сбился ни разу. Не юлил, отвечал на все вопросы честно.

Листы лежали в книге. Книгу взял в библиотеке. Выдал ее такой-то. Книга — четвертый том "Сказаний о небожителях". Сестра интересовалась. Ее подруга, Арджа, все бредила неземной любовью "как у небожителей в легендах". А сестре очень не нравилась одержимость подруги ее избранником. Милица решила перечитать сказания и найти все "неприятные любовные истории", чтобы доказать, что Арджа неправа. Это был уже четвертый раз, когда Славен брал для нее подобную книгу. Да, заходил в библиотеку каждый шестой день недели. Да, Арджа приходила на пятый день — у сестры как раз было время прочитать том, а на следующий день после встречи он брал ей новый. Девочки ссорились все сильнее с каждой встречей, но Славен никогда не вникал в их разногласия и не обращал на это внимания, суть ссор он узнал после трагедии. Зачем ему женские дела?

Да, встретил двух сестер на каком-то ужине у вена Кос. Отца девушек отвлекли срочные дела, дуэнья задремала за карточным столом, а младшая сестра была не против их общения. Танцевать вместе Ильяна забоялась, но за спинами других гостей им удалось немного поговорить. Ему понравилась скромная девушка. Он решил нанести визит, отправил нису Бель ни одну записку, но каждый раз получал категоричный отказ. Невозможность видеть девушку распалила интерес, Славен искал встречи и даже смог увидеться с ней пару раз через ограду сада. А ещё на одном ужине они сидели недалеко друг от друга, но на нем отец так внимательно следил за дочерьми, что у них не получилось даже парой слов перекинуться. Тогда юноша написал письмо и передал через доверенную служанку — по совету Ясины. Так они стали общаться письменно. И он окончательно понял, что влюбился. Хотел жениться. Старшую нису Бель это предложение испугало. Однако вопреки ее опасениям, нис Аль пошел просить руки дамы сердца. Ведь мужчина не должен отступать и должен быть честен и с невестой, и перед самим собой. Но ответ отца возлюбленной оказался для него полной неожиданностью. Славену не только отказали, но запретили даже приближаться к девушке! А ей тут же вызвали врача, чтобы проверить, "не испорчена ли она". Столь унижительный для них обоих поворот не мог не вызвать у юноши неприятия и

стремления избавить невесту от позорного обращения. Однако после нескольких визитов, когда его буквально выбрасывали за порог дома, и пары авантюр вроде серенад под окном, на одном из балов Славена нашла младшая ниса Аль и попросила не проявлять так явно свою привязанность. Нис вспыхнул, ниса тоже и в сердцах проговорила, что каждый его визит влечет за собой телесное наказание "блудливой дочери", призванное воспитать в ней кротость и целомудрие. После этого Славен предложил Ильяне сбежать и пожениться тайно, но та не согласилась, не объясняя причин. Затем была ее затяжная болезнь, которую юноша счёл результатом очередного наказания, а не настоящей болезнью. Увидев же бледную и отрешенную девушку в саду, он окончательно уверился в зверствах ее родителя. Несколько попыток вызвать ее отца на дуэль привели лишь к насмешкам и оскорблениям с его стороны. Попытка добиться справедливости через суд тоже ни к чему не привела. И тут магическим образом из четвертого тома "Сказаний" выпал листок с непонятными символами и надписью "Избавление". Добрый хранитель музея, который изредка заходил к нисам Аль на чай (а как не зайти, у нисы ведь родственники в столице и порой привозят ей интереснейшие безделушки, которым пару сотен лет!), заинтересовался, сказал, что это описание ритуала и он попробует найти нужную информацию. И если юноша ритуал этот решит провести, то пусть непременно ему напишет, он чрезвычайно заинтересован!

Да, не нашел. Сказал, это призыв. Но расшифровать полностью не удалось. Однако старый ученый где-то отыскал пришедшего недавно в город нищего, который продавал найденный в разрушенной усадьбе лист со странными знаками, как магический артефакт. Лист, как и тот, на котором было описание ритуала, не был древним, однако знаки оказались настоящими: их учёный не раз встречал в разных исследованиях. И по всему выходило, что символы нестрашные или страшные, но стоят в паре: жизнь-смерть, кровеотворение-кровезатворение, день-ночь, время-место, открытый проход-закрытый проход и т. д... Хранитель советовал не спешить, ведь ритуал — неизвестный. Нищий слёзно просился поучаствовать, он, мол, такое видел. Выходило, что и вправду видел: даже дал пару подсказок и советов. А тут Ильяна не пришла на бал. Младшую дочь нис привез, а старшую — нет. Славену не стоило этого делать, однако он не мог успокоиться и решил лично проверить, что с девушкой все в порядке. Юноша проник на территорию нисов Бель и, взобравшись на старый кривоствольный вишг, стал выглядывать даму сердца в окнах. Да, красный, потому что такое поведение для ниса непозволительно! И оскорбительно для его невесты! И сейчас он это понимает. Но тогда внутри разразилась такая буря, было так страшно за Ильяну, что он не о чем не думал. И хорошо, что не думал: он увидел своими глазами, как Луцияна Нежь даёт Ильяне две пощёчины, затем бьёт ее по спине указкой и той же указкой машет в сторону кровати, приказывая ложиться. Ильяна легла. Но в каждом ее движении Славену чудилась боль и обречённость. Лампу Луцияна унесла с собой, увидеть больше ничего было нельзя, но он не мог слезть с дерева сразу — его ещё держал шок от увиденного. А когда всё-таки руки перестали дрожать, и он спустился вниз, то в голове не осталось мыслей, кроме одной: им нужно это избавление.

Нищий что-то говорил о потоках магии, способных разрушить проклятие, но Славен не слушал. Ада выпрашивала по десятому кругу одно и тоже: как это поможет хозяйке? Грязный бездомный разводил руками и говорил, что это должно снять проклятие ненависти с семьи нисов Бель. Хранитель музея доказывал, что надо повременить и отправиться в столицу за разъяснением, что это за ритуал. Они знают не все символы. Они понимают не все магические связи. Так нельзя. Славен благодарил и отказывался. Сколько ещё будет

мучиться Ильяна? Нет, надо поторопиться. Нищий его поддерживал, шептал, что ненависть ниса к дочери крепнет с каждым днем и может довести до большой беды.

Все было как в тумане, он даже ритуал не помнит. Очень хотелось пить и все дрожало перед глазами. Что-то зачитывал хранитель музея. Кажется, на незнакомом языке. Потом подхватил нищий. Или Ада? Сначала Ада, потом бродяга? Потом... Крик бездомного: "Не может быть!" — И боль. Много боли. Обеспокоенное лицо доверенного слуги. Экипаж, в который он не смог залезть по-человечески и словно пьяный упал на пол. Тряска. Беспамятство.

Димитрий задавал тысячи уточняющих вопросов. Спрашивал об одном и том же десятью вариантами. Однако картина вырисовывалась однозначная. Никто не знал, что это ритуал призыва демона. Никто не собирался умирать. Просто так получилось.

У этих людей всегда что-то получается вдруг, а ему разгрести.

В дверь забарабанили. Уже раз пятый. Но теперь за ней раздался солидный мужской баритон.

— Кривз, вы не имеете права не пускать меня к клиенту.

Димитрий открыл.

— Разве вам кто-то препятствует? Прошу.

Следом за юристом в комнату просочилась красная от возмущения Цветана и Вито, осматривающий комнату широко открытыми глазами. И что он хочет увидеть? Потёки крови?

— Вызови врача, — сказал ему сыщик. — И покрутись рядом, послушай, кто о чем будет говорить.

Парнишка кивнул и побежал выполнять поручение. Кривз направился на улицу. Надо найти и опросить мальчишек, которые дежурили у домов нисов. Вряд ли они что-то интересное расскажут, но вдруг?

Димитрий решил срезать путь и пошел улочками-переулками. Здесь было меньше солнца, зато и меньше людей. Хорошее место, чтобы поразмышлять над всем услышанным.

Цок-цок.

Поразмышлять не дали.

Цок-цок.

Тот, кто шел за ним, пытался двигаться бесшумно, но каблуки туфель все равно периодически издавали приглушённый стук. Димитрий подобрался, словно степной кот перед прыжком.

Цок...

Он развернулся на середине шага, перехватил руку, протянутую к его плечу. И удивлённо выдохнул:

— Вы???

Глава 13. Новые обстоятельства

Знакомая незнакомка поморщилась.

— Мне больно.

Сыщик разжал пальцы.

— Ниса Бель? — спросил он.

— Да.

— Младшая, естественно?

— Конечно.

Да. Та самая девушка, мелькнувшая в коридоре в первый его визит в их дом. Сейчас из-за простой одежды она больше походила на служанку, чем на даму благородных кровей. Но лицо он запомнил. А ещё... Он был уверен, она была где-то рядом с кабинетом, когда он приходил во второй раз к их отцу. Интересно, как много она слышала? И насколько свободнее сестры?

Намного, судя по тому, что она разгуливает по переулкам города без сопровождения и в одежде служанки.

Ниса что-то поняла по его задумчивому взгляду и отступила назад.

— Меня ждёт подруга. За углом.

Димитрий почувствовал запах лжи и безо всяких способностей. Девчонка врала.

— Она из слуг, — попыталась улучшить свое положение ниса. — И быстро бегают!

Кривз вздохнул. Скрестил руки на груди.

— Никакой подруги нет. Но я не собираюсь вам вредить, зачем мне это? Смею напомнить, это вы преследовали меня тайком, а не я вас.

Младшая ниса Бель приняла более соответствующий ее положению вид (по крайней мере ей так казалось): выпятила грудь, расправила плечи, ткнула указательным пальчиком в сторону сыщика и требовательно произнесла:

— Да, но у меня особые обстоятельства. Вы там сказали: если забьет до полусмерти или доведет до самоубийства, детей могут забрать. Это правда?

От такого напора Димитрий немного опешил.

— Да.

— "До полусмерти" — это насколько?

Сыщик поперхнулся воздухом.

— Ниса! Это... Я не нахожу слов! Вы же не собираетесь избить сестру?

— Нет, — соврала девушка, не моргнув глазом. — Но мне нужно знать, когда можно обратиться в полицию.

— Я не буду с вами это обсуждать!

Димитрий развернулся к взбалмошной девице спиной.

— Если вы думаете, что я собираюсь так поступить, тогда представьте, что я могу сделать, если не буду знать границ?

Кривз развернулся обратно. Безумно захотелось отвесить идиотке пощечину. Пусть на своей шкуре почувствует...

Нельзя давать таким мыслям силу! Нельзя!

Ниса отшатнулась, словно почувствовала его злость.

— Вы... — она зажмурилась, помотала головой. Открыла глаза, выдохнула

облегчённо. — Кажется, мне не очень хорошо.

— Да. Думаю, такие глупости в вашу голову пришли от болезни, не иначе.

Девушка шагнула вперёд. В глазах ее светилось упрямство и непоколебимая уверенность в своей правоте. Знала бы она, как похожа сейчас на отца!

— И всё-таки разумнее ответить на мой вопрос.

— Нет.

— Тогда, возможно, вы можете нам помочь? Можете что-то сделать для Ильяны?

— Увы. Ваш отец прав, по законодательству это "дела семейные". До определенного предела.

— Так скажите мне этот предел!

— Ниса, я — не из судейских. Вам следует задать этот вопрос им. Моя задача — находить виновного, а не назначать ему меру наказания.

Он развернулся к ней спиной и зашагал прочь.

— Ханжа! — крикнула девушка ему в спину. — Лицемер!

Больше бранных слов она не придумала, досадливо топнула ногой и в слезах убежала прочь.

Она пахла разочарованием. И страхом. Димитрий постарался выбросить ее из головы сразу же, как она скрылась за поворотом, но не смог сделать этого до самой встречи с уличными ребятами, которых нашел и рекомендовал, как надёжных, вездесущий Вито. Ребята оказались тертыми калачами: сначала потребовали плату. Сторговались, что половину они получают вперёд, половину потом. Их рассказы в основном сводились к описанию мелочей, но мелочи эти были не простые.

Дом нисы Аль:

Утром старый слуга ходил в аптеку. Затем к нисе приезжал какой-то старик. Затем — сам сыщик. После его отъезда ниса развила бурную деятельность, побывала в нескольких местах: дом вена Кос, кабинет сида Урд, ещё парочка влиятельных семей города, адвокатская контора и дом ниса Бель. У ниса Бель она пробыла недолго, вышла красная и злая, громко стучала по мостовой прихваченной где-то мужской тростью. Прохожие в ужасе разбежались, извозчики рядом с ней прибавляли скорость. Прибыла домой пешком, ещё несколько раз посылала слуг к адвокату.

Дом ниса Бель:

Старшая ниса не показывалась. Младшая ходила по саду, рвала ветки, стегала траву. Злилась. Когда дело дошло до клумб, ключница попыталась ветку отобрать, за что получила той самой ветвью "по хребтине". Разозлилась, хотела ответить, но младшая ниса впала в такую истерику, что ее успокаивать выбежал сам нис. Увели в дом. Отправляли слугу в аптеку и за доктором. Был доктор, но недолго. Потом приезжала ниса Аль. Ушла злая и с чужой тростью. Потом младшая ниса, переодетая в служанку, улизнула через калитку, выходящую на "заднюю" улицу.

Кривз поблагодарил ребят за сведения, заплатил им больше обещанного и отпустил. Те тут же растворились в переулках города.

Димитрий зашёл в чайную, то ли поздно пообедал, то ли рано поужинал, не увидел среди посетителей никого интересного и отправился в библиотеку.

В небольшом двухэтажном здании посетителей не было. У входа слуга, подкармливающий коня, разговаривал с проходящей мимо цветочницей. По ступенькам сбежал посыльный с нашивкой службы наместника на рукаве. Молча приподнял шляпу,

приветствуя Димитрия, и поспешил затеряться в толпе. Торопился?

Маленький сморщенный старик, сидевший в прохладной комнате за большим резным столом, заваленным самыми разными книгами, злодеем не выглядел. Но взгляд у него был совсем не старческий — цепкий, умный. На Димитрия он смотрел с вежливым интересом, но не более. И это спокойствие больше всего не нравилось сыщику.

— Не бойтесь, что я сюда зашёл не случайно?

— Молодой человек, — с достоинством ответил библиотекарь. — Мне столько лет, что грешно уже чего-то бояться. Вы что-то хотели спросить? Спрашивайте. Да присаживайтесь, что ж вы на ногах-то стоите?

Димитрию больше нравилось возвышаться над собеседником, в этом он видел элемент психологического давления, но почему-то он принял предложение и сел.

— Вы знакомы с хранителем музея?

— Нисом Кисл? Да, конечно. У нас маленький город, все друг друга знают. Тем более интересы наши пролегают в одной сфере.

— В какой?

— Наука, конечно же.

— И магия.

— Ну, уважаемый сыщик, магия — это та же наука. Просто доступная не всем.

— Избранным.

Библиотекарь вздохнул.

— Нет. Людям с особым устройством крови. Тем, кто может благодаря магическим частицам внутри себя влиять на магическое полотно мира, менять его узор. Вот появилось это новомодное увлечение — экипажи на паровом двигателе. Вы понимаете, как оно там работает?

— Нет.

— И я нет. А оно работает. Просто у вас склонности к поиску преступников, у кого-то — к математике, у кого-то — к познанию физических законов нашего мира, а то и к использованию их для нужд людей. А у кого-то есть магия, сиречь особый состав крови. Здесь нет избранных. Просто все разные.

Димитрий рассчитывал на другой ответ. Благообразный старик смотрел на него с терпеливым ожиданием, аки небожитель, спустившийся с облаков. А самое неприятное — внутри старикашки было такое же спокойствие. Оно ощущалось прохладным туманом с ореховым запахом. Странно. Впрочем, есть люди, которые отрезают головы, весело насвистывая модную мелодию. Он такого...

Болью сдавило виски.

Он такого... убил. Да, было дело. Лет... тридцать назад.

Тьфу.

Тринадцать?

Три?

Тридцать месяцев?

Где ошибка?

Он был... Юным и прекрасным тот человек. И чистил общество от некрасивого... Ему это даже не казалось миссией, а так, скучной благотворительностью...

Димитрий отогнал некстати проснувшиеся воспоминания. Залитое кровью лицо, стоявшее перед глазами, растаяло, словно морок.

— То есть вы хотите сказать, магия — это просто одна из наук?

— Да. Именно так.

— И ею можно пользоваться?

— Конечно.

— В любых делах?

— В любых. Или вы о другом? О, полагаю, вы о другом. Понимаете ли, инструмент не виновен, виновна рука, которая его держит. Без скальпеля невозможно сделать множество операций, но ведь при желании им можно и по горлу полоснуть. Это не делает скальпель вредным или опасным инструментом, который следует запретить. Однако лучше продавать его только докторам. Магия — инструмент, не более. Что с его помощью делать, решает человек. Дикие времена, когда ведьм и чародеек сжигали на кострах, давно прошли. Или вы сторонник Инквизиции?

— Нет. Но некоторые знания несут только вред.

Старик едва заметно улыбнулся.

— Мы не можем познать это, не прикасаясь к знанию вовсе. Изучать — это задача человека. Только изучив, можно делать вывод о каком-либо явлении.

Кривз поморщился. Понять собеседника не получалось. Оставалось блефовать, это у Дмитрия вроде бы всегда выходило хорошо.

Марина улыбалась ему понимающе и задорно одновременно. В глазах ее плясали смешинки.

— Откуда такая неуверенность? Ты же научился врать даже самому себе.

Правда?

— Мне известно об обществе.

Старик молчал. Спокойствие его никуда не делось. Оно окутывало его все тем же прохладным ленивым туманом.

— Каким из?

Так вот в чем дело?

— Общество любителей древностей.

Библиотекарь улыбнулся.

— И что же вы хотите узнать?

Дмитрий силился найти намекающую паузу между "хотите" и "узнать", но пауза не находилась — ни слух, ни чутье ничего не уловили.

— Много чего. Но разве вы не знаете, что "тайные" общества под запретом?

Библиотекарь рассмеялся. Беззвучно. Затряслась седая борода — и только.

— Конечно знаю.

— Значит, вы осознаёте, какой риск несёт ваша таинственность и секретность.

Новое потрясение бородой вывело бы из себя и небожителя.

— Уважаемый Кривз, с чего вы решили, что оно тайное? Наше общество числится в реестре городских объединений.

Это было неожиданно. Это все меняло. Нет, идея с тайным культом почитателей магии, воспроизводивших древние ритуалы, была не основной, но уж очень удобной. Так можно было объяснить абсолютно все происходящее в городе.

— В записках хранителя музея оно именовалось тайным.

— О! Это была наша шутка. У нас маленькое научное сообщество, и то, что любопытно нам, мало кому интересно. Особенно молодежи. Так что наше "общество" — пара стариков вроде меня. Мы часто в шутку называем объединение "тайным", потому что хоть и работаем во благо наук, и даже печатали статьи в местной газете, однако светские сплетни горожанам гораздо интереснее обрядов шиданцев или лирики раннего периода Северного королевства. Поэтому мы не скрываемся, но о нас все равно почти никто не знает.

Дело повернуло в совсем другую сторону.

И всё-таки листы Славену подкинули именно в библиотеке.

— Вы не могли бы прийти на опознание?

Лицо библиотекаря изменилось, оно стало каким-то сухим, скорбным.

— Разве ниса Кисл не опознали уже?

— Да. Но вы можете прийти, посмотреть на один труп?

— Да, раз это требуется. Не смотрите на меня так осуждающе. Никому не хочется видеть мертвое тело друга.

Димитрий собирался показать кое-что другое, но пусть пока старик думает так. Сыщик достал блокнот и карандаш.

— У меня есть несколько конкретных вопросов.

— Конечно, задавайте.

И Димитрий начал спрашивать. Результаты получились не то, чтобы показательными.

— Кто входит в общество?

Имена ещё нескольких людей преклонных лет, интересующихся наукой, Кривз записал, но вряд ли они могли дать необходимые ему ответы.

— Кто заходил в библиотеку в этом месяце?

Это можно проверить по специальной учётной книге, которую вела помощница. Димитрий пообещал зайти, посмотреть, всех переписать. Особенно тех, кто заходил в пятый-шестой день недели. Если вспомнить дату смерти Арджи...

Однако почему после смерти подруги сестра Славена продолжила брать в библиотеке книги про небожителей? Этот вопрос следовало задать самой Милице.

— Заходил ли кто-то не за книгами? Поболтать. Обсудить новости. Дверью ошиблись.

Нет, таких в библиотеке нет. Кто приходит — все по делу. Праздные люди ходят в другие места.

— А по делу? Кто приходил?

Да кто ж упомнит уже, кто заходил да когда? Мальчик от кухарки прибежал как-то раз, газету свежую заносили, от вена Кос посыльный был, дон Бойк, принес указание все пересчитать и перепроверить — ходил слух, проверяющий приедет. Нет, не приехал. Вы приехали.

На всякий случай Димитрий переписал все имена.

— Что-нибудь необычное заметили?

— Нет.

— А ваш друг показывал рисунок ритуала?

— Да. Но я ему ничем помочь не смог. Мы знаем отдельные символы, не более. Судя по направлениям рисунков, это что-то наподобие воззвания или привлечения. Или...

Библиотекарь шевелил пальцами, словно пытался нащупать правильное слово. И Димитрий подсказал:

— Призыв?

— Хм... Да. Да, может быть. Но символы очень древние и происхождение у них явно иностранное. Мы все говорили Дару, что надо подождать, послать в столицу за специалистом, пусть скажет хозяину рисунка, что такие вещи не делают впопыхах, да и вообще не делают самостоятельно — это же все равно, что производство пороха. Можно взорваться в любой момент. Но...

Библиотекарь печально вздохнул.

— Но все равно... Никто не думал всерьез, что это может быть настолько убийственно... Знаки двойные — и от этого они казались безобидными. Можно и дождь же призывать.

Сыщик поблагодарил за информацию и удалился. Рядом с этим спокойным человеком ему было не по себе. Впрочем, он осознавал, что основной дискомфорт ему доставляла мысль о том, что хорошая версия оказалась пустотелой, никчемной, ложной. Придется начинать все заново.

На улице моросило, солнце спряталось, но Дмитрий не стал останавливать извозчика, прошел задними улочками до Садовой, потом — аллеями к аптеке. Постоял, раздумывая над известными ему фактами. Поглядел по сторонам. Там дальше — место убийства сына травника... Нет, оно не ритуальное. Слишком другое. Но за что его убили? Он шел в аптеку? Из аптеки? В гостиный дом? Из него? Что он делал здесь так поздно?

Из лавки вышел мужичишка в мятой одежде. Одну руку он держал у лба, другой прижимал к груди мешочек с лекарством. Сойдя с порожка, он покачнулся, но не упал, помотал головой, ойкнул и нетвердым шагом направился к дальнему перекрёстку.

Что известно об убитом? Наглый. Охоч до девок. Способен на насилие. Относительно богатый для горожанина не аристократического происхождения. Любит махать кулаками. Выпивоха. Считает, что все сойдёт ему с рук, так как брат имеет связи, работая на вена Кос.

Из лавки вышла какая-то сухонькая старушка под руку с внучкой лет шести.

— А почему нельзя погладить? — верещала девочка. — Хочу гладить.

— Кусается она, сказано же! Опомнись, окаянная! Мало тебе этой твоей лужи!

— Пруда! — топнула ножкой девочка. — Там маленькие рыбки! Хочу большого зверя!

Чтобы он меня провожал и встречал!

— Ох, вот неуёмная! Охолонь! Матушка и так всю деньгу на твои причуды извела!

Загрызен... Это не ограбление, деньги остались при нем. Месть семьи девушки, которую он пытался обесчестить? Слишком сложно. И поздно — девица замуж в другой город давным-давно уехала. Есть другая жертва, неизвестная? Опять все упирается в зверя. Почему — загрызен?

Раздразнил? Спьяну? Пнул, а зверюга и кинулась? Дебошир, выпивоха, насильник, самоуверенный человек... Мог, да. Такой и к дереву пристанет, что оно на него не так ветвями шелестит.

А вот если...

— А что вы тут делаете?

Мужчина подошёл неслышно. Не было никого — и вдруг есть.словно он возник из ниоткуда за спиной, а не шагал по земле в своих стоптанных, но всё-таки имеющих каблук туфлях.

— Здравствуйте, сыщик Кривз.

Дмитрий обернулся. Мужчина оказался высоким, выше него. Вид ничем непримечательный: овальное лицо, впалые щеки, длинный нос с горбинкой, светло-карие

глаза. Скажем прямо: не красавец. И ничем не выделяется. Что совершенно неприлично для преступника. По каким приметам его искать, если понадобится?

— Итак: что вы здесь делаете?

Вежливый, спокойный интерес. Что за ним? Страх? Да, есть. Но какой-то необычный. Аромат степных цветов смешивается в нем с горечью полынного куста...

— Стою. — Более чем честно ответил сыщик. — Думаю. Вы знаете, здесь недалеко убили человека.

— Все знают.

— Его загрыз зверь.

Фыркнул.

— Это тоже известный факт. Глупые газетчики раздули из этого большую историю.

— Они врут? — Димитрий всмотрелся в собеседника. — Все не так, господин хозяин аптекарской лавки?

— Такие ответы должны давать вы.

— Я? — Пробный выпуск когтей*. — Я думаю, это был оборотник.

Внешне мужчина остался таким же, но Кривз чувствовал его нутро. И оно дрогнуло. Потекла по венам лава вместо крови, горит, волнуется, жжется. Больно? Отчего же ему больно? Как жаль, что умение считывать чувства не дополнилось чтением мыслей, так много остаётся неясного!

Мужчина прищурился.

— Вы никогда не думали, что увидеть рисунок — это ещё половина дела, ведь надо суметь правильно его прочитать?

К чему это? Он говорит про ритуал?

Нет. Что-то другое.

Про самого Димитрия?

— Вы никогда не думали, что в таком маленьком городе такому... как вы сложно затеряться? — парировал Кривз.

— Вы не можете меня арестовать просто за то, кто я. А все остальное надо доказать. Да и оборотничество мое — лишь ваше слово. Кто поверит?

— У меня много талантов, — с угрозой сказал сыщик. Лавочник рассмеялся.

— О, да! Но если они узнают, кто вы — вас первым поднимут на колья.

Димитрий нахмурился. О чем он? Люди видели его способности. И никто ничего не сказал. Ни Вито, ни девчонка-приживалка Цветаны, ни Рейфи.

Так о чем он?

— О! — глаза оборотня расширились от удивления. — Вы не знаете? Невозможно! Если только... Потеря памяти? Ах, теперь понятно! Теперь все понятно!

— Не поделитесь? — не скрывая раздражения, спросил Димитрий. — Вашим пониманием?

— Нет. — Сообщил аптекарь. — Это ваш путь. А мой... Мой меняется, и вы приложили к этому руку. Не могу сказать, что я вам за это благодарен. Полагаю, в этом случае я имею право немного позлорадствовать.

— А если я вас сейчас арестую?

Собеседник, казалось, искренне удивился.

— Помилуйте, на каком основании?

Димитрий задумался. Действительно, на каком?

— О! — воскликнул тем временем может-быть-оборотень. — Кажется, первое лицо города желает вашего внимания. Посмотрите, какой шустренький!

Димитрий посмотрел. По улице весьма бодрым шагом шел вен Кос. Младший, разумеется. И почти трезвый. По крайней мере он до сих пор не зацепился ногой за ногу и не упал в кусты.

— Присмотритесь! — шепнул на ухо шелестом ветра аптекарь и исчез так же неслышно, как и появился. Впрочем, вокруг много деревьев и кустов, эка невидаль! Димитрий и сам так мог бы.

Вен был далеко и признаков заинтересованности в разговоре не подавал (никто из приличных людей не кричит через пол-улицы: "Здравствуйте!" — что, несомненно, облегчает иногда жизнь людям менее приличным), так что сыщик поторопился исчезнуть за дверьми аптеки.

— Здравствуйте.

Сейчас Рейфи говорила почти без акцента, не удлинняя согласные, хотя выговор у нее все равно был чудо какой напевно-рычащий.

— И вам здравствовать. Скажите, уважаемая, а продается ли у вас бальзам из сонного порошка?

— Прродается.

— И много покупают?

— Рредко.

— А когда последний раз брали?

— Недели трри назад.

Рычит-то как интересно! "Трри".

Может, это она оборотень?

Ага, и оса заодно. С ее "назад".

— И много купили?

Рейфи показала микроскопический флакончик.

— И все?

— Да.

Негусто.

— Спррросите у трравников.

Димитрий обвел аптеку ленивым взглядом. Стеллажи, полки, прилавков, банки-склянки, порошки, крема. Отдельный столик с косметическими средствами. Звереныш спит на сундуке в углу. Едва заметная дверь во внутреннее помещение. И там, за этой дверью — тот, кто дарит Рейфи спокойствие.

Не все слухи врут, да, господин аптекарь?

Пауза затянулась. Девушка смотрела на него спокойно-выжидательно, не торопила, не волновалась. Но дверь все равно бесшумно открылась, и мужчина безмолвной тенью стал за ее спиной. Намек был сделан яснее ясного: попробуй тронь! Здесь Димитрий никого трогать не собирался, только узнать про порошок, но сей короткий визит дал ему очень много пищи для размышлений.

Рейфи дернула плечом, безмолвно вопрошая: ну и зачем? Аптекарь так же молча придвинулся к ней на шаг. Было странно понимать, что они общаются вот так, движениями — и понимают друг друга. Было... завидно? Она стояла к нему спиной, он — за ее плечом, и его дыхание, наверно, едва заметно щекотало ей шею.

Что бы произошло здесь, если бы Димитрий вышел? Она откинулась бы немного назад, он — чуть наклонился вперёд, тела соприкоснулись бы, он обвил бы ее талию жилистыми "мужицкими" руками...

Нет? Димитрий ощутил и их единство, и их разобщённость. Нет. Есть какая-то граница. Стена. Что-то, закрытое от другого, тайное. И известное одновременно.

Так они прелюбодействуют или нет?

Вряд ли этот вопрос стоило задавать вслух. В любом случае это дела не касается. Их особые отношения теперь для него не секрет, а до какой грани они простираются не так важно. Если судить по времени, вен Кос должен был и дойти до лавки, и пройти дальше. Поэтому сыщик задерживаться не стал. Попрощался, вышел. Чуткое ухо уловило из-за уже закрывшейся двери:

— И зачем? Ооставил бы.

— Один раз уже оставил.

Далее подслушать не удалось — к Димитрию бросился вен Кос, видимо, поджидающий его у дверей.

— О, Кривз! Рад! Рад! Слышал, дело сделано? И вправду, нис Аль? Надеюсь, вы не боитесь его матушки? О, я сам иногда дрожу под ее взглядом! — молодой человек довольно мерзко, булькающе засмеялся. Сыщику стало противно.

— Ваш батюшка волнуется. — Не пытаюсь скрыть сарказм, сказал он. — Я помню.

— Да-да! — радостно воскликнул вен. — Батюшка! Дело такого масштаба! Особые обстоятельства!

И посмотрел так внимательно, что у Димитрия по телу мурашки побежали.

— Сестра опять болеет, — вздохнул сын наместника. — Лекарство не помогло. Придется искать новое. Жаль, что столь многое из наук прошлого исчезло в огне войн и казней. Возможно, будь у нас знания предков, отцу удалось бы ее вылечить? А у вас есть сестры? Или братья?

— Нет, — буркнул сыщик раньше, чем обдумал вопрос. И понял, что действительно нет. Вообще никого. Давно.

Что с ними? Ведь была когда-то мать. И женщина с суровым лицом и холодными глазами. Очень строгая женщина, которая говорила ему, какое он отродье.

Мама... Цветана. Сломанный, смятый, увядший цветок. А та... Бабушка? Но он никогда ее так не называл. Не смел.

Их давно нет. Умерли. А больше и не было никого.

— Ох. Сочувствую! — опомнился вен Кос, но тут же добавил: — Ну что ж, поздравляю! Поспешу сказать отцу радостную новость!

Димитрий хотел сказать: "Не спешите!" — но молодой человек так стремительно рванул прочь, что пришлось бы кричать. Сыщик решил оставить все, как есть, и зашагал в сторону более людных улиц. В конце концов, в том, что все будут думать, что преступник найден, есть свои плюсы.

В мертвецкую его пустили без лишних слов — узнали. Димитрий попросил принести тело бездомного. Долго осматривал труп, потом — личные вещи. Часть из них уже куда-то пропала, то ли выбросили, то ли прикарманили. Но вот нательное белье нашлось (после взбучки, что должно было сохраниться хоть что-то). Очень хорошее нательное белье. Димитрию пришлось долго мучить расспросами местных служащих, те уже признались, что стащили часы из кармана хранителя музея, но продолжали уверять, что одежда нищего — та

самая, с него снятая. Пришлось поверить. Но тогда встаёт вопрос, откуда такое хорошее белье у человека, живущего на улице?

Так может, он не тот, за кого себя выдавал? Ведь он знал слишком много про ритуал. И активно подталкивал всех к его проведению.

В очередной раз вызвали мелкого местного художника, который периодически помогал охранной службе с портретами всяких нарушителей. Димитрий еще в первый день поручил ему непременно нарисовать портрет нищего, но "как живого". Мужчина нервно сглотнул, косясь на труп, но кивнул. Теперь он отчитался, что почти все готово.

На первом этаже хозяйничали Власта с сыном. Сыщик поздоровался, прошел наверх... Чтобы дойти до окна в конце коридора и вылезти через него на улицу.

Дерево, растущее рядом, подсобило, и прыжок вышел мягким. Димитрий направился к аптеке, но не по дороге, а прячась за кустами. Место для ожидания он выбрал с подветренной стороны.

Ждать пришлось долго. На тихой улице, обильно тонушей в зелени, аптека более всего была востребована утром и вечером. Но вот ушел последний посетитель, совсем стемнело, и только тогда Рейфи вышла на улицу.

— Не ррычи, — сказала она пустоте вокруг. — Некоторые вещи можно сделать только на закате.

Пустота не ответила.

Девушка зашагала в сторону гостиного дома. Димитрий никого не увидел, но знал, чувствовал, что где-то рядом крадётся невидимый охранник южанки. Тот тоже, видимо, его чуял: в какой-то момент Рейфи пожала плечами:

— Да? Ну пусть смотрррит.

А через несколько минут добавила:

— Глупоссть.

Раздражение сворачивалось внутри нее тугими кольцами, мелкими шипами колола злость, кислотой разъедала нутро неудовлетворённость-недовольство. Ей все не нравилось. Ей не хотелось ссориться и не хотелось соглашаться. Она...

— Кого-то ищите?

Аптекарь опять появился рядом бесшумно. Димитрий, прячущийся за кустами, выпрямился.

— Вы смешны, — сообщил ему мужчина, имеющий вид весьма человеческий. — Удивлены? Вы ожидали увидеть нечто иное?

— Ничего не ожидал, — солгал сыщик.

— Что ж, прощайте.

Пара шагов — и аптекарь исчез в темноте среди деревьев. Димитрий обернулся — Рейфи, пока он отвлекся на ее защитника, тоже успела куда-то деться. Да, действительно вышло глупо. Поднялась волна злости...

И смешалась с отголосками чужой боли.

Боль? Прекрасно! Замечательно! Значит, держал лицо, но от мгновенного оборота на самом деле ему очень больно. Храбро. Все ради нее? Южанки? О, это тоже доказательство, хоть и косвенное. Теперь есть версия. Очень хорошая версия.

Димитрий вернулся в гостиный дом. Ещё раз поздоровался с удивленной Властой, прошел на второй этаж. Покосился на дверь дальней комнаты, ничего нового там не обнаружил и хотел было зайти к себе, однако оказалось, что дверь его спальни не закрыта на

ключ. Сыщик достал револьвер и резко толкнул дверь.

***

*Пробный выпуск когтей — местное выражение. Равно "пробный шар".

Глава 14. Ночь

Дверь грохнулась об стену. Девушка, чинно сидящая на стуле, подскочила от испуга.

— Демоны вас побери, ниса Бель, что вы тут делаете?

Сыщик зашёл в комнату, захлопнул дверь. Судя по воцарившейся в доме тишине, никто на грохот не спешил, дабы проверить, все ли у постояльца хорошо. Кривз, ругаясь, открыл окно.

— К вам приходила ниса Бель? — с интересом спросила плохо видимая в темноте девушка в одежде, свидетельствующей о ее аристократическом происхождении.

Димитрий оперся бедром о стол, скрестил руки на груди.

— Не представитесь для начала?

— Милица нис Аль.

Вот этого он не ожидал. Он зажег лампу, всмотрелся в гостью. Действительно, ниса Аль. Какой-то день посетителей, причем посещают его исключительно юные девы и совершенно неожиданным и даже неприличным образом! Против новомодной "эмансипации" Димитрий ничего не имел, но ни тогда, когда в следствии ее обнаруживаешь ночью в своей комнате девушку с претензиями! Нет, он сам собирался с ней говорить, но завтра. Бессонная ночь в раздумьях о судьбе брата пошла бы ей на пользу.

— Зачем вы пришли? — резко спросил он. Ответили весьма ожидаемо.

— Поговорить. Меня не пустили к вам сегодня.

Да, было дело, прибежал Вито, сообщал о сестре подозреваемого, но Димитрию было не до взбалмошных девиц. Поэтому он приказал мальчишке найти Цветану и поручить ей записать все, что хочет сказать свидетель (/соучастник?). Девицу это, видимо, не удовлетворило.

— Я знаю, у вас бумага с тремя печатями, — сообщила она.

— Поздравляю вас с этим знанием. — Димитрий даже не пытался маскировать холодный тон. — Это все?

— Нет, конечно.

Лампа светила не так уж ярко, но Кривз и без света знал, что девушка бледна. Глаза красные, заплаканные. А если немного пощупать... Внутри — боль, обида, чувство несправедливости, вина... Кислый привкус сожаления... Любовь... Они с братом не были слишком близки, но и никогда не были врагами... Жар жажды действия. Она не может бросить Славена в беде!..

— Я хочу...

Она запнулась, не зная, какую выбрать линию поведения.

— У вас есть два варианта, — начал рассуждать вместо нее Димитрий. — Первый — я вас спрашиваю, вы честно отвечаете на все мои вопросы, все заканчивается настолько благополучно, насколько может в рамках законодательства. Второй — вы отвечаете нечестно, врете, конечно же из благих побуждений, пытаясь помочь брату. Второй вариант губителен и для вас, и для него — поверьте, вашу ложь я почувствую легко. Так что может остановимся на первом?

Она вздрогнула, неосознанно обняла себя руками. Кивнула. Качнулись локоны, в беспорядке лежащие на плечах — утренняя прическа превратилась в сущий кошмар, но сегодня нисе, судя по всему, не было дела до своего внешнего вида.

— Да.

— Хорошо. Садитесь.

Она опустилась на стул. Он продолжил стоять у стола, неумолимой ночной тенью возвышаясь над хрупкой женской фигурой. Подвинул лампу ближе к посетительнице. Ниса действительно выглядела болезненно-бледной. Чертами лица она очень походила на Славена: те же тонкие губы, тот же волевой подбородок, тот же высокий лоб, только волосы имели не темный цвет, а золотистый, и глаза были не зелёными, матушкиными, а голубыми, видимо, в отца. На тонких пальцах красовались кольца и перстни. Очень дорогие кольца и перстни. На каждом пальце, на некоторых даже по два украшения. Это наводило на определенные мысли.

— Вы пришли дать мне взятку?

Девушка вздрогнула, невольно кинула быстрый взгляд на свои руки.

— У меня... Я...

— Не утруждайтесь. Не надо ни врать, ни пытаться меня подкупить. Вы представления не имеете, сколько мне платят.

Жизнью. А жизнь — это самое дорогое.

Откуда такие нелепые мысли?

— Я...

— Что вы хотели рассказать?

Она глубоко вдохнула и заговорила быстро, торопливо:

— Он не виноват. Не может быть виноват. Он ночью только эти свои глупые серенады петь уходил. Наивный. А когда убили Арджу, в тот вечер матушке нездоровилось, он ей читал. Он не мог. Это не он. Слуги! Слуги могут подтвердить, что он был дома! Если не верите родственникам — спросите их! Славен и мухи не обидит! Иначе бы давно свою нису украл!

Ниточка... Горькая, острая, с запахом каленого железа... Какая интересная ниточка!

— Вам не нравится его невеста?

— Она... — ниса замолкла, пытаясь подобрать правильное слово. — Милая. Но... — Девушка опустила взгляд, сжала свою маленькую сумочку и вдруг затараторила, захлебываясь словами: — Понимаете, если бы она по-настоящему его любила, она сбежала бы с ним! Она бы выступила против воли отца, не испугалась бы! Пришла, сказала бы, вызволила! Она не плохая, очень грустная, нежная, тихая, но разве любовь — это не то, что выше предрассудков? Она заставляет делать больше, чем можешь! Разве не должна тихая кричать от боли, когда он сидит там, в этом вашем черном каменном мешке, на старой соломе, в компании с крысами? Разве не должна спокойная требовать, спорить, бежать и делать? Разве не стоит отбросить грусть и стать разъяренной степной кошкой? Славен так о ней говорит! Он такие слова ей писал! Он что угодно ради нее сделал бы! К отцу ее ходил сколько раз! Такой выкуп за невесту предлагал, матушка за сердце хваталась! А она что для него сделала? Что?

Запал иссяк. Милица затихла. Щеки ее покраснели, глаза блестели, и весь вид выражал праведное негодование. Димитрий мысленно вскользь отметил, что ниса на гнилую солому никто не положил бы, не те времена, но говорить ничего не стал.

— Вы знали о ритуале?

Девушка опять погрузилась.

— Без подробностей. Рисунок я не видела. Но Славен помешался на этом, все время говорил, что принесет Ильяне избавление. Каждый раз, когда он не находил ее на каком-нибудь балу или ужине, он бледнел и надолго запирался в комнате. А тут ещё она заболела, и он совсем с ума сошел. Славен твердил, что нис Бель ее убьет. Что ему объяснили: старый аристократ проклят, он питается страданиями дочерей и скоро вовсе сведёт старшую в могилу. И нельзя ждать. Он сказал, ритуал безобиден: знаки двойные, значит, что откроется, то и закроется. Бояться нечего. — Девушка закрыла лицо ладонями. — И смеялся надо мной говорил, что нис Кисл еще научную работу по этому "приключению" напишет. А потом его старик Йозо еле довёз до дома. Не знаю, что было бы, если бы он не взял с собой слугу! Йозс сказал, он даже не сам вышел, его какой-то молодой человек вытащил из того ужасного места. А мы не знали, что и думать! Так боялись! Что он умрет. Что его заберут! Он и теперь ведь не здоров. — Она вдруг встала. Шагнула вперед, протянула было руку к его руке, но опомнилась, отступила назад. Споткнулась об стул, тот проскрежетал ножками по полу. Милица уставилась на свои руки, увешанные украшениями. Димитрий поморщился. Он не желал наблюдать очередное представление. Хватание за руки, слезы, падание на колени — он видел это много раз. Было тошно. Не хотелось чувствовать чужих прикосновений, не хотелось лезть в чужую душу. Но работа — это работа. Его работа — смотреть, что прячется у людей внутри, за десятками масок. И он опять прикоснулся к яркому клубку нитей.

Горечь и соль разъедали девушку изнутри. Огонь, поддерживающий ее какое-то время, угасал, покрывая все пеплом. Запал иссяк, пришла усталость, подкрадывалась обречённость. Ненадолго — не та натура, но на время они возьмут свое.

— Расскажите про Арджу.

Милица кивнула. Села. Сморгнула слезы, начала говорить почти не дрогнувшим голосом. Про знакомство на какой-то встрече для взрослых, где дети страдали от скуки и непонятных разговоров. Про то, как Арджу задирали мальчишка из семьи венцов Добрь, а ей это не понравилось, и она вступилась за странную девчонку с косичками. Милице было обидно не только за дочку купца, то есть "дона", но и за себя. В какой-то мере она понимала девчонку, ведь нисы хоть и аристократы, но "пожалованные" и родам их всего две-три сотни лет, в некотором случае — четыре. Тогда как вены — высший круг общества, старая аристократия, некоторые фамилии известны на протяжении чуть ли не тысячи лет! Мелкий грубиян вен Добрь своей родословной очень гордился и считал себя выше всех, а потому регулярно приставал и к донам, то есть детям купцов-лавочников, и к нисам, и к потомкам военного сословия, сидам. С силой Ярвь они даже подрались один раз, она ему, кстати, нос разбила!

— Мы говорили об Ардже, — напомнил Димитрий устало. За окном совсем стемнело тучи заволочили небо. Хотелось если не спать, то хотя бы лечь, устать в потолок и думать-думать-думать под шум дождя.

Подумать было о чем.

— Мы подружились. Она домашняя такая... Была. Доверчивая. Мы с сидой Ярвь Цветаной, она с вами работает, мы с ней не близко общались, но за Арджу вступались вместе порой. Ее мальчишки иногда задирали. А потом мы подросли. Сиды Ярвь серьезно увлеклась учебой, а потом выпросила у отца должность. Арджа красивой невестой стала, молодые люди смотрели на нее с интересом. У нее необычная внешность, она же полукровка. Была. Арджа добрая очень и милая, но детство она помнила и никогда не поощряла ухажёров из

аристократов. Впрочем, вряд ли у них были серьезные намерения, а немного поволочиться за красавицей — это сейчас даже модно. Но недавно подруга влюбилась. Это был их секрет. Она даже мне не рассказала о нем ничего. Лишь однажды проговорилась, что он равного ей положения, но в хорошей должности, где-то в наместническом управлении, кажется. Я сначала обрадовалась, но потом... Разозлилась, если быть откровенной. Он ей запретил мне рассказывать об их встречах. Я только знаю, она к нему сбегала ночью однажды. А мне все твердила, что такая любовь — самая настоящая. Как у небожителей. Как в легендах об Облачном народе. Как в сказках Старого мира. И глупо улыбалась. А я... Я была против! Если бы он ее действительно любил, не заставил бы выходить на улицу ночью! Это неприлично! А если бы кто-нибудь увидел? Она была бы опозорена! И почему он не мог представиться мне? Или хотя бы ее семье? Отчего такая тайна? Зачем скрывать свои намерения, если они чисты? А она все твердила "Мы как Аойэ и Илан". Я разозлилась. Это у Аойэ и Илан все закончилось хорошо, а сколько в легендах примеров предательства, трусости, глупости?! И я читала ей все это. Пыталась достучаться. Даже нашла историю о Марноле, который тоже просил влюбленную в него девушку держать все в секрете, а потом опоил ее сонным зельем, чтобы украсть ее живое дыхание, срезать ее лёгкие крылья и волшебные косы.

— В тот день вы поссорились? — направил разговор в нужное русло сыщик.

— Да, — ниса нервно крутила на пальцах кольца-перстни, да так, что даже поцарапалась. — Я виновата. Я слишком яростно говорила. И плохое. Про ее жениха. Они давно помолвлены, по ее словам, но никто его до сих пор не видел. Я думала, он хочет ею... воспользоваться. Бесчестно. Я знаю, такие бывают. Она расплакалась, ушла. А я думала, успеем помириться. Она такая здоровая, крепкая... всегда была, даже не болела почти никогда. Как можно было предположить, что мы видимся в последний раз? Впереди нас должно было ждать ещё так много времени! Должно было! А если Славен... Я же сейчас тоже думаю, что ещё успею его обнять!

Она всё-таки расплакалась. Сначала сидела, спрятав лицо в ладони, потом долго копалась, пытаясь отыскать надушенный платочек.

Не было нити коварства. Не было лжи. Ниса говорила правду. Или по крайней мере, сама верила в то, что рассказывала.

— Вы хотите ещё что-то добавить?

Она растерялась.

— А надо? Что? Я скажу. Но сделайте же что-нибудь! Вы должны! Славену очень плохо, ему нельзя в тюрьму! И он не виноват! Разве что в том, что так пылко любит! Это же ваша задача — ловить виновных! А он чем провинился? Любить — не преступление!

— Вызвал на дуэль другого аристократа вопреки Живому закону — раз, — начал перечислять Димитрий. — Инициировал проведение сомнительного магического ритуала, приведшего к смерти трёх человек — два. Скрывал важные детали от следствия — три. И полагаю, я найду, чем продолжить список.

Девушка вскочила на ноги. Стул с грохотом упал на пол.

— Вы... Впрочем, я, верно, смешна в своей глупой надежде найти сочувствие в таком... таком... бесчувственном, холодном, жестоком сердце! Вы наслаждаетесь своей властью? Что ж, наслаждайтесь! Пока есть время! И на вас управа найдется, поверьте! Если слезы обезумевшей от горя сестры для вас — безделица, если глупый влюбленный — преступник, мне остаётся вас только пожалеть! Перстни? О, никакие перстни не заменят чувство власти,

я понимаю, почему вы отказались!

Ее гневная речь вызвала только головную боль. Девушка говорила искренне и искренне горела в ней ненависть и злость. Это было обыденно, привычно. Дмитрий не хотел задумываться, почему. Он хотел выпроводить пафосную нису на улицу, лечь на кровать и думать. Или спать, если получится заснуть.

Но лучше — думать. Нисы Аль, оба, дали хороший простор для размышлений. И девчонку надо бы было пожалеть, но он-то знал, что все равно отпустит глупого парня, только чуть позже. Пусть все успокоится, подумают, что расследование завершено. В такие моменты можно рассмотреть очень интересные вещи. Вот вен Кос, например, как радостно воспринял информацию об аресте! Так радостно, что впору задуматься, чем это вызвано.

— Надеюсь, вас ждёт слуга? — спросил Дмитрий девушку. Внутри вместо эмоций кружилась какая-то гниль-труха, так похожая на пепел девчонки. Серость ночи давила на плечи неподъемным грузом. Все было не так. Нет, это он все делал не так. Судя по количеству дней между убийствами, должно ещё быть в запасе какое-то время, но ключевое здесь — "какое-то".

Ни мотива, ни преступника, ни версии. Только семейные дразги и юношеская влюбленность. Тайны, но не те, что приведут к разгадке. Или все же? Ведь не случайно рисунок оказался именно в это время именно в этой книге. Кто, когда, зачем положил его туда?

— ... Прощайте! — ниса вышла, гордо вздернув подбородок. Даже дверью не хлопнула. Дмитрий, прослушавший ее гневную эскападу, испытал облегчение. Но все равно подошёл к окну, выглянул. Едва девушка появилась на улице, к ней подбежал слуга, проводил к ожидавшему их возку, помог аристократке залезть в него и сел спереди править лошадьми.

Удостоверившись, что девушка цела и с сопровождением едет домой, Дмитрий, наконец, смог заняться собой. Долго сидел над потрепанной записной книжкой, крутил в пальцах то перо, то грифель, то маленький дорожный нож. Мыслей было много, они громоздились в голове неустойчивой башней и выделить главное не получалось. Болела голова. Руки были тяжелыми, чужими. Грифель упал, ножик один раз полоснул по пальцу. Большая кровавая капля упала на пустой белый лист, стекла к середине, пачкая и следующую, голубоватую страницу. Дмитрий посмотрел в потолок. От самого себя было тошно. Совсем все навыки потерял! Сыщик вернулся к созерцанию страницы. Замер.

... Ночь вступила в самую темную свою пору, когда он наконец отложил письменные принадлежности.

Вскоре он лежал в темной комнате на застеленной неоднократно стиранный простыней кровати и опять смотрел в потолок. За окном шумел ветер. Луна то выглядывала, пугая своим жёлтым оком тех немногих, кто мог вершить в это время свои черные дела, то пряталась за тучи, наводя ужас на более законопослушных граждан. Впрочем, законопослушным надлежало в столь позднее время спать.

Город — узелки и нити. Тянутся от одного сердца к другому, яркие и блеклые, сладкие и ядовитые, взаимные и обрывающиеся в никуда. Бьются сердца-клубки: тук-тук-тук... Размеренно, убаюкивающе. Спят.

А кто-то не спит.

Гнев. Холод.

Обида. Беспокойство.

Ссора.

У нее — упрямство, которого он не ожидал, ведь была послушной и покорной. У него — раздражение, неприятное удивление, и как следствие — растущая злость. Бешенство заполняет разум и сердце, выливается за грани разумного, берет власть над словами и жестами. Но он ставит этому бешенству рамки. Его слова — камни, выпущенные из пращи. Его фразы — стрелы с ядовитыми наконечниками. Его голос — безжалостная раскалённая пила.

Ее слова — мокрые осенние листья. Ее глаза — небо, плачущее дождем. Ее лицо — маска тишины. Он — зол и упрям, она — упряма и печальна. И никогда ни одной из этих темных нитей не сплестись со светлой. И не завязать яркий узелок на чужом сердце — только черная лента тянется от алого к алому. Ни один не простит.

И ещё одно сердце не простит тоже. Яркое-яркое, огнем горящее сердце.

Решимость, она всегда с металлическим блеском. Решимость текуча, как ртуть, и одновременно прочна, как илендская сталь. Решимость горит ярким пламенем — но ровно до первого вскрика от боли. У боли тоже огненно-кровавая расцветка и металлический запах. Она теснит решимость, разрушает, разрывает ее, и та опадает белыми лепестками вниз, к босым ногам... Чтобы соткаться в новое прочное полотно.

Боль.

Идея уже не кажется такой хорошей. Прокрадывается сомнение. Проминает решимость, словно бьёт по ней кувалдой.

Боль.

Свинцовой тяжестью наливаются руки. Кажется, поднять их нет никакой возможности и уж точно не получится резко взмахнуть рукой. Особенно по себе самой.

Но руки поднимаются.

Боль.

Вдох-выдох. Решимость вытекает из тела со вздохами, со слезами, сквозь пальцы — дрожащие, но крепко сжимающие хлыст.

Взмах...

Ей будет холодно, когда она выйдет на улицу. И больно. Но эту игру надо доиграть до конца. Кованые ограды — такая прелесть! За них можно хвататься и кое-как идти дальше.

Куда?

Конечно, у нее есть план.

Только не к доктору. Ни за что.

— Только не к доктору! — прохрипит она, падая в такую желанную холодную темноту.

В ночной темноте прячется многое. И многое именно в ней открывает свое лицо. В маленьком домике в конце тихой улочки — самая настоящая буря. До этих пор — невидимая. Эмоции бушуют внутри двоих, но пока ещё они не превратились в слова — не сталкиваются.

Зря я тебя откопала!

Зря ты меня откопала.

Все равно норовишь влезть в петлю!

Все равно на меня никогда не смотришь.

Столько обустривались, и все насмарку из-за глупой выходки! Какая глупость — угрожать сыщику из столицы!

Столько обустривались, день и ночь вместе, но ласковой руки достаивается только зверь. А человек — лишь очередной недовольной тирады.

И ради чего представление?

И ради чего тогда быть человеком?

Зачем выхаживать такого глупого? Чтобы потерять пару лет спустя?

Зачем выхаживала того, на кого теперь и смотреть не хочешь?

Эмоции словно в котле кипят. Так много не сказано за эти годы! Это так странно и обидно — быть одновременно и вместе, и врозь!

Почему ты никогда не подходишь близко человеком, не зверем?

Почему ты никогда не улыбаешься человеку?

Это как будто натягивает что-то внутри. И появляется глупая обида. И хочется сказать колкое. И приходится молчать и хмуриться, чтобы не обидеть злым словом.

Никогда не улыбаешься. Только хмуришься и лопочешь что-то на своем тарабарском себе под нос. Да так грозно, что подойти страшно.

Мне кажется, я такая обуза! И вся эта затея осесть, завести лавку — лишь благодарность за лечения, ставшая цепью, на которую ты посадил себя сам.

Мне кажется, я так нелеп! И стоит шагнуть вперед, коснуться этих странных косичек, и ты поймёшь, что к чему, и нахмуришься ещё сильнее. Это так странно — бояться резкого слова или пощёчины, которые будут непременно, когда ты наконец догадаешься, что эта забота, это вечное "присмотрю за тобой" — не обычное благородство.

Это так странно — чувствовать лишь холодную заботу с твоей стороны и ничего больше. Ни капельки — сверх этого.

Движения раздраженные, резкие. Один комок эмоций трусливо идёт мимо стола — забиться в угол, другой — от плиты к столу с кастрюлей, в полутемной комнате они сталкиваются, и чувства наконец обретают словесное выражение. Зверь прижимает уши и покорно сносит фразы, хлестающие сильнее реальной плети. Он знает, о чем думает, он может так сравнивать. Девушка-из-ниоткуда, странная даже для южанки, браниться на незнакомом языке. И от этого кажется все более далёкой. А потом, неудовлетворенная эффектом, переходит на понятную речь.

Стоит потянуть немного вот тут и тут. И эту нить. Пусть говорит, как есть.

И она говорит. Бранится и говорит. Что он дурак. Что зря полез тогда защищать — она бы справилась, просто испугалась и не сразу сообразила, что делать. А сегодня зачем влез — совсем непонятно. И теперь его дурака точно повесят. Или посадят на кол. Или ещё что похуже сделают. А как ей дальше жить без него, он не думает. Он вообще о ней не думает. Ходит холодный такой, неприступный, подойти лишний раз боязно. Господин "Я-все-могу". Живёт ее тенью, встречает-провожает, за спиной прячется, а что ей с того? С этой лавки, с этих людей, даже с его провожаний? Шел бы рядом хотя бы, а не в кустах прятался! Ей плевать на все. И на всех. Только бы шкура его была цела. Дурака такого.

И зверь искрит. Весь — комок огненной радости. Зыбкая, хрупкая, невесомая, она заставляет прижатые к голове уши распрямиться, тело — сменить форму, и вот уже человеческие руки неуверенно тянутся к девичьим плечам, чтобы обнять. И буря перерастет в иное, и будет собрана наутро повозка, и будет степная дорога, но все это такие мелочи, если держаться за руки... Марина сказала бы точно, она многое знала наперед, она глядит дальше и видит больше. Но здесь и так всё ясно.

Тьма течет по городу, словно волна, умывает лица, смывает маски. И прячась во тьме, по улицам ходит Зверь. Не тот, который обращается в лохматое нечто. Этот имеет

человеческое лицо и шерсти на нем нет, но нутро у него — яма с кольями. Он умный, он знает, что охотиться рано, но не может ждать. Его ведёт свое-чужое. Беда? Какая, где, чья? Почему чужая беда — его? Что ему нужно? Ему нужно новое... Нужно попробовать ещё. Столько было вариантов! Этот должен подойти точно!

Могущество. Его отголоски мешаются с беспомощностью. Выбор есть, но выбора нет. Если потянуть здесь — клубок распадается на самые разные нити, но вот сожаления нет. И вины — тоже. А значит, нет шанса ни у убийцы, ни у города. Его тень — огромная, черная, накрывает город. Он знает, куда идёт. Он знает, как сделать так, чтобы не вызвать подозрений. Есть только одна беда, одно препятствие, но и она устранима.

Следом скользит по земле другая тень. Она мельче, она вся какая-то скукоженная, кривая, нити в ней настолько перепутаны, что невозможно отделить одну от другой, не порвав. Но если присмотреться, не трогая... Что же тут? Ах, какая вкусная ненависть внутри! Вот здесь краешек мелькнул! Но... к самому себе? Сколько на нее намотано! Презрение, страх, жалость, обида, одиночество, тревога, отвращение, боль, зависть, усталость, печаль, ярость, безысходность, гнев, бессилие, грусть, стыд... Все это так смешалось, что и общий цвет выходит какой-то грязный, и запах, словно от помоев... Но есть... Что-то есть за этим ещё... Невидимое... Совсем незначительное... Зёрнышко, утонувшие в болоте — и не умрет, и не прорастет.

Город спит, но живет. Зверь никуда не ходит, он только ждёт. Тень с зёрнышком, которое так и не удалось рассмотреть за грязным комом, околачивается рядом. Этот человек ничего не делает, только сам себя пожирает изнутри. Тяга к саморазрушению настолько сильна, отторжение себя самого настолько серьезно, что это уже больше похоже на болезнь. Вот бы увидеть лицо, до чего же любопытно! Но, как назло, рядом нет зеркал...

Город спит. Осторожно пробирается по его улицам тот, кто меняет лица. О, он совсем другой! Цельный, плотно сбитый, крепкий, знающий, чего хочет. Его нити-эмоции четкие, яркие, ничего лишнего. Сосредоточен, не глуп, основное желание — нажать состояние, занять определенное положение. Карьера — хороший способ. Главное выполнять, что говорят, и молчать. Что там ещё, под этими нитями? А, вот и истинное лицо! Ему это нравится! Нравится притворяться, играть, врать. Это даёт ему чувство превосходства над другими, осознание собственной значимости. Он знает истину, другие — только то, что он им позволяет видеть.

Кто ещё не спит этой безумной ночью? Старик с подагрой, мать, укачивающая ребенка, влюбленный в девочку-соседку подросток... Все не то! Это случайные люди, чужие. Не те! Больная старуха, дописывающий статью газетчик...

Маленькая душная комната. Дрожит свеча, капает воск — главное, чтоб не на книгу! Гость, вошедший без стука, словоохотлив и красноречив. Бумага, чернила, кривые буквы.

Испуг. Понимание. Безысходность. Покорность. Ярость. Страх.

Этот маленький комочек уходит. Растворяется среди улиц города — никто не найдет! Она догадалась, что никто не найдет, никогда, но что она может сделать? Только ждать.

Предраассветные сумерки съедают мужчину, девочку, город со всеми его жителями — бедными и богатыми, беспокойными и мирно спящими. Расползается холодный утренний туман, пробирается в открытые окна, кусает холодными зубами все, что не укрыто одеялом.

Если бы существовал только он — почти знакомо.

Почти.

Грохочет посуда. Димитрий просыпается. Лежит несколько мгновений на кровати,

уоставившись в потолок пустым взглядом, а потом подрывается.

Он безумен? Пусть. Пусть будет так. Как он был бы счастлив, если бы было так! Если бы все увиденное было неправдой. Мороком, ложью, выдумкой больного воображения.

Но он знает, что врёт себе. И он спешит. Собирается очень быстро, но тщательно. Сбегает вниз по ступенькам, едва поздоровавшись с Властой, толкает дверь, ныряет в холодный утренний туман.

Он точно знает, что будет ещё одна жертва. Уже есть.

На этот раз это ребенок.

Глава 15. Выбор

Фигура у входа в здание службы охраны правопорядка сначала показалась Димитрию полумифической, сотканной из сумерек горгульей. Потом неизвестный поднял лицо — и сыщик рассмотрел девушку. Она сидела прямо на ступеньках, обнимая колени. Было непонятно, где заканчивается туман и начинается светлое платье нежданной просительницы. То, что незнакомка будет что-то просить, он не сомневался. Лицо заплаканное, губы искусаны до крови, платье из дорогой ткани, но лёгкое, домашнее, на плечах — темная "простонародная" шаль, совсем неподходящая такой даме. Схватила, опомнившись, уже выбегая из дома? Или сунула в руки сострадательная служанка?

Димитрию очень хотелось ругаться, но он только устало произнес:

— Встаньте. Простудитесь.

Она покорно встала. Всмотрелась в его лицо, о чем-то раздумывая.

— Вы — сыщик Кривз?

— А вы кто?

— Ниса Бель.

Наверно, удивление отразилось на его лице. Ниса покраснела, но взгляд не отвела.

— Я хочу поговорить с вами.

Димитрий стукнул в дверь три раза. Дежурный высунулся в окно сбоку от двери, узрел начальство и наконец отпер засов, что-то ворча. Да, время было раннее, но обстоятельства подхлестывали.

Следовало торопиться.

— Проходите.

— Благодарю.

Нерасторопный тучный дежурный отвёл их в какую-то комнатку. Димитрий сел за стол. Девушка — напротив. Стул под ней был неровным, неудобным, но она чинно сложила руки на коленях и неподвижно замерла, как и положено благородной нисе из приличной семьи.

— Вы хотели поговорить.

— Да.

Молчание.

Все самому опять делать!

— О Славене?

— Да.

— Он сознался в проведении ритуала.

— Разве это карается законом? У него не было дурных целей!

— Но в результате эксперимента три человека погибли и два пострадали.

— И один из них он сам.

— Что вы от меня хотите?

— О...отпустите его?

Впору было рассмеяться.

Время!

— Нет.

Он встал. Ниса вскочила следом.

— А если я скажу, что это я просила? Я это придумала? Я сказала ему, что это безопасно! Он не говорит этого, потому что влюблен. Он выгораживает меня!

Нет для следствия ничего хуже ложной информации!

— Тогда пусть сидит за обман сыскного отделения.

На пороге возник сонный Вито.

— Сыщик Кривз! Доброе ут..! — попытался изобразить он рабочий энтузиазм.

— Портреты готовы? — перебил паренька Димитрий.

— Надо спросить в...

— Беги к ним. Хоть окно выбей, а чтобы ответили немедленно. Если да, забирай и сразу развешивай. Их должны увидеть все. Абсолютно все!

— Да, я пом...

— Нису оставь пока здесь. И пусть дежурный добудет чего-нибудь горячего. Горячего, а не горячительного!

— Конеч...

— Мне нужен адрес аптекаря. Иди.

Вито испарился. Димитрий обернулся к девушке.

— Вы знаете, почему ваш отец так жесток с вами?

Она не отвела взгляда, хотя ответ вряд ли дался ей легко. О таком не говорят в приличном обществе. И тем более не обсуждают это с незамужними юными аристократками.

— Возможно.

— Полагаю, вы всю жизнь были верной и послушной дочерью, пытаетесь доказать обратное?

На кончиках ресниц появились слезы. Но девушка все так же упрямо смотрела ему в глаза. Не отворачиваясь.

— Мне сложно ответить на этот вопрос. Нис Бель считает иначе.

Нис Бель. Вот как.

— Надеюсь, ваше благоразумие осталось сегодня при вас. Вы же знаете, что содействие преступнику карается высшей мерой наместного* судопроизводства?

Ему было интересно, что она скажет, что сделает, насколько простирается эта ее "любовь".

— Благодарю. Теперь знаю.

— Хорошо.

Он развернулся, собираясь уходить.

— Простите, могу я поискать одеяло? Я замёрзла. И, возможно, у вашего дежурного найдется немного кипятка?

Она действительно дрожала от холода. Просидеть половину ночи на улице у дверей каменного здания в одном домашнем платье и старой шали — занятие, не благоприятствующее сохранению здоровья.

— Конечно. К тому же вы вольны вернуться домой в любое удобное для вас время.

Вот теперь она вздрогнула. Он не видел этого, но ощутил каким-то неведомым чувством. Этим своим даром-проклятием.

— Благодарю, — раздалось из-за спины. Вежливо, спокойно, недрогнувшим голосом. А у нее есть самообладание.

Ну, хоть что-то у нее есть.

Димитрий попрощался и вышел.

Адреса было два. Хозяина аптеки и его помощницы. В доме аптекаря было пусто, видимо, он не особо часто сюда заходил. В маленьком домишке, где жила Рейфи, наоборот, все дышало недавно покинутым бытом. На столе стоял остывший суп, на сундуке валялось какое-то тряпье, в углу — фигурки из дерева, у входа прислонен к стене топор... Кажется, хозяева вышли на минуту на улицу и вот-вот вернуться. Но если присмотреться — слишком много беспорядка. Словно здесь собирали впопыхах вещи.

Не вернуться. Уехали. Ещё до рассвета. Димитрий зло пнул стоявшую тут же пустую кадку.

— Демонов оборотень! Уехал, когда так нужен!

Волшебства не случилось. Никто не появился со словами: "Чего шумите? Здесь я, здесь." Уютный и обжитый дом был покинут в спешке. И возвращаться сюда никто не собирался.

Чудес не бывает. Эта простая, давно познанная истина, наконец, дошла и до его головы. Снова.

Сам! Делай сам, ни на кого не надейся.

Но конечно и виноват тоже сам. Спугнул.

Надо представить план города. Вспомнить ощущение, которое вело его ночью.

Очень надо. Юные девушки не должны чувствовать бесконечную боль. Дети не должны умирать в муках. Два места — боль и страх. Эти два места надо найти. Может ли оказаться это ложным следом? Да. А может и не оказаться.

Город... Город — это лабиринт чужих эмоций...

Боль. Боль у каждого своя. За зеркалом — целых две боли. Одна яростная, жаркая, целеустремлённая. Другая — застарелая, уставшая, с чувством безысходности, на нее кровоточащим знаменем нанизано всеобъемлющее, отдающее фанатизмом желание всех спасти. Димитрий никогда ещё (в этом городе, по крайней мере, ведь он познает себя заново) не смотрел вот так, через зеркало, но стекло хоть и размывало отголоски эмоций, однако не прятало их.

— А... Доктор?

Очнувшаяся девушка спрашивает напряжённо.

— Нет, — отвечает Дарьян. — Вы требовали ехать куда угодно, только не к нему.

— Но это...

— Его лечебница, да. Однако он о вас не знает. Это моя врачебательная комната, сид Угль сюда уже пару лет как не заходит.

— Благодарю. — Она со вздохом облегчения уронила голову обратно на подушки.

— У вас... Было много крови, я посмел сделать перевязку, иначе могло начаться заражение. Тем более платье и так было расшнуровано и порвано...

— Благодарю! — повторила ниса нарочито беспечно, но взгляд за спину кинула. Лежать на животе было неудобно, перевернуться же казалось непосильной задачей — каждое движение отдавалось невыносимой болью в спине.

Дарьян переставлял на полке какие-то баночки-склянки. Взгляд Нисы упёрся в его спину. Белая рубашка, закатанные рукава, волосатые руки. Было, конечно, немного страшно, но бить себя розгами — страшнее. Тем более, лучше помощник доктора, чем сам сид Угль. Сид покрывал отца, а Дарьян...

— А что вы делали ночью на улице?

— А вы?

Хам!

— Искала спасения.

— От кого?

Это было очень неудобно — разговаривать с чужой спиной!

— От... Папеньки.

Дарьян вздохнул.

— Ниса Бель, я многих лечил. Характерная особенность ваших травм — сильное повреждение надлопаточной области и плеча, досталось и шее. То есть... Как будто вас били не со стороны спины, а со стороны груди...

Ниса вцепилась в одеяло. Как можно язвительные произнесла:

— А вы что же! И... с той стороны лечили?

— Вы не заметили, что лежите в собственном платье? Я лишь разрезал на спине нижнюю сорочку.

— Но бинты...

— С той стороны поверх сорочки. Если понадобится переделать, вам поможет... более безопасное лицо.

Обиделся, что ли? Это вопрос ясно читался на лице нисы.

— К тому же я счёл, что это лишнее. На платье спереди не было крови. Что говорит о том, что...

Девушка попыталась встать. Боль пронзила спину, из глаз брызнули слезы.

— Меня окружают одни идиоты, — прошипел Дарьян, подбегая к кровати. — Вы в своем уме?

— Если вы... Если вы скажете! Если вы! Я!

Она задыхалась не столько от боли, сколько от осознания проигрыша. Сделать задуманное было очень тяжело, очень страшно, но... Все не могло закончиться так! Не должно!

— Вы...

— Я рекомендую вам лежать. Если вы хотите, чтобы следы вашего самоуправства зажили быстрее.

Дарьян держал ее за локоть, пытаясь не дать встать. Ниса пыталась рассмотреть его лицо сквозь слезы, но не получалось.

— Ведь чем быстрее заживёт, тем меньше к вам будет вопросов.

Она поняла не сразу. Но где-то через минуту прошептала:

— Отпустите, — и уткнулась лицом в подушку.

— Если вам нужно врачебное заключение...

— Вы не доктор.

— Доктор.

— Что?

— Я сдал экзамен и получил лицензию.

Девушка даже слезы вытерла.

— Когда? Никто не знает! Все считают вас помощником сида!

— Наставник тоже не знает.

— Почему?

— Я не уверен, что он обрадуется.

Девушка зло рассмеялась.

— Так ему и надо! Пусть попробует теперь поработать, когда у него будет такой конкурент!

— За что вы его не жалуете?

— А вы почему с ним не откровенны? Храните тайны. Хотя он всем рассказывает, что вы ему как сын! Однако фамилию свою он вам не дал! И двух ваших товарищей свёл в могилу, всем известно!

— Ложь, — спокойно возразил Дарьян, опять отходя к полкам. — Они сами виноваты.

— Неужели? Дети не могут...

— Могут. Дети с улицы, ниса, это не тоже самое, что отпрыски благородных семей. Мы спорили, ссорились и дрались. Желчь зарезал Дурака, наставник вернулся слишком поздно и уже не мог ничего сделать. На какое-то время он разочаровался во всем и не занимался нами. Желчь вернулся к воровству, убегал из дома ночами. В итоге наткнулся на тех, кто сильнее: его раздели до рубашки и босым отправили домой. Была зима. Он заболел. И не выжил. Никаких тайных ритуалов никто не проводил. Просто детская глупость и жестокость.

Ниса молчала. Дарьян же явно не хотел, чтобы она на этом застряла внимание, и продолжил говорить:

— Про нису Аль тоже говорят, что она ведьма, но иногда зелёные глаза — просто зелёные глаза, без чародейства. Вот про аптекаря тоже говорят нехорошее, что он мертвецов поднимает, но на самом деле никто его у могил не видел.

— Его и просто так никто не видел, — буркнула ниса, обожавшая когда-то слушать страшные городские байки.

— Но затворничество ещё не делает человека преступником, правда?

— Да. Но почему он не выходит из дома? Может, он всё-таки... Какой-то не такой?

— Мы все для кого-то "не такие", разве нет? Но мы не об этом. Я напишу вам заключение. В нем не будет лжи. Но и не будет слишком много подробностей.

Нисе жутко хотелось вскочить, дёрнуть помощ... доктора за руку, развернуть к себе. Что за отвратительная привычка стоять к собеседнику спиной! Это неуважение, и не по этикету, и...

— Зачем вам это?

— Полагаю, если человек вашего положения делает такое с собой, для этого есть более чем веские основания.

— Есть. Правда, есть! Это не для меня, но... Это очень важно! Совершенно особое обстоятельство! От этого зависит целая жизнь, а может, две! После вчерашнего скандала, что она устроила... Он убьет ее... Его всегда бесит ее спокойствие, ее молчание. А теперь слова стали ещё большим ядом. Он... Понимаете...

В руку сунули стакан.

— Попейте. Все будет хорошо.

— С-спасибо...

Уйти.

Не то. Не боль. Значит, страх? Где та девочка?

Видение померкло, зеркало растаяло, как и комната за ним. А появилось нечто другое, старое, давно сбывшееся.

Воспоминание.

...Мальчишка уже не кричал. Только хрипел, периодически сплевывая кровь. Димитрий не знал, что делать, а Марины не было. Зато повсюду были красные пятна: на соломенном тюфяке, на рубашке ребенка, на одежде Димитрия и даже на его руках. Смотреть на это было страшно. Слышать — невыносимо. Димитрий пытался больному что-то говорить, но он не знал сказок, ему их не рассказывали. И песен детских он тоже не знал. И что делать с умирающими детьми не ведал. Оставалось только говорить пустое "потерпи" и мечтать о мгновении, когда эти ужасные хрипы прекратятся и перестанут мучить их обоих. Было холодно и страшно, потому что совершенно неясно, что предпринять, а Марины нет, и...

И хрипы прекратились. Мальчишка уставился куда-то в угол стеклянными глазами и затих. Димитрий замер в ужасе до этого мгновения он терзался сомнениями, как себя вести, он не знал, что делать с посторонним ребенком, насколько позволительно гладить чужого сына по голове или сажать на колени (но он видел, так делают родители со своими детьми или какие-нибудь тётушки-дядюшки), поэтому он не трогал мальчишку, когда тот плевал кровью, только пытался отвлечь его разговором. А теперь все это уже было неважно. И казалось, что на самом деле он пожалел крохи тепла, что рука на плече могла дать облегчение и поддержку отравленному мальчишке, хотя бы ощущение, что он не один, но не дала, потому что один идиот не смог перебороть собственную трусость. Иногда лучше сделать и ошибиться, чем не сделать и оставить умирать в одиночестве еще ничего не видевшего детеныша.

Внутри невыносимо жгло.

Димитрий закрыл ребенку глаза. Теперь можно было не ждать Марину. Надо бы уйти, ему здесь больше делать нечего, но ноги словно приросли к полу. Мальчишка лежал на грязном тюфяке — бледный, тонкий, сжавшийся в комок. И с этим нельзя было ничего поделать. Совсем. Смерть необратима. Смерть от нового уникального яда ещё и болезненна.

Если бы мразь, что травит "неправильных" детей, зашла сейчас в эту комнату, Димитрий не удержался бы. Точно не удержался бы. И наслаждался бы чужой болью сполна. Ведь все говорят, это и есть его натура — причинять боль, пить ее, словно вино. Ох, сейчас стоило бы напиться вволю!

Время неумолимо текло вперед. Тело коченело. Димитрий молчал. Теперь было незачем говорить: "Потерпи, все будет хорошо." Мальчишке больше ничего терпеть не придется.

А всё-таки жаль, что струсил, не погладил ребенка по голове. Ведь сам когда-то мечтал о простой ласке. Но мать была безумна, а бабка порой держала его, как собаку, на цепи. Наверно, подыхая в темной комнате на набитом соломой тюфяке, ему хотелось бы этой простой милости.

— Прости, — сказал Димитрий и встал. Ждать Марину больше не было смысла. Даже если она найдет что-то, способное бороться с ядом, этому ребенку лекарство уже не поможет.

Собственное тело казалось воском. Горячим и текучим.

К демонам правила. В конце концов, он — тоже чудовище, только поставленное на службу государству. Как и остальные в их группе. Прозванием "отдел вырожденцев" все пользуются гораздо чаще, чем официальным. И такое наименование порой надо оправдывать.

Он неслышно прикрыл дверь. Оставить мертвого ребенка одного казалось кощунством, но Димитрий понимал, что это всего лишь эмоции — глупые и ненужные. Надо рассчитать время. Как быстро подействовал яд? Кто был рядом? Как далеко мог уйти? Действовать! Надо действовать!..

Действовать. Да.

Город — полотно цветных пятен. Где ходила девочка? Где боялась? Ее увели прямо из дома. Она умненькая, поняла, что происходит, но показывать этого не стала. Боялась, но делала вид, что поверила. Могла ли что-то оставить, какой-то намек? Кто она? Откуда? Есть ли до нее кому дело? Придут ли обеспокоенные родители просить ее найти?

След терялся, растворялся на городских улицах. Нет, невозможно заглянуть ни в прошлое, ни в будущее, не его стезя, его дело — читать в душах, вытаскивая на свет самое грязное и потаенное.

Не получается найти следы, не получается!

Димитрий открыл глаза. И обнаружил, что лежит на полу в доме Рейфи. Затылок болел невыносимо, голова ощущалась расколотой на части, видимо, он сильно стукнулся, когда падал.

— То же мне, дар, — буркнул сыщик, поднимаясь. Потрогал голову — к его удивлению, она оказалась единым целым. Кривз отряхнулся, поморщился и покинул дом шаркающим шагом ещё не полностью ориентировавшегося в пространстве человека.

По дороге к зданию охраны он успел расспросить подвезшего его на телеге деда о местной власти. Тот с охотой жаловался на все подряд. Димитрий заплатил с лихвой, попрощался и поспешил внутрь служебного помещения.

Вито ещё не вернулся. Зато дежурный аж подскочил, увидев начальство.

— Что случилось? — проницательно спросил Кривз.

Дежурный, запинаясь, рассказал. История действительно вышла презанятная.

Ниса Бель сидела на лавке и молчала. Нис Аль ходил из угла в угол, красный то ли от смущения, то ли от возмущения, то ли от злости. А может, от всего сразу.

— Ну, здравствуйте.

Славен вздрогнул, остановился. Его невеста даже не подняла головы.

— Я так посмотрю, вы без меня не скучали. Вот, свидание незапланированное устроили.

— Именно! — схватился за спасительное слово нис. — Свидание! А этот солдафон, — кивок в сторону дежурного, — не так все понял!

— Уважаемая ниса открыла замок! — пояснил толстяк свое поведение. Ему было неловко. Вроде вон какие подопечные-то, аж нисы! С другой стороны, служба обязывает.

— Обниматься сквозь решетку не очень-то удобно! — с честной обидой буркнул молодой человек. Ложь, конечно, прикрывает возлюбленную. Хоть и злится на нее. Можно было потянуть за эту злость... Но Димитрию не хотелось. Эти люди его теперь интересовали мало.

— А чем ниса открыла замок?

— Энттой... Шпилькой!

Димитрий посмотрел на девушку. Та сидела все так же: прямо, неподвижно, смотрела в сторону. Наверно, подобное поведение очень бесило ее отца, когда он пытался ее вразумлять.

— А зачем ниса открыла замок?

Она молчала. Славен пылко заявил:

— Мне хотелось обнять ее перед... Не знаю, что там полагается по закону в моем случае. Она просто позволила ее обнять! Я же никуда не ушел, зачем этот балаган?

Кривз перевел взгляд на дежурного. Тот закивал.

— Так точно. Отказался выходить.

Ну что ж, эту страницу можно закрывать.

— Зачем?

Она наконец посмотрела на вошедших.

— Я с ним. На волю или в могилу. Вам решать. Но вместе.

Димитрий вздохнул.

— Откройте нису. Ниса Бель, вы можете вернуться домой в любое удобное для вас время.

Дежурный загремел ключами.

— А нис Аль?

— Остаётся здесь. Впрочем, если вы хотите посидеть с ним по соседству, милости просим. Надеюсь, вы не боитесь мышей.

Совершенно неожиданно ниса оживилась.

— Не боюсь.

Славен посмотрел на них возмущённо, но высказывать свое недовольство при посторонних не стал.

Димитрий направился к выходу.

— Вито не...

— Същик Кривз!

Цветана бежала по лестнице, перепрыгивая ступени, высоко приподняв юбки — совершенно неприличное и, что важнее, нехарактерное для девушки поведение.

— Вот! — ему сунули в руки какой-то мятый клочок бумаги.

— Успокойтесь! Что это? Что случилось?

Цветана закрыла лицо ладонями и разревелась.

— Лада пропала!

*Высшая мера наместного судопроизводства — заточение в тюрьму. Смертная казнь — высшая мера центрального судопроизводства. Однако их постоянно путают, и Димитрий это знает. Поэтому он намекает девушке, что если она поможет арестованному, то может лишиться жизни, хотя на самом деле это не так.

Глава 16. Рассуждения и догадки

Время казалось кровавой рекой. Так всегда бывает — к кому-то не успеваешь. Те мертвые, что были мертвыми до него — другое. Жалко, но он не видел их в другом положении. Когда живое становится мертвым на глазах, это...

Нечестно.

Какое-то абсолютно детское слово.

Невыносимое.

"Милая мая пакравительница! Батенька ваш в чера озлился на меня и обесчал розаг, а я ничаго, я же как лутше хотела, па дому помоч. Вы миня всигдапанимали, смею надеится, поймети и сичас. Помните, вы читали мне книгу про Ортоса Путишествиника? Я тож хочу путишестовать. Вот захочу, к горе, пойду. Захочу, в пищеру полезу. Я вам патом вернусь и падарков привизу. Багатых. И батюшки вашему, штобы на миня ни злился.

С надеждой на встречу, ваша Ладочка-бабочка."

Цветана рыдала у окна. Димитрий сидел за ее столом и в пятый раз читал злополучную записку.

— Но вы не верите, что она сама ушла?

— Не верю!

— Хлеб и окорок пропали?

— Да.

— И сменная одежда?

— Да. А деньги из ее тайника — нет! Она бы без них не ушла!

— Сид Ярь действительно ей грозил розгами?

— Да.

— Почерк ее?

— Да!

— Стиль ее?

— Да. Нет! Мы с ней договорились, что она никогда не будет звать меня покровительницей! И "Ладочка-бабочка" — так ее называл наш конюх, дед Тибор, а ей не нравилось! Она жутко злилась, говорила, что не бабочка, а настоящая воительница. Пришлось мне просить Тибора ее не дразнить. Она бы никогда так не подписалась. И про Ортоса Путешественника я ей правда читала, но история в горах о том, как у горного народа похитили принцессу, а все думали, что она сама сбежала. Мы с ней так иногда играем в тайные послания — пишем записки с намеками. Ей очень не нравится учиться писать, а так ее можно заставить выводить буквы. Она даже старается. Это же не просто каллиграфия, это целое шпионское послание!

"... С надеждой на встречу..."

От этих слов бросало в дрожь. Так не подписывают письма.

Она ведь ещё надеется, та девочка?

— Ясно. Благодарю вас за информацию.

Цветана перестала плакать.

— Вы сделаете? Мы будем искать ее?

— Да. Немедленно.

— Спасибо! Спасибо! Отец посмеялся надо мной, сказал, это нелепо и глупо, ведь есть письмо, и никто не будет заниматься какой-то девкой с улицы с воровскими наклонностями, когда она сама пишет, что сбежала! Спасибо! Я знаю, понимаете, точно знаю, что это не так! Я...

Димитрий не выносил слез.

— Успокойтесь! Нам нужна трезвая голова! Если девочку увели из вашего дома, значит, либо это кто-то из слуг, либо кто-то, входящий в дом. В любом случае мы идём к вам, вы собираете всех, кто был в доме этой ночью, а лучше вообще всех, и мы попробуем найти ниточку, которая приведет нас к похитителю.

— Да. Конечно. Я уже успокоилась. Не могу понять, зачем она им, вероятно поэтому так страшно.

Для очередного ритуала. Но Димитрий эту мысль озвучивать не стал. Вряд ли она могла успокоить сиду Ярь.

Дом Цветаны встретил сыщика настороженной суетой. На их счастье сид Ярь куда-то отбыл, а Цветана была в достаточной мере независимой девицей, чтобы ее слушались и без отца. Слуг по совету Димитрия собрали на кухне и оттуда по одному провожали в кабинет управляющего, где и расположился сыщик. Допрос ожидаемо затянулся. Мелкие секретники Димитрию были не интересны, а больших никто не предлагал. Одни молчали, хоть иглы под ногти загоняй, другие рассказывали взахлёб: кто тижийскую траву курит, кто к кому ночью приходил, откуда у "Главного" деньги на собственный дом — управляющий якобы какое-то время назад сделал дорогую покупку. Ворует, не иначе! Ворует, а вот Мих присел на хозяйскую софу — так уволил дурака! Тот, конечно, сам хорош, ленив да охоч до горячительного, но и Главный тоже не небожитель. Вот Иванка видела давеча за полночь...

Сплетни приходилось выслушивать, фильтровать, но ничего полезного не находилось. Информация о прошедшей ночи была невероятно скудной. Максимум — услышали, что дверь хлопнула, перевернулись на другой бок и заснули.

— Где спала Лада?

— Так по указу хозяйки у нее своя комната была. Не барская, конечно, что вы, сид Ярь не позволил бы! На чердаке комнатка. Премиленькая. С печкой-обогревайкой! У сиды там цветочки какие-то росли по углам, так девка их поливала. Вообще сида-то наша хорошая! И ладная, и складная, и на слуг рявкнет, если надо, и милосердие тоже имеет. Вот подобрала беспутную, возиться с ней, как с дитем, а ей своих пора нянчить! Вот коли б нашелся хороший человек, да должным образом устроенный, нарожала бы она ему детишек! Она ж девица бойкая, и мужнину работу сложную поймет, и поможет чем. В столице и то такую умницу не сыщите!

— Идите.

— А вот как она...

— Идите!

...

— Лада спала на чердаке?

— Та шо! Да тама не щердак, тамося цельные хоромы!

— И окна с красивым видом?

— Та шо вид! Вид обыкновенный! У сад выходить! Да комната-то большеванная! И не над господской спальней, а у стороне! Чтоб, значаца, проделки ея сид поменьше видывал и

слыхивал! Да и то верно! Девка, что собачий хвост — не углядишь, то вправо, то влево! Токмо тут была, глядь, а она уже на том краю улицы! Аки звереныш! Да и как углядеть — тама и выход свой, отдельнай. Прямо у сад! А девка егоза! Вот в наше время таких розгами-то секли почай каждый день! А коли...

...

— С чердака есть отдельный выход?

— Так точно!

— Осматривали?

— Так точно! Стефан там лазил. Сид рукой махнул, а сида приказала — ну и осмотрели.

С батенькой-то они разберутся, а нам на хлеб заработать надо! Уволенным никто быть не хочет.

— Хорошее место?

— Так не лучше другого, да и не хуже другого. Хозяева платят, не самодурничают — и слава Отцу!

— И что нашли у лестницы?

— Так там такая лестница — то ли забаву для детей делали, то ли ещё что, сейчас не упомнит никто. Что там найдешь? Ни острых углов, ни скользких ступеней. Никто ничего нигде не рвал, не ронял, не падал.

— И следов нет?

— Так точно, нет! Слуги по саду уже находили. Да и дождь был, смыло небось.

...

— Много посторонних в доме бывает?

— Как пожелает сид.

— А как он желает? Гости часто ходят?

— Захочет хозяин — приходят. Не захочет — гоним.

— А вчера кто-нибудь заходил? Молочник, юродивый, посыльный от портного, слуга друга, семья нисов на чай — кто-нибудь был? Неважно по какой причине.

— Это вам лучше спросить у хозяина и управляющего.

— А вы сами кого-нибудь видели?

— Это нужно уточнить.

— У хозяина???

— У хозяина.

— Вы издеваетесь?

— Это лучше уточнить. У хозяина.

...

Секретарь сида был то ли туп, то ли нагл, то ли слишком предан начальству, то ли все сразу. Очень хотелось встряхнуть глупого мужичишку, вдавить в стену — так, чтобы гулко стукнулось тело о дерево, оскалится, словно зверь — и посмотреть, что он скажет тогда. Будет ли так упорен в замалчивании нужной информации, если перед ним станет не человек — выродок этого мира? Или тоже обмочит штаны?

— Мы — осколки чужого предела,
Мы — остатки других поколений,
Не найти нам ни места, ни дела,
И не важно, кто тварь, кто творение.

*Мы — изнанка чужого припева,
Мы — обрывки чужих злодеяний,
Мы — сосуды для боли и гнева.
На нас тень от веков-изваяний.
Каждый мертв. Каждый жив. Каждый ранен.
И оковами кажется тело.
Режут времени острые грани.
Места нам не найти, только дело.*

— Да успокойся ты! Как наговоришь ерунды, непонятно, то ли плакать, то ли смеяться! Разнылся опять!

— Работа у меня такая!

— Вот и тяни свою слезодавилку на работе! С подопечными! Нас зачем тревожить?

— Так все-таки тревожу, Ведьма? — усмехнулся Плетун. — А ты, Демон, что скажешь?

— Что морда у тебя больно гладкая. Подправить можно, — услышал Димитрий свой собственный голос из прошлого.

Тогда в их отряде... поссорились? Только Каменная хранила строгое молчание. Вот и секретарь этот молчит, скотина, а ведь время идёт!

Испуг? Да, испугался. Чего? Нет, это не личное, что-то постороннее. А от кухни такая какофония! Столько намешано! Глупая была идея собрать всех в одном месте. Эти клубки так переплелись, поди разбери, где чье. Страх, злоба, скука, неодобрение, возбуждение, удивление, недовольство...

А если глубже? Раствориться. Залезть внутрь. Самую сердцевину тронуть! Вина? Нет здесь не ее искать надо. Страх? Может быть, да они все боятся. Жадность? Вероятно. Что, как не деньги, ведут человека на темную сторону?

Нежно, бережно перебирать струны чужих душ. Яркие, тусклые, блестящие, грязные, запутанные, ровные — в каждой всего намешано в разных пропорциях. Никто не небожитель, никто не демон. Жадность... подворовывает... Похоть... спит с управляющим... Страх... болеет дочь... Страх... испортила хозяйское платье, не доглядела... Жадность... померла мать, делят с братом ее дом... Восторженность... влюблена... Зависть... соседкин муж той бусы купил, а ее ей оплеуху выписал... Возмущение... вот расселись-то, эдак и еда не успеет сготовиться к обеду...

Сколько же тут всего! И вот ещё... И ещё... И...

Маловероятно, что нужное, но ведь попробовать можно?

Серое, кислое, с запахом несозревших ягод... Одна нить из серого комка... Если...

В мир резко врываются цвет и звук.

Вода стекает по лицу.

— Да не трогал я его!

— Если только! Да я тебя! Со свету сживу! И папеньке расскажу!

— Да я виноват, что он у вас припадочный?

Опять? Ну, теперь понятно, чего испугался секретарь.

— Всего лишь последствия давней болезни, — соврал Кривз, открыв глаза и обнаружив себя на полу. Свалился со стула, ясно. Он сел, держась за голову. — Бывает. Но редко. Ниса Яр, работник вашего отца тут не при чем. Отпустите его. Позовите следующего.

— Но...

— Вы же хотите найти Ладу?

Димитрий встал, уцепившись за ножку стола. Потер лоб.

— Зовите.

Цветана охала и ахала, принесла сладкий-сладкий чай, но следующего позвала.

Из дома сидов Ярь сыщик вышел только пару часов спустя. Сразу отправился в отдел правопорядка. Воинственно настроенная Цветана увязалась следом.

— Вы все время куда-то ходите. А когда отчёт писать будете? — решила она начать издалека. Димитрий поморщился. По его скромному мнению, подобные отчеты являлись не больше, не меньше, как средством пытки для служащих в органах правопорядка. К тому же он уже...

Это было бы разумно, да!

— Писать отчёт будете вы! — заявил он нагло. — Ведь это ваши обязанности — бумаги?

— Но...

— Не волнуйтесь, я вам все расскажу.

Цветана затихла, неуверенно посматривая в его сторону. Какое-то время почтительно молчала, потом не вытерпела:

— А писать про кого? Про ниса Аль?

— И про него тоже.

— А что? Это же не он! Я его знаю, он не мог! Он благородный человек и...

Голова болела невероятно. Чужой голос как будто дробил реальность на куски.

— Не он.

— Нет! Э? То есть, да! А зачем вы тогда его арестовали?

— Во-первых, кое в чем он все равно виновен. Во-вторых, я предположил, что пока нис Аль заперт, убийца прекратит свои злодеяния, дабы не дать следствию усомниться в виновности подозреваемого. Что даст нам какое-то время для маневра.

— И он оправдал ваши ожидания?

— Нет.

Демонова больная голова! Димитрий сначала сказал, а потом подумал.

Цветана остановилась.

— То есть... Лада...

— Да, — сурово подтвердил сыщик. — Именно поэтому девочку заставили написать письмо, что якобы она ушла сама.

— Почему она не подняла крик?

— Я думаю, он использует сонный порошок. Лада — ребенок с улицы, она сообразительная девочка, наверняка заметила тряпицу в его руке и обо всем догадалась. Один писк — и она уснула бы, не успев толком поднять шум. Ведь вы сами определили ей комнату подальше от всех, чтобы ваш батюшка меньше ругал ее за проказы. Смогла бы она докричаться до кого-нибудь, сомнительно. Но пока она не спит — может сопротивляться. Поэтому Лада сделала вид, что поверила ночному гостю и написала записку, полную намеков, которые не мог понять похититель, но разгадали вы, сида. Думаю, она могла попытаться сбежать по дороге, но ей это не удалось, иначе ребенок уже был бы с вами. Но в любом случае надежды убийцы на то, что эту жертву не заметят, не оправдались. А ему, конечно, очень хотелось сделать очередное преступление невидимым для правосудия. Как

он уже делал не раз.

Цветана шмыгнула носом.

— У нее есть шанс?

— Как минимум до ночи — да.

Они возобновили шаг, но девушка все ещё обдумывала сказанное.

— Как делал не раз? Что вы имеете ввиду?

— Вы сами уже догадались. Жертв было гораздо больше, чем нам известно. Просто часть из них — люди, совершенно никому ненужные. Девушки с фабрики, сироты или почти таковыми являющиеся. К тому же часто имеющие таинственного жениха, который обещал увезти на край континента. Или дети улиц, воришки и попрошайки, до кого уж точно совершенно никому нет дела. Вопрос: чем он заманивал их? Девиц... Приходил от имени жениха? Нет, где же тогда настоящие женихи? Никто не подал заявление о пропаже! Тогда можно предположить, что он и был тем таинственным женихом. Это сойдёт за теорию. А вот чем он соблазнял детей? Для той же Лады какую версию он придумал, что ей обещал? Ведь не так просто обмануть столь битую жизнью публику! Впрочем, если дать денег... Но они и убежать могут с деньгами... Над этим надо подумать. Но несомненно, что этот человек в курсе всего происходящего в городе. И прекрасно осведомлен о законе об оповещении столицы об убийствах. И делал он все так аккуратно, чтобы никого сюда не присылали. Единственное, чего он не учел — что сразу после его ритуала произойдет ещё одно убийство, которое припишут до кучи ему.

— Какое???

— Сын травника. Он не имеет отношение к нашему делу. Напился, увязался за Рейфину, той, из аптекарской лавки, видимо, он давно ее заприметил, даже в лавку конкурента забегал периодически. Имея гнилую натуру, попробовал девушку насильничать, но у нее нашелся защитник. Который и загрыз его в порыве ярости. Из-за этой случайности в городе случилось два убийства за короткий промежуток времени, что вынудило местных написать в столицу.

— Получается, целых два случая — лишние?

— Один.

— Но Славен...

— Нис Аль проводил ритуал, исходя из собственных нужд, однако листы с описанием обряда оказались у него не случайно. Кто-то хотел посмотреть, что получится, и решил сделать все чужими руками.

Цветана кусала губы.

— Какой в этом смысл?

— Вот и я подумал о том же. Что убийце с того, что кто-то проведет ритуал за него? Если только...

— Он сам будет присутствовать? — догадалась Цветана.

— Сам — это слишком. Но вот если будет присутствовать и руководить его человек...

Сида Ярь шмыгнула носом.

— Откуда в людях столько жестокости! Душевнобольные и то разумнее!

Вдали показалось здание охраны правопорядка. Где-то за городом сгущались тучи, прогремел гром. Голова болела нещадно, но разговор скорее отвлекал от боли, чем ее усугублял.

— Разрешите не согласиться. Душевнобольные, отдельные, конечно, тоже бывают очень

опасны. Однако это не наш случай. Да, похоже на маньяка: все жертвы женского пола, юного возраста, крепкого здоровья, убиты ночью, есть следы магических ритуалов, причем где-то они одинаковые, где-то разные, судя по всему — чтобы сказать точно, не хватает данных. Убийца ловок, знает законы, имеет какую-то конкретную цель, и это не наслаждение — все это делалось не с целью хм... обесчестить. Он пытается решить проблему. Да. Именно поэтому ритуалы разные. Он ищет способ.

— Зачем? — пораженно выдохнула Цветана.

— Если бы мы знали это, то уже арестовали бы его.

Он или его человек вхож в любые дома и организации. Обаятелен, но незаметен. И...

— Сыщик Кривз!

Громкий окрик заставил вздрогнуть, отвлечься от своих мыслей. Димитрий застыл на месте, Цветана обернулась, произнесла:

— Желаю здравствовать, нис Бель.

— Здравствуйтесь, сида. Сыщик Кривз, вы мне немедленно нужны! Немедленно!

Тон был требовательным. Хозяйским. Димитрий мысленно выругался, но обернулся, поздоровался.

— Светлой стороны.

За плечом ниса безмолвной статуей стояла Луцияна Нежь.

Приветствие было нездешним, аристократ скривился. Домоправительница была безэмоционально. Очень хотелось заглянуть, что у нее внутри, но Димитрий боялся повторного обморока.

— У меня пропали дочери. — Нис потрясал кулаком перед лицом служителей охраны правопорядка, потом опомнился и показал на пальцах "два". — Обе! Понимаете? Неслыханно! Вы должны заняться их поисками. Сей же час! И вы знаете, с кого надо начать! Я уверен, эта мелкая душонка...

— Нис Аль?

— Однако, сколь показательно, что вы сразу поняли, о ком я! Это он виноват, сомнений нет!

Мог ли быть преступником нис Бель? Благороден и тверд, чем внушает многим доверие, имеет немалый вес в обществе, вхож в любой дом, уверен в своей правоте, имеет проблему: как он считает неправильную старшую дочь, которая одновременно есть и плод, и сосуд греха.

Ради чего тогда ритуалы? Убить ее? Есть методы проще. Сделать послушной? Девушка и так запугана. Зачем?

— С какой дочери начнем?

— Младшая, коне...чно, — нис ничуть не смутился тем, что выдал свое неравное отношение к детям, только запнулся на полуслове.

— Ваша коляска?

— Здесь.

— Отлично.

Димитрий шагнул ближе к Цветане.

— Подготовьте бумаги на арест. Но без имени. Имя я вам пришлю. И соберите на всякий случай несколько людей в группу.

— Но сид Урд...

— Вы же говорите от лица начальства, в чем беда? А с сидом Урд я сам разберусь. Чуть

позже.

— А если он придет?

— Если он придет, то он знает, какой у меня жетон.

Нис Бель отошёл, торопя кучера. Дмитрий наклонился к девушке.

— Вы верите мне?

Она вздрогнула.

— Не знаю. У вас страшные глаза, я только сегодня поняла. Но... Наверно, да.

— Чья бы не была фамилия, надо будет съездить и обыскать дом. Вот, — он сунул ей в руку жетон. — Если что, машите им у всех перед носом. Сида, это важно. От этого зависит жизнь Лады.

Цветана сжала жетон с такой силой, что Дмитрию показалось, он порежет ей руку.

— Сыщик? — Нис Бель уже залез в повозку.

— Сид Кривз! — окликнул, подбегая, Вито. И гордо заявил: — Я всё сделал! И там...

— Хорошо, — кивнул Дмитрий. — Садись, поедешь с нами. Расскажешь потом.

Пареньку очень хотелось поделиться чем-то, что ему казалось крайне важным, но он стоически промолчал.

— Едем!

— К доктору, — подсказал сыщик.

— К доктору!

Очень интересно будет посмотреть на реакцию ниса.

Очень познавательно.

Глава 17. Причины и следствия

Дарьян стоял, заслонив собой дверь, словно каменный истукан. Нис Бель все больше злился, у Димитрия все сильнее болела голова.

— Вам бы следовало чаще есть и больше спать, — посоветовал воспитанник доктора с ехидством. — Так радеете за наше благо, что бледнее покойника выглядите.

Сыщик пропустил его слова мимо ушей. А вот аристократ в очередной раз спросил:

— Так вы нас не пустите?

— Нет.

— Именем закона!

— Вы не представитель закона.

— Если вы не заметили, со мной уважаемый сыщик.

Димитрий чуть не поперхнулся от того, что вдруг стал уважаемым.

— Однако у вас нет никаких оснований для вторжения.

Нис обернулся к Димитрию. Вопросительно приподнял бровь.

Кривз молчал.

Раз.

Вито затаился где-то за спиной и с любопытством наблюдал за происходящим.

Два.

Дверь приотворилась.

Три.

— Пустите его.

Младшая ниса Бель покачнулась. Дарьян подскочил, желая помочь, но побоялся ее трогать и просто предложил локоть. Она вцепилась в него, тяжело дыша.

— Проходите, сыщик! — девушка говорила тихо, но зло. — Вы-то мне и нужны.

На плечах ее лежало большое лёгкое одеяло, полностью скрывающее девичью фигуру.

— Отойти немедленно от этого проходимца! — холодным тоном приказал ей отец. —

Мы немедленно же напишем заявление о похищении и причинении вреда. И...

На секунду на лице нисы промелькнул испуг, затем — сомнение, но в итоге победило упрямство. Глаза ее зажглись фанатичным огнем решительности.

— Вреда? Вреда? Какого, отец? Этого? — она повернулась к посетителям спиной и приспустила одеяло с плеч. На платье и видневшейся из-под него сорочке были видны красные пятна.

Нис побледнел.

— Ты... Это позор... Это...

Девушка развернулась к отцу лицом.

— Позор. Первое, о чем ты подумал. Не о том, больно ли мне. Нис Бель, я обвиняю вас и причинении тяжёлого вреда моему здоровью и здоровью моей сестры. Я делаю это в здравом уме и доброй памяти, в присутствии представителя закона и при свидетельстве доктора Дарьяна, оказавшего мне посильную врачебную помощь.

— Ложь. — Заторможенно произнес обвиняемый. — Ложь. Ты знаешь, что я тебя...

Девушка дрогнула, но только на секунду.

— То есть вы хотите сказать, что не приказывали Луциане запирать Ильяну в чулане? Не разрешали учителям бить ее указкой по пальцам и спине? Не приковывали ее цепью к

кровати, когда нис Аль приходил петь под ее окном романсы? Скажите, глядя мне в глаза, что я это придумала!

Нис молчал. Растерянный, но не побежденный. Он не понимал, что происходит, но ещё верил в свою силу и в покорность дочери.

— Нам нужно поговорить. Вдвоем.

Он шагнул вперед, намереваясь увести Ясмину с собой, но та только сильнее вцепилась в Дарьяна.

— Нет, — сказали они одновременно.

— Кривз! — теряя терпение выкрикнул нис.

— Боюсь, они в своем праве, — ответил Димитрий почему-то с внутренним удовлетворением. Хотя девочка, конечно, обманщица. С другой стороны, она не сестру на это подбила, а сама впуталась. Да ещё таким образом, что и шишки все ей. И цену она платит, и в случае неудачи спрос с нее. В этом было что-то жертвенное.

— *Говорят, жертвенная боль особенно вкусна, — смеётся нечто из темноты...*

Димитрий моргнул, отгоняя видение, и к головной боли добавилась тошнота.

— Есть серьезное обвинение. Я теперь не могу оставить вас одних в помещении. Но мы можем расположиться в другом углу комнаты.

Непослушная дочь настороженно кивнула. Дарьян отвёл ее к креслу, усадил, отошёл к шкафам. Нис стремительным шагом пересёк комнату, навис над дочерью. Сыщик с помощником присоединились к Дарьяну.

Какое-то время говорил нис. Сухо, холодно. Димитрий даже не особо прислушивался, и так было понятно, что речь обвинительная и воспитательная одновременно. Когда запал батеньки иссяк, его дочь подняла на него прежде потупленный взгляд — неожиданно злой и яростный. Если до тирады она ещё колебалась и внутри нее расцветали неуверенность и вина, то теперь Ясмينا преисполнилась уверенности и презрения. И в ответ на обвинения прошипела змеёй:

— Ты бил не ту, отец. В ней нет твоей крови. А значит, нет твоего яда. А уничтожить стоило плоть от плоти твоей, твою кровь, твое семя. Помни об этом: я вся в тебя. И не говори гнусных слов и придуманных обвинений. Я лгу, да. Но моя ложь в том, что объект твоей ненависти не я. В остальном же я права. Ильяна же никогда не посмела бы сказать слово против.

— Разве я тронул вас хоть пальцем?

— О, нет! Ты чист. Ты все поручал Луцияне. И считаешь, что это тебя оправдывает. Но тот, кто отдает приказ, виновен не менее, чем тот, кто исполняет. А пожалуй, даже более. И родство наше — не смягчает этой вины, а усугубляет ее. Отвратителен ли мой поступок? Да. Но он спасет две жизни, сделает их счастливыми. Твои же дела только ломают чужую судьбу.

— Ты не ведаешь, что творишь! — уже во весь голос воскликнул нис. Ясмينا ответила так же громко:

— Надеюсь, и ты не ведал. Потому что, если ты все понимал и взор твой был не замутнен... Тебе нет прощения.

— Эй!

Димитрий пришел в себя. Дарьян махал у него перед лицом ладонью.

— С вами все в порядке?

— Да.

"Всего лишь пытаюсь подслушать чужую беседу."

— Тогда, может, стоит вмешаться?

— Пожалуй.

Кривз приблизился к говорившим.

— Прошу прощения, но разговор, кажется, перешёл в ссору.

— Нет!

— Да! Сыщик Кривз, я прошу вас принять мое заявление, а также свидетельства доктора Дарьяна. И оградить меня от пагубного влияния моего отца.

— Увы, нис Бель, я должен просить вас удалиться.

— Вы об этом пожалеете.

Какая смешная расхожая фраза! Димитрий промолчал. Аристократ продолжил.

— Вы обещали помочь мне найти дочерей. Однако нашли только одну и тут же отбираете по надуманному поводу! Или это сестра тебя надоумила и прячется здесь от праведного слова? Ильяна очень слабая и неразумная девушка, натура ее легко поддается страстям, желаниям и чувствам...

Ясмина рассмеялась хриплым, полубезумным смехом.

— Правда? Страстям, желаниям, чувствам? Да ты довел ее до того, что она вдохнуть лишней раз боится! И глаза поднять от пола! Что не сделает — во всем виноватая! Ест не так, ходит не так, спит не так, сидит не так, глядит не так! Пейзаж слишком яркий, какие краски фривольные! Платье слишком вычурное, носки туфель видно! Какие страсти тут могут быть!

А вот тут Димитрий был готов не согласиться. Да, старшая сестра Ясины могла стать абсолютно незаметной, была тиха, вежлива и скромна, но при этом она не казалась... мертвой? Пустой? Забитой до потери себя? В ней что-то было... Вот это вечное спокойствие, принятие, примирение с происходящим. Младшая — огонь, старшая... Металл?

— У меня и в мыслях не было вам врать. — Обратился сыщик к отцу проблемного семейства. — Ваша старшая дочь у нас, под арестом. Она пыталась выпустить на волю преступника, ниса Аль.

Наступила тишина. Вито и Дарьян многого не понимали в происходящем. Димитрий с интересом наблюдал реакцию окружающих. Нис Бель застыл на месте, только ноздри раздувались от каждого гневного выдоха. Ясмина в ужасе прижала руку к губам. В какой-то мере ее это известие потрясло гораздо больше.

— Вы... — Начала было она говорить с преогромнейшей осторожностью подбирая слова. Нис Бель бросил на дочь суровый взгляд, поджал недовольно губы и быстрым шагом покинул комнату. Из Ясины как будто вытащили стержень.

— Вы... Что ей грозит? Теперь... Когда есть шанс... Вы не можете...

Дарьян не успел подскочить — девушка упала на пол тряпичной куклой. Впрочем, ожидаемо. Даже странно, что она продержалась так долго, но упрямство с людьми ещё не то делает.

Димитрий вышел, Вито увязался за ним. В окна заглянул одинокий солнечный лучик и тут же исчез, безжалостно съеденный темными тучами.

— Тебе есть, что сказать, — не спрашивая, а утверждая, произнес Кривз.

— Да! — парнишка воодушевился. — Поручение выполнено! И знаете, кого я встретил у охраны? Травника! Дона Соль! Ну, у которого младшего сына растерзал зверь недалеко от аптеки! И знаете, он так негодовал! Так кричал, что напраслину возводят опять на его семью. Тот нищий, портреты которого я развесил, ну, мертвый наш участник ритуала, знаете, оказывается, кто он? Это его второй сын! Ну, то есть первый. Старший. Которого...

— Взяли на очень приличную должность у самого наместника и у которого есть какой-то благородный покровитель-друг из приближенных к вену Кос людей, — продолжил за парня Димитрий.

Голова, получив пищу для размышлений, даже стала меньше болеть.

— Конечно! Вито, ты умница! Конечно, все очень просто!

Димитрий зашагал быстрее. Толкнул одну дверь — за ней кровати. Другую — какие-то инструменты и колбы. Третью — шкафы с книгами. Главное, есть стол, бумага, письменные принадлежности — то, что нужно!

Строчки кривые, беглые. Время — неумолимым песком сквозь пальцы, сквозь буквы, сквозь линии улиц и домов.

Тик-так.

Ход стрелок — барабанным боем в ушах.

— Вито, это очень важно — сделать, как я скажу. Понимаешь?

Парнишка кивнул. Серьезный, сосредоточенный. И страшно, и любопытно, и так приятно почувствовать себя взрослым, важным, значимым! Конечно, он все сделает, как надо, этот мальчик.

По крайней мере постарается.

Если не убьют.

Но тут слишком разные фигуры на весах. Любой зверь выберет ту, что поаппетитнее.

— Ты же быстро бегаешь?

— На улице все быстро бегают, сид.

Димитрий знает. Как знает, что такое быть всегда не тем и не таким. На самом деле старшей нисе Бель очень даже повезло, но она никогда этого не поймет.

— Я буду быстрее ветра.

Стук капель в окно.

— Будь быстрее грозы.

Гром.

Да, такое непременно должно случаться на фоне стихийного бедствия.

Комната маленькая, узкая, везде шкафы. Полно научных книг, несколько философских, несколько исторических. Над дверью, окном и письменным столом — десяток небольших картин, изображающих сцены из "Книги Темных веков". Парами: одна со светлым сюжетом, одна с темным. В голове сразу всплывают строчки из древних легенд:

"И взяли выкуп тридцатью девственницами. И желтолуной ночью приковали их к алтарным камням золотыми цепями. И тридцать раз жрецы, совершив призыв, впустили в себя зверя. И вошли в пленниц, передавая с семенем звериную суть. И через три года родились тридцать демонов в человеческом обличье. И выросли из детей чудовища и стали служить Проклятому Валгароду, словно дети его.

И была Одиннадцатая, что убила проклятое дитя. И была Тринадцатая, носившая две половинки демона, в две плоти обернутые, во чреве своем. И стало их Тридцать во младенчестве, как и было задумано. И были они Валгароду и пища, и дети, и слуги."

Темнеет стремительно. Окно одно, да и то закрыто. Двери две, это даёт некоторый простор маневра.

"И пожрало пламя могучее его тело, быку подобное,

И истели с ним вместе мысли его ядовитые,

И испарились думы пудовые, темные, сажи печной чернее,

Но остались знания его, и слуг его, и учёных мужей его и тех, кто против него бился,

Но остались следы на теле земли и телах, мучимых им и слугами его, и слугами слуг его,

Но остались слезы от злодеяний его, и кровь от орудий пыток его,

И канут шрамы эти в реку времён, но выплывут ядовитыми кинжалами запретных знаков, неся новые увечья и страдания человеческому роду Светлой стороны..."

Нет шороха, нет скрипа, только едва заметное движение воздуха. Да, в такие моменты кажется, что лучше уж какие-никакие боевые таланты, чем глупая сортировка чужих эмоций.

— Дарьян? У вашего патрона интересное научное собрание.

Главное — не оборачиваться.

И не пропустить момент.

А как его не пропустить, если враг беззвучен?

Обернешься раньше времени — скроется. Опоздаешь обернуться — убьёт.

— Но мало книг о магии. Много Темных веков было в нашей истории, многие знания утеряны безвозвратно. И тем не менее, полагаю, современным профессорам известно немало о ритуалистике, артефакторике, стихииософии и прочем.

Он хитрец. И игрок. Он будет выбирать момент. И обязательно захочет сказать что-нибудь победоносное напоследок. Ведь последнее слово всегда долго быть за ним.

Какое у него лицо? То ли, о котором подумал Димитрий?

— Прелюбопытнейшая это затея — проводить неизвестный ритуал в наш просвещенный век. А вот если он известный, но ещё не до конца изученный или потенциально опасный — другое дело. Ритуал призыва... Уж точно невозможно призвать ни счастье, ни любовь, ни избавление. Зато в свое время было множество обрядов, призывающих демонов. Я полагаю...

Удар в грудь был абсолютно точным. Димитрий когда-то был уличным ребенком, таким же как Вито, Нежелан или Дарьян. Но уличные мальчишки имеют дело с другими мальчишками, в крайнем случае с усатыми квартальными, а не с наемными убийцами. Сыщик попытался уйти в сторону, но удар был слишком внезапным, а тело излишне истощенным головной болью, недосыпом и работой. Да и бил знаток: нож вошёл именно в ту область, где у людей находится сердце.

Сыщик инстинктивно схватился за рукоять оружия, покачнулся, в спину упёрлись книжные полки.

— Тебе же сказали, не лезь в это дело. Зря ты не остановился на мальчишке. Хорошая была теория.

— Мотива... не... было.

— А влюбленность чем не мотив? Ею что угодно можно оправдать. И кстати, напрасно ты, сыщик, подставил Вито. Ему бы ещё жить и жить.

Не может быть. Они же спланировали. Парень быстрый, он может убежать от кого угодно.

Но только не от лица, облечённого властью?

Он не собирался подставлять Вито. И не собирался умирать сам. Но всегда есть издержки. Как сейчас. Просто не успел. Вроде бы проблемы с памятью, не с рефлексом, но

хватку все равно потерял. Неверно оценил собственные силы — и вот результат.

Весьма плачевный.

Ошибки иногда стоят очень дорого.

Впрочем, победы тоже недешевы.

— *Всегда чем-то жертвуешь, — пожала плечами Марина. — Это было задание, мы оба так или иначе его прошли. Боль — не такая уж страшная плата. Есть похуже.*

Хуже, чем чувствовать ее боль, наказания не было.

И не было большего противоречия.

Ненавидеть это и использовать (питаться этим?) одновременно.

— *Ты хочешь уйти. Говорят, так всегда после экзамена. Но что, если я предложу тебе остаться?*

В это мгновение ему поистине хотелось ее задушить.

Или поцеловать?

Кривз сплюнул кровь. И посмотрел на своего убийцу.

— Вот ты и заговорил.

— А ты наконец-то замолчишь.

Димитрий сполз на пол. Рука, держащая нож, была мокрой от крови.

— Сид Урд знает?

Закатил глаза.

— Конечно, нет!

— Так кто твой хозяин?

Смех. Ему нравится, что он умнее, всех обыграл.

Димитрий знает, кто его хозяин. Но ему нужно это имя из чужих уст.

И где там ходит Дарьян? Сколько можно укладывать девицу? Так и помереть можно.

Впрочем, издержки...

— Что-то ты долго помираешь. Неужто и вправду не человек, а какая тварь из-за гор?

"Нет. Не из-за гор," — подумал Димитрий. Хотел было поднять руку, но перед глазами заплясали цветные пятна, и голова с громким стуком встретилась с полом.

Все.

Глава 18. Спектакль для одного зрителя

Квартальные и сыщики стыдливо мялись у входа в каждое помещение. Заходили только после окрика Цветаны и оглядывались неуверенно, словно застигнутые врасплох воры. Вен Кос — высокий крепкий мужчина с седыми волосами до плеч и такой же седой бородой "лопатой", возвышался над неожиданными гостями непоколебимой скалой. Не смотря на свое положение наместника, мужчина был тверд, спокоен и любезен.

— Я все равно не понимаю, что вы хотите найти.

— Ваш посыльный часто был у вас дома?

Пока добрались, одежда вымокла, но Цветана все равно не стала снимать внутри помещения форменный жакет с соответствующими нашивками. Да, в основном ей поручали архивную работу и работу с документами, однако по бумагам должность у нее была оформлена самая настоящая, правопорядческая. Она умела выпросить у отца желаемое, а отец, герой не одной войны, умел влиять на других людей и имел в городе значительный авторитет, особенно среди военного сословия — сидов. И если сид Урд был начальником сыскного отделения, но сид Ярв возглавлял всю службу правопорядка в городе. И теперь Цветана нарочно демонстрировала на своей одежде знаки органов правопорядка, намекая, что она представитель закона, даже если женщина, так что будьте любезны не мешайте следствию!

Мешать никто и не собирался. Вен Кос предоставил к осмотру свой дом, свой кабинет и себя самого. И так охотно и любезно отвечал на вопросы, что Цветана вместо того, чтобы увериться, что наместник здесь не причем, наоборот, пришла к заключению, что не может быть таким любезным человек ни в чем не виноватый.

— Да, конечно. Я часто работаю дома, его же задача — разносить документы, письма и прочее. Дон Бойк — один из лучших моих подчинённых, самый быстрый так уж точно. Конечно, он бывал здесь часто. И даже регулярно у нас столовался. Помнится, рассказывал о своей невесте, сиде Урд, за одним из обедов. Мне показалось, он весьма ею увлечен.

— Спасибо. А где он живёт?

— Это мне неизвестно, сида.

— А ночью вы давали ему поручения?

— Не припомню такого. Разве что в чрезвычайных случаях.

— Ваша жена опять в отъезде?

— Поправляет здоровье.

— А сын?

— Хм... Где-то с друзьями, наверно.

— А дочь?

— Спит. Она больна. Попрошу ее не беспокоить.

Он был все так же любезен, однако что-то поменялось. Неуловимое.

— Могу я взглянуть на ее комнату?

— Вынужден признать, моя дочь не совсем в себе. Со сна она может испугаться незнакомого человека. Мне бы не хотелось, чтобы вы ее тревожили.

Тяни!

— А мы тихо.

Цветана улыбалась вежливо и понимающе. Только уголок губ иногда дёргался.

— Нет.

— Да.

— Боюсь, на этом ваше пребывание в органах правопорядка закончится.

— Разве это решать вам?

— Я буду жаловаться.

— Пока ещё вам не на что жаловаться.

Они стояли совсем рядом. Высокий седой мужчина и девушка в форме, выглядящая на его фоне крайне хрупкой. Казалось, если бы не было других людей, ему бы хватило одного движения, чтобы сломать ее, как куклу. Если, конечно, крамольно предположить, что вен захочет это сделать.

— Стефан, Михо, подойдите. Мы поднимемся на второй этаж.

— Нет.

— Вен Кос, вы препятствуете?

— Нет. Это распоряжение доктора.

— Пригласить сида Угль?

— Не изворачивайтесь, вы же знаете, что дочь лечит доктор из столицы!

— Боюсь, мы не можем ждать его приезда.

Наместник скрипнул зубами, но на второй этаж они поднялись. Он бесшумно повернул ключ, осторожно приоткрыл дверь — смазанные петли не скрипнули. Цветана успела лишь увидеть, что окно закрыто тяжёлыми портьерами, а кровать смята, и в следующее мгновение в дверь что-то врезалось с диким рыком.

Цветана отпрянула, испуганно взвизгнув. Ее сопровождение отступило назад, хватаясь за пистолеты. Вен Кос захлопнул дверь и повернул ключ.

— Я говорил вам! Просил не ходить к ней!

— Простите. — Сида Ярь все никак не могла развидеть серую женскую руку со скрюченными пальцами. Что привиделось от страха, а что было на самом деле? — Приношу глубочайшие извинения за...

— Что мне до ваших извинений? — Маска слетела, обнажив пылающее негодованием и злостью лицо. — Ворвались в дом по какой-то надуманной причине, перевернули все, напугали больную дочь!

— И не по надуманной! — обиделась Цветана. — Ваш "лучший посыльный" — убийца, сгубивший как минимум пять девушек! И похитивший шестую!

— И при чем здесь мой дом?

Сида Ярь смутилась. Квартальные и сыщики уже покинули помещение, справедливо полагая, что осмотр закончен. Девушка то ли не заметила этого, то ли заметила, но не сочла нужным торопиться вслед за ними.

Ярость... Ярость истинна. И есть страх. Все равно есть, несмотря на удивительное хладнокровие этого хитрого человека.

— Мало ли, где он прячет улики.

Цветана смутилась, понимая, что выглядит довод довольно нелепо.

— Выйдете вон.

Это было сказано с таким презрением, что сида опустила глаза.

— Понимаете... Теперь, когда все произошло... Я... Я чувствую нечто... словно мне передалось что-то от сыщика Кривза. Это как болезнь. И я не понимаю, как это работает. Но...

Вен вцепился ей в руку.

— Вам нужна помощь?

— Я не знаю. Мне казалось, это все глупости. Но сейчас я слышала вашу ярость. Представляете? И я не знаю, как это все интерпретировать. Я теперь не понимаю. Простите. Я могу быть неправа. Могу неправильно толковать то, что... ощущаю. И сейчас... Я испугалась, когда увидела вашу дочь.

В холл заглянул бородатый квартальный.

— Сида Ярь, вас ждать?

— Нет, — махнула рукой Цветана, и мужчина исчез.

— Нет-нет, идите! Погода ужасная, экипаж найти будет не так просто. Но если вы хотите, я напишу своему доктору в столицу, он приедет незамедлительно. И попробует помочь вам.

— Я была бы очень благодарна. Это неведомое, оно словно разрывает меня на части. Кажется, словно в тебе поселилось нечто постороннее и пытается тобой управлять. Можно, я на днях напишу вам? Справлюсь о приезде доктора?

— Да, конечно.

— Вы меня простите за это представление? Мне были даны четкие инструкции, а я совсем потерялась и...

Цветана закрыла ладонями лицо.

— Конечно. Я все понимаю.

— И мое состояние останется нашим секретом?

Вен Кос покровительственно улыбнулся.

— Конечно, мое милое дитя. Конечно. Я пришлю вам письмо с посылным. Самым надёжным, уж теперь-то можете не сомневаться!

— Таким же надёжным, как дон Бойк? Или как ваши слуги? Зачем вы их так поспешно отпустили, если они не знают ничего лишнего? Вдруг мы хотели бы с ними поговорить?

Вен Кос обернулся. И побледнел. На лестнице стоял столичный сыщик собственной персоной.

— Вы... Вы умерли!

— Наместник? — Сида Ярь обеспокоенно посмотрела на собеседника. — Вам плохо? С кем вы разговариваете?

— С... А вы никого не видите? На втором этаже?

— Нет.

Вен всмотрелся в лицо девушки. Повернулся к лестнице. Никого. Цветана невесомо коснулась его руки.

— Вен? Вам плохо? Может, позвать доктора?

— Нет. Не стоит. Все хорошо. Не забудьте мне написать. Давайте я вас провожу, а то уедут без вас.

— Лучше бы позвать доктора. Нам очень интересно, что с вашей дочерью.

Вен опять резко обернулся. В этот раз Кривз появился на втором этаже не один: рядом с ним стояло кресло на колесиках, в котором сидела безучастная девушка в кремовом платье. На коленях ее лежала... серый муляж руки.

— Вы! Как вы смеете! — наместник бросился по ступеням вверх.

— Не стоит.

В руке Димитрия мелькнул пистолет. Дуло было приставлено к голове больной

девушки. Цветана охнула.

— Что? — осклабился вен, взглянув на удивившуюся сиду. — Теперь не будете изображать неведение? Хотели из меня душевнобольного сделать? Не получится!

— Не уверен, что надо что-то делать, — сообщил Димитрий. — По вашему приказу были убиты как минимум восемь человек. И это только те случаи, которые нам известны. Не думаю, что это подтверждает вашу нормальность.

— Вы блефуете. Отпустите мою дочь! Это противозаконно! Вы не имеете права!

— Вы же в курсе. У меня чрезвычайно широкие полномочия.

— Не настолько!

— Вы не можете быть уверены. К тому же даже если и так, осознание того, что я не имел права поступить подобным образом, не вернёт вам дочь, если я выстрелю.

— Вы... Вы чудовище!

— Вы как никогда проницательны.

Да. Чудовище. Со временем Димитрий научился извлекать из этого пользу.

А теперь — тяни!

— Ваша дочь — самое главное ваше сокровище, верно? Любимица. Красавица. Папина дочка. Вот только заболела. И ничего ей не помогло. Вы мучали докторов и ее, тратили деньги, а результата не было. И тут вам посоветовали попробовать магию. Или вы сами дошли до мысли такой? Нет. Нет, вам подсказали те, кто очень хотел изменить свое положение в обществе. Им нужна была ваша лояльность, ваша поддержка, вы должны были быть им обязаны. Но кто знал, что столь простой совет приведет вас к книгам с весьма странными ритуалами? Вы говорите о безумии. Не оно ли это — пробовать один обряд за другим в бесплодной попытке излечить дочь от недуга? Передавать ей чужую жизненную силу? Поить ее человеческой кровью? Пытаться перевести болезнь на другое тело? Не поэтому ли вы выбирали исключительно девушек с крепким здоровьем? И ведь самое главное: у вас все могло получиться! Нет, не лечение. Но остаться незаметным. Ведь вы хорошо осведомлены о законах, и убивал дон Бойк по вашей указке с определенной периодичностью, чтобы не было повода вызывать сыщика из столицы. К тому же большинство девушек подбирались с большой тщательностью: желательно нищие или сироты, или одинокие, или те, которым можно задурить голову таинственностью, как Ардже. Идеально. Подвел случай. Сын травника попытался изнасиловать продавщицу из аптекарской лавки, за нее вступился ее зверь-защитник, — Димитрий не стал распространяться, что это не совсем зверь, — и вот в городе второй труп сразу после первого. Вы бы такого, конечно, не допустили. Однако все уже случилось и вам пришлось действовать по обстоятельствам. Новая попытка — ритуал призыва демона — была запланирована давно, и ниса Аль к ней подводили аккуратно, однако теперь, с приездом нового лица, пришлось его поторопить. Именно поэтому появился нищий, который знал так много. И очень хотел участвовать в ритуале. Ведь по задумке власть над демоном должна была достаться именно ему, остальные же выполняли роль жертв. Однако и вы оказались осведомлены в недостаточной степени об этом явлении. И все опять пошло не так. Демона призвать не получилось. А получились лишние мертвые тела. В том числе погиб ваш помощник, ваш верный слуга. Тот самый старший сын травника. Именно он в свое время хвалился наличием сильного покровителя, именно он неоднократно покрывал преступления своего брата — и не было тому ничего ни за то, что пытался девушек бесчестить, ни за погромы, ни даже за оскорбления лиц при исполнении. Ведь одно ваше слово — и он на

воле. Могли ли вы разорвать этот порочный круг? Вы считаете, что нет. Ведь вам нужна была помощь этих двоих, чтобы лечить дочь. Хотите, отгадаю, как было дело? Ей становилось все хуже. Ритуалы, которые вы раздобыли — совсем не то, что вам было нужно. Вместо того, чтобы тянуть дочь к жизни, вы окружили ее аурой смерти. Посмотрите. Посмотрите на эту куклу! Это ваша дочь? Вы думаете, она жива?

— Она жива, — ответил вен Кос. Голос у него был тихий, но все такой же сильный. — Это подтвердит любой доктор.

— А маг? Вы уверены, что маги тоже отнесут ее к живым? А не к нежити? Она наполовину мертва, и виноваты в этом вы, а не ее болезнь!

— Моя дочь жива, — размеренно произнес наместник. — Она дышит, пьет, ее сердце бьётся, а по ее венам течет кровь. И никто, ни одна сволочь не сможет это опровергнуть!

Рука с пистолетом дрогнула.

— Кривз! Что вы делаете! — Цветана шагнула к лестнице. — Прекратите немедленно! Вена Кос ни в чем не виновата! Вы обещали, что если я помогу разыграть этот спектакль, вы никого не тронете с этими вашими злыми... играми!

— Вы хорошо сыграли, сида Яр. Очень хорошо. Он поверил. Но вам — только наполовину. Не могли предположить, что ваш верный слуга дон Бойк не сможет меня убить, да, наместник? Именно на этом зиждилась ваша уверенность?

— Никакого отношения к этому не имею. Но мне очень жаль, что такой человек, как вы, остались живы. Удивительно. Полагаю, если я выскажу мысль, что и вы можете оказаться нежитью, вам будет чем ее опровергнуть?

— Я не нежить, я хуже, — сделал страшные глаза Димитрий. — И именно поэтому я остался жив. Видите ли, строение моего тела немного отличается от вашего. Органы смещены. Поэтому, если попытаться воткнуть нож мне в сердце — он это самое сердце не найдет в положенном месте. Я удовлетворил ваше любопытство?

— И тем не менее я могу настаивать на своей версии.

— Конечно, можете. Когда прибудет в столичную тюрьму, пишите на меня жалобы, сколько угодно вашей душе.

— Ну хватит! — скривился наместник. — Прекратите паясничать! Отпустите бедное дитя!

— Кривз! Так нельзя! Опустите пистолет! — Цветана начала подниматься по ступеням. Аристократ следил за ней внимательным взглядом. — Прошу вас! Прекратите это безумие!

— Идите-идите сюда! — обрадовался ей сыщик. — Держите!

Ей всунули в ладонь рукоять пистолета.

— Можете направить на нее, можете на него.

Пока Цветана с ужасом взирала на оружие в своих руках, Димитрий достал нож.

— Ну? Оживим куклу?

И он полоснул лезвием прямо по ладони.

Алые капли упали вниз, на кремовое платье, растеклись безобразными пятнами по подолу.

Девушка глубоко вздохнула, встрепенулась.

— Миран? Миран, дай напиток. Все огнем горит внутри, дай напиток, Мир!

— Служанка-сиделка, которая и изображала по вашему приказу безумие, орудия муляжом руки, конечно, вас безумно боится. Но меня она испугалась больше. И рассказала о кровавых пятнах в комнате, которые находит порой по утрам. О постоянно меняющемся

состоянии ее подопечной, которая то похожа на куклу, то оживает. О странных ваших приказах, вот как сегодня: не дать зайти в комнату, напугать. В целом, не так много, всё-таки времени было мало, пока вас сида Ярь заговаривала, однако и этого хватает, чтобы понять происходящее. Бедная женщина уверена, кстати, что вы со своей дочерью совершаете ночью непотребства, ей и в голову не пришло, что кровь эта — убитых жертв. А доктор Дарьян сейчас осматривает спальню в поисках улик. И я уверен, он их найдет.

Вен ещё держал лицо. Маска треснула, но не сломалась.

— Где дон Бойк?

— Отправлен в столицу пять часов назад с особым конвоем. Очень целеустремлённый человек, знаете ли. Хороший убийца, талантливый лицедей, умный кукловод. Меня действительно чуть не убил. Да и добил бы, наверно, если бы не подоспели Дарьян и Вито. Он мог далеко пойти, избери немного иной путь достижения цели. Но его сгубили садистские наклонности. С каким удовольствием он наблюдал за моими муками, когда сообщал, что убил Вито! И ведь врал. Мой помощник сумел убежать, "потеряв" бумаги, как и было задумано. Ведь задача дона Бойка была в том, чтобы я унес все свои догадки в могилу, не так ли? У него не было причины убивать мальчишку, главное — забрать письмо с распоряжениями. И всё-таки, если бы не ограниченность во времени, он бы попробовал его зарезать. И ему очень нравилось расписывать мне, как он "порешил" мальчишку. Ведь это должно было доставить мне мучения гораздо хуже физических. Да, дону Бойк нравилась власть, и он очень хотел быть к ней поближе. Однако, боюсь, теперь он закончит свою жизнь на виселице. Кстати, они были друзьями с убитым? Тем псевдонищим. Старшим сыном травника, дона Соль?

— Нет. Все время соперничали, кто больше сделает полезного.

— Неудивительно, оба были крайне амбициозны.

— Миран? — позвала больная. — Миран, пить!

Цветана решительно вынула магазин, отвела затвор, поймала патрон из патронника, сняла затвор с затворной задержки.

— Прекрасно, — восхитился наместник.

— Я дочь сида, — буркнула девушка.

Димитрий подумал, что ключевое — дочь. Нет в ней мужской стойкости. Стойкости приносить боль.

А нужна ли?

По обстоятельствам.

— Миран? Жжет внутри, Миран!

— Поэтому вы украли Ладу? — спросил Димитрий. — Больше не могли ждать положенный срок. Дочери все хуже.

— Я не буду отвечать на ваши вопросы, — холодно ответил наместник. — Вы никогда не поймёте. Больная дочь — это совершенно особое обстоятельство.

— Это не оправдывает ваших преступлений.

— А я в них не признаюсь. И где ваша Лада, не знаю. Она сама сбежала, записка же есть. Вот и ищите, куда. Если думаете, что меня так просто подцепить на крючок, ошибаетесь.

Судя по гневному лицу Цветаны, она очень пожалела, что разрядила пистолет.

— Скажите! Скажите, где Лада, жестокий человек!

— А я не знаю, — улыбнулся вен. — Чист перед законом. Понятия не имею, где ходят

ваши уличные девки.

Даже эти реплики говорили против вена: слишком много деталей он назвал. И если то, что ребенок взят с улицы, он услышать мог, то про записку знали только сида Яр, сид Яр, Димитрий и Вито.

— Миран...

— Где ваш сын?

Лицо наместника изменилось. На нем явно читалась брезгливость.

Ох! Слишком мягкий, слишком простой. Способности средние. Никогда не оправдывал надежд. Дочка и то умнее, хоть и младше, хоть и девочка. И характером твёрже. Разочарование. Да, все существо вена при упоминании отпрыска заполняло разочарование.

И толика раздражения. Всегда приходится следить. Влиять. Заставлять. Ничего сам не может!

— Я не знаю, где он. Пьет где-нибудь.

В коридоре появился Дарьян, ведущий за локоть зареванную служанку. Та, едва завидев наместника, вся затряслась.

— Решил не оставлять одну, — пояснил молодой человек в ответ на вопросительный взгляд Димитрия. — Там следы крови. Вокруг кровати — большое количество деревянных символов, похожих на те, что делают маги на юге. Под периной — множество трав, некоторые из них лекарственные, некоторые ядовитые, надеюсь, девушка на них только спала. На окне — знаки молоком, в каждом углу — то ли подношение, то ли угощение. Где-то ягоды, где-то сырое мясо, где-то горсть монет. Это то, что видно на первый взгляд. После осмотра комнаты складывается впечатление, что хозяева собрали ритуалы со всего мира и пользовались ими всеми сразу. Бессистемно. Насколько это все сделано по правилам, не могу сказать, я доктор, а не чаровед. Тут нужен специалист.

— Специалист будет, — заверил Димитрий. — Эй, Михо! Стефан! Ждан!

В комнату торопливо втиснулись трое в форме.

— Сопроводите уважаемого наместника к зданию правопорядка. Со всей строгостью и со всяким уважением. У него ведь особые обстоятельства.

Наместник отступил назад.

— На кого я оставлю дочь, изверги?

— Ваша теща уже едет сюда из поместья.

— Разве можно этой... даме доверить детей? — негодующие сказал вен Кос. Однако мысль о ненавистной женщине впервые принесла ему успокоение. Девочка будет пол присмотром. Старая ведьма его может и пожелает со свету сжить, но внучат любит безмерно.

Зря он не возил их к ней так долго. Впрочем, теща еще насмотрится на пьяную рожу Мирана.

Димитрий вцепился в спинку кресла на колесиках обеими руками.

Наместник вышел, до последнего не отрывая взгляда от опять проникшей дочери. Едва за ним закрылась дверь, сыщик сполз на пол.

— Плохо? — подскочил к нему Дарьян.

— А как вы думаете, уважаемый доктор?

— А что мне думать, если вы весь — сплошной феномен?

Он расстегнул Димитрию сюртук и рубашку и увидел, что повязка на груди намочла от крови.

— Я немножко полежу... — прохрипел Кривз. Дарьян распорядился вместо него:

— Сида Яр, уведите женщину. И как это у вас называется? Опросите.

— Но... Он не умрет?

— Теперь не должен. Пришлите сюда Вито и идите.

— Хорошо.

Потолок плясал перед глазами, словно степняки у костра. Сопротивляться этим танцам больше не хотелось. В конце концов, именно в спящем или бессознательном состоянии он слышит ярче чужие души.

— Если отключусь, пусть. Буди в экстренном случае. И, Дарьян...

Доктор на секунду отвлекся от раны и посмотрел на своего пациента с вопросом.

— Спасибо.

Потолок перекувыркнулся и упал сыщику на голову, не давая возможности услышать ответ, если таковой был.

А почему-то ему до сих пор удобнее работать вот так, с уличными детьми, чем с квартальными с военной выправкой и благообразными сидами. Надо бы написать Нежелану, пусть получит свою сенсацию.

И Марине. Она всегда ждёт, а он забыл...

В ушах — шум моря и яркое оранжевое пятно перед глазами. Солнце? И отчего так горячо в груди? И жар этот, словно фантастический змей, пожирает одну мысль за другой.

Пустота.

Глава 19. Мера вины

Шум.

Людские голоса.

Опять?

Что на этот раз? Больница? Тюрьма? Притон? Пивная? Бордель?

Голоса дальше, за дверью. Один знакомый. Это кричит сид Урд. Ругается. Что-то говорят Цветана и Вито. Парнишку, конечно, тут же затыкают — кто он такой, начальнику перечить! Но Цветану так просто не заткнешь.

Цветана... Цветана Крив. Так звали его мать. У нее были безумные глаза, и полуседые волосы — даже белее, чем у бабки. Она либо не обращала на него внимания, либо пугалась его. Он не помнил, чтобы когда-нибудь мать касалась его хотя бы случайно.

— Случайно? Сиды Ярь, как можно посадить человека в тюрьму случайно???

Крики. Новые.

И... О, какой знакомый винегрет эмоций! Этого человека надо увидеть!

Димитрий открыл глаза. С удивлением отметил, что лежит на застеленной одеялом лавке. Ах, да, договорился с Дарьяном, что тот отвезёт его именно в здание сыскной отдел, а тот обещание выполнил. Была бы Цветана, непременно пожалела бы и отправила в гостинный дом. А вот Марина не пожалела б. Дело есть дело, да и границы его выносливости она знает лучше него самого.

— О, Отец наш!!!

Кривз встал. Мир покачнулся, но тут же заботливо подставил под плечо стену. Опираясь на холодный камень, удалось выйти из комнаты, пройти коридор и втиснуться в мелкое помещение у входной двери, где сидел дежурный.

О, зрелище стоило этих усилий! Вен Кос, младший конечно, — мокрый, злой, окровавленный и абсолютно трезвый стоял у входа. На руках он держал... Ладу.

Вот как. Значит, про папашу и сестру все знал.

Девочку у него тут же принял бородатый квартальный. Цветана убежала хлопотать над замёрзшим ребенком.

— И как? Выиграли спор? — спросил Димитрий.

— Ой, — оглянулся на него Вито с испугом. — А я вот. Бежал будить!

Вен Кос скривил губы.

— А я вам говорил. Я говорил! А вы не слышали.

— Значит, плохо говорили.

Молодой человек не стал спорить. Сыщики и квартальные быстро разошлись. Ареста второго вена Кос их тонкая чиновничья душевная организация, видимо, могла не вынести.

Димитрий смотрел на Мирана, Миран — по сторонам, Вито переводил взгляд с одного на другого, дежурный пытался посереть лицом так, чтобы слиться со стеной.

Тишина звенела в ушах и тянула жилы.

— И чего вы ждёте?

— Я не знаю, — ответил наследник убийцы. — Не знаю.

— Вы знали?

— Конечно. Я же жил с ним в одном доме.

— Участвовали?

Каркающий смех.

— Ну что вы! Он бы никогда в жизни не доверил бы мне такое важное дело! Я просто замечал. А потом спросил. И он мне ответил.

— Вы могли спасти не одну жизнь, если бы пришли сразу и рассказали о своих наблюдениях.

— У меня нет ваших полномочий.

Тянем-потянем.

— Ещё.

— Я боялся за сестру.

— Ещё.

— Я смалодушничал. Отец всегда казался всеведущим и всемогущим. Он в любой ситуации знает, что надо делать. Он не может ошибаться.

Какая тонкая ниточка. Так легко рвется. А что под ней прячется?

— Ложь. Но врете вы себе. Вы поняли довольно рано, что происходящее — зло. Но не нашли в себе сил оспорить авторитет отца хотя бы мысленно.

— Возможно, — покладисто согласился вен.

— Где вы нашли Ладу?

— У отца за городом есть лесной домик. Совсем близко, если скакать на лошади. Туда часто ездили посыльные, кормить собак.

Ну, теперь понятно, откуда кровь. Собаки, видимо, мертвы, раз вен здесь.

— Пожалуй, вам надо к доктору.

— Я...

— Жаждете искупить вину, дёргая ногами на виселице?

Миран сглотнул.

— Не знаю. Не хочу оставлять сестру одну. Но и жить тошно.

— Сбежать — это, конечно, достойный выход.

Губы скривились, но так и не сложились в улыбку.

— Отец тоже говорил, что во мне нет достоинства аристократа, как не учи.

— Поведение вашего отца безупречно, я так понимаю?

Миран не ответил.

— Идите, вен Кос, домой. Завтра придете давать показания.

Удивление.

— Но как же...

— Я понимаю, что вам очень хочется мучениями телесными перекрыть ваш душевный раздор, однако ваши догадки — лишь догадки. Вы не участвовали в делах отца. Полагаю, ваш опрос мы можем отложить на завтра. Уже почти ночь.

— Да? Да, конечно. Вероятно, так и стоит сделать. Бабушка, должно быть, ждала к ужину и теперь волнуется. Да, может быть. Ехать.

Молодой человек растерянно осмотрелся, развернулся к двери.

— И непременно посетите доктора. На вас слишком много царापин.

— Да. Сид Угль. Хороший доктор. Конечно. Конечно.

Миран вышел — в ночь, под дождь, совершенно потерянный.

— Ну что, Вито? Дело сделано? — устало спросил Димитрий. Усталость впервые была какой-то... пусть не светлой, но хотя бы завершённой. Душу не бередило "я ещё не всё сделал". Эта история подходит к концу. Для кого-то — трагическая. Для кого-то — даже

счастливая. В меру.

— Газетчик Летнь был?

— Да, приходил. А потом ушел с Дарьяном к нисе. Видимо, нису Бель уже не вернуть дочерей. С такой-то оглаской.

— Он их потерял давно, просто этого не понял. Ниса Аль с невестой выпустили?

— Да. Они поссорились. Правда, как-то странно, молча. Потом помирились. Потом она плакала на его груди, а он ее целовал. Вскоре приехал экипаж и увез их в дом нисы Аль.

— Хорошо. Спасибо, Вито.

Парнишка топтался на одном месте. Димитрий зашагал к кабинету, где Цветана работала с бесконечными бумагами. Он почему-то стал считать его своим.

— Что хочешь спросить?

— Зачем вы дали мне письмо, которое я должен был потерять?

— Затем, что если бы я не послал распоряжений, это выглядело бы подозрительно. А нам нужно было подстегнуть убийцу к действию. У злодея было мало времени предотвратить арест. Он должен был убить меня, и перехватить письмо. Логичнее всего — подкараулить тебя у дома, отобрать документ, вернуться, убить меня.

— Какая-то сложная схема.

— Я просто знаю, как он думал.

— Это сложно?

— Иногда это страшно. Понять хороших людей порой не так просто. Понимать плохих — тем более тяжёлое занятие.

Вито кусал губы. Димитрий уселся за стол Цветаны, махнул мальчишке сесть напротив.

— Я... Вы...

— Я не возьму тебя с собой. Ты замечательный помощник. И ты очень много сделал в этом расследовании. Но у меня нет дома. Нет семьи. Нет ничего, кроме работы, да и та весьма необычна временами. Ты создан для другого. Из тебя выйдет замечательный сыщик. Не смотри, что сейчас ты парень на побегушках. Ты живёшь в этом месте, ты работаешь в этом месте, это место в тебе. Уверен, если мы встретимся ещё раз, ты сможешь похвалиться не одним раскрытым делом.

— Я буду стараться, сид Кривз!

— Я не сид.

— Простите.

— Иди, Вито. Пора спать.

— Сыщик Кривз! Там дед Михей у Стефана сидит, он вас доведёт.

— Спасибо.

Немного разочарованный, немного воодушевленный, парнишка наконец ушел. Димитрий посидел, собираясь с силами, и отправился в гостиный дом.

Дона Власта ещё не спала. Открыла дверь, предложила ужин.

— Лучше разговор, — сообщил сыщик и попросил опять открыть угловую комнату.

Теперь, если смотреть не с перепугу, а прицельно, можно убедиться, что здесь кто-то был. Димитрий прикрыл глаза.

Испугана. Чувствует угрозу, но не понимает ее. Личное. Прятала любовника? Скорее всего. А любовник, конечно, был совсем не случайным.

Ах, дон Бойк! Целый Казанова, а не обычный посыльный! И когда все успевал? И ведь подобрался так незаметно, гаденыш!

Казанова... А кто это? Откуда такое сравнение? Кто-то из *чужих* рассказывал?

Димитрий не стал пугать хозяйку. Поблагодарил, ушел к себе. Эта мелочь подождёт до завтра.

В комнате он первым делом открыл записную книжку. Долистал до голубоватых страниц со отрезанными уголками.

"Ты долго не писал. А я отвечаю за твое состояние, между прочим. Даже на расстоянии. И ты знаешь, в таком случае я начинаю беспокоиться и смотреть карты, но карты не слушают тех, у кого неровно стучит сердце. Конечно, ничего не смогла увидеть, все мерещились муки, смерть, женщины и кровоточащее сердце. В очередной раз не выдержала и послала тебе шарф, как нить загадки. Но ты знаешь, мои знаки появляются всегда к месту, но не ко времени. Подсказал ли он тебе что-нибудь? Там, где он появился, есть ложь. Надеюсь, ты разгадал ее до того, как тебе в очередной раз добавили шрамов.

Дим, твой маяк молчит. Конечно, ты всегда несловоохотлив, но в этот раз нет даже отчета. Все так плохо со следствием? Или с тобой?

Надеюсь, в этот раз тебе не придется моим шарфом перевязывать дырки в себе.

И помнишь нашу забаву: нарциссы — это?"

Нарциссы — это эгоизм. Розы — ветренность. Подснежники — нежность. Это Марина изобрела, как пароль. "Придумай цветку качество."

Это была единственная "личная" запись. Однако сегодня на втором листе появилась клякса. Димитрий взял со стола нож, уколол палец, капнул кровью на страницу. Мгновение — и на голубоватой бумаге проявился текст.

"Отпиши о самочувствии. Тянули тебя с парнями, как могли. Хорошо, что мы связаны. Круговая порука, конечно, дело нечестное, Ева вообще до сих пор не очнулась, как почувствовала твою боль, но хорошо, что это имеет и такую сторону.

Ложись спать, пока всех нас не угробил.

Рана заживёт, если ее лечить! Желательно лежать в кровати!

И выпей уже кислявку, отпусти ребят, им надоело чувствовать твою усталость.

Я нашла тебе новые перчатки. Не из драконьей кожи, конечно, но огонь выдерживают.

Когда будешь спать, подумай о море. Никак не могу с тобой увидеться на Изнанке. Беспокойно внутри. И карты врут.

Возвращайся домой, Дим, тебя ждут. И не только дела."

Какое-то время в груди было горячо и больно, потом попустило. Димитрий перевернул страницы. Белые. На каждой — маленькая красная клякса.

Настоящие отчёты. Не то смехотворное на коленке написанное, что украл у Вито посыльный наместника дон Бойк. Не огрызки мыслей, отданные Цветане на переформулировку. Длинные, сухие, строгие строчки, благодаря тому, что книга является артефактом, отправляющиеся на стол начальству без гонцов и почтовых самоходок. Все в подробностях о каждом убийстве. Опросы свидетелей и мимопроходящих. Характеристики жертв и всех причастных. Предположения, версии. Об оборотне и младшем сыне травника. О ритуале. О тайном обществе, которое не тайное. Об убийце, который жертва. О наместнике. Следовало дописать итог. О том, что отправил оглушенного убийцу-посыльного в столицу под конвоем, Димитрий отписал, как очнулся. Осталось изложить обстоятельства ареста наместника и спасения Лады.

Дописать — и уехать. Его дело на этом заканчивается. Вена Кос увезут в столицу, и особые люди будут разбираться в его особых обстоятельствах. А Димитрия опять отправят

куда-нибудь ловить очередного убийцу, шпиона и далее по списку.

Как и каждого из их группы.

Димитрий закрыл книгу. Погасил свет, лег. Из окна пахло дождем, с неба из-за туч стыдливо выглядывала луна. В ее лучах синий женский шарфик, небрежно брошенный на стол, мерцал успокаивающей синевой.

Димитрию впервые за эти дни приснилось спокойное море.

Приличная комната приличного гостиного двора. На столе — газетные вырезки и пространное письмо.

"Вы так внезапно уехали, даже не попрощались..."

...А у нас много новостей...

...Сид Угль заболел... А Дарьян, оказывается, сдал экзамен на доктора, но никто не знал...

...Нежелан Коготь, помните, который Летнь, который оказался не трупом, а живым, газетчик, вроде уезжает в столицу, сильно он у нас разбередил все своими обличающими статьями. Будет теперь там за справедливость бороться...

... Славен и Ильяна объявили о помолвке, Ясмина живёт с ними, очень сдружилась с Милицей. Ниса Аль в ужасе, говорит, вдвоем девушки способны повернуть реки вспять и потушить солнце...

... Аптекарь с помощницей пропали без вести, никто не знает, что произошло. Вы бы наверно, догадались, но вы же молчите о многом...

... Нис Бель после суда выплатил дочерям положенное и уехал к какому-то другу в соседнюю провинцию. Мне показалось, у него значительно прибавилось седых волос...

...Старый травник до сих пор пишет на нас всех жалобы о клевете на двух его сыновей. Но скоро, наверно, перестанет, у него недавно нашли запрещённые вещества: степной яд, гиленскую огненную воду и что-то ещё, мне отчёт пока не сдали...

... Мне кажется, Вито по вам скучает...

... Лада изменилась. Стала такой тихой! Зато батюшка к ней теперь, когда она не пытается спалить дом, относится благосклоннее. Это он не знает, что они с Вито проводят какие-то опыты на пустыре, решили стать лучшими сыщиками на Континенте...

... Миран отправил сестру в лечебницу, а сам пропал. Одни говорят, повесился, другие — спился, третьи, что ушел в армию. Я непременно выясню, что с ним стало, вот батюшка со свадьбой отстанет, и выясню...

... Дона Власта, у которой вы жили, продала дом и уехала на север, все гадают, почему..."

Ещё бы она не уехала после того утреннего разговора. Испугалась. Если твой любовник — человек, убивший около десяти человек (а скорее всего, больше), ещё не так испугаешься.

"... Все вас вспоминают по-разному. Я не берусь судить. Просто хочу пожелать вам доброй дороги.

Цветана сид Ярь."

Димитрий собрал вещи в дорожный саквояж. Газеты оставил на столе, письмо взял. Сунул в карман записную книжку, часы, сопроводительные документы и тонкий шарфик синего цвета.

— Уже съезжаете? — добродушно спросила хозяйка гостиного двора, принимая оплату.

— Да. Дела.

— Доброй дороги.

— Благодарю.

Солнце уже взошло, на станцию скоро должен был прибыть экипаж до Высельска. Димитрий как раз успевал дойти до места неспешным шагом. Когда ему ещё представится

случай неторопливо прогуляться солнечным утром?

Время было рассчитано верно: когда он подошёл к остановке, вдалеке как раз показался столб пыли. Дмитрий посмотрел на дорогу, на солнце и стянутый внутри него тугий узел немного ослаб.

Он ехал туда, где его знали.

И где его ждали.

Больше книг на сайте - Knigoed.net